Васильченко Андрей

Штрафбаты Гитлера. Живые мертвецы вермахта

Введение

Кручу в руках небольшой буклет. Напечатан на скромной бумаге. Пара военных фотографий и несколько абзацев текста. Обратный адрес: 10243, Берлин, Франц-Мерингер-плац, 1. По этому адресу располагается «Рабочее сообщество бывших 999-х».

В истории они так и остались под безликими номерами 999-е и 500-е. Первые собираются в Берлине, вторые — в Бремене, где в октябре 1990 года, 45 лет спустя после окончания Второй мировой войны, был создан «Объединенный союз жертв нацистской военной юстиции». Казалось бы, у этих двух номеров одинаковая судьба, но все равно они недолюбливают друг

друга. В годы мировой войны все они оказались в «испытательных частях» или, говоря по-русски, были штрафниками.

Мало кто знает, что практика штрафных батальонов была позаимствована И.В. Сталиным именно в Германии. Тема штрафбатов постоянно будоражила наше общество. Вначале были песни Высоцкого, в годы перестройки — фильм «Гу-га». Новый всплеск интереса произошел в ноябре 2004 года, когда по российскому телевидению прошел сериал «Штрафбат», который тут же занял самые высокие позиции в рейтингах. Создатели многосерийного фильма, показывая, что во Второй мировой войне СССР «выиграл мясом», вызвали бурные дискуссии, и не только среди любителей кино, но и среди историков. Именно осенью 2004 года всплыла тема немецких штрафных батальонов. Этот вопрос сразу же оброс кучей легенд и домыслов. Вспоминались и немецкие солдаты, прикованные к пулеметам, и каратели Дирлевангера, но в ходе дискуссий почти никто не вспоминал ни о 500-х, ни о 999-х батальонах. Собственно говоря, в этом нет ничего удивительного: система штрафных частей в нацистской Германии оказалась настолько запутанной, что даже сами немцы не всегда могли определиться в их оценке. В ГДР усиленно писали об антифашистском подполье в штрафных батальонах. Ветераны Вермахта из ФРГ в своих статьях убеждали читателя в обратном — штрафники отважно сражались, а их формирования были едва ли не ударными группами. В ответ на это раздавалось: «Зачем же тогда позади них шли специальные офицеры и усиленные полицейские наряды, которые расстреливали любого солдата, пытавшегося скрыться с поля боя?» На заметку критикам сталинской эпохи — заградительные отряды существовали не только в Красной Армии.

Собственно этот вопрос так и остался бы в подвешенном состоянии, если бы в середине/конце 90-х годов XX века немецкий исследователь Ганс-Петер Клауш не взялся за тяжкий труд пролить свет на эту запутанную проблему. Именно с его подачи в ФРГ стали появляться новые статьи и даже диссертации по данной тематике. Объем этих материалов слишком велик, чтобы подробно и дословно воспроизводить их. Но тем не менее отечественному читателю окажется полезным ознакомиться со сложной системой штрафных подразделений Вермахта, которые принимали участие во Второй мировой войне. Вдвойне этот сюжет будет интересен благодаря тому обстоятельству, что советские штрафбаты создавались, чтобы вести действия исключительно против немецкой стороны. А штрафные части Вермахта, в свою очередь, были созданы для того, чтобы разгромить Красную Армию. С этой точки зрения Великую Отечественную войну можно с некоторой натяжкой считать войной штрафников.

ЧАСТЬ 1

Условия возникновения испытательных частей

Глава 1

Армейская юстиция Третьего Рейха до 1940 года

Для всех реакционных, националистических и милитаристских кругов Германии (и во время Веймарской республики, и после установления Третьего рейха) наиболее травмирующим переживанием было то обстоятельство, что простые немецкие солдаты поддержали восстание матросов в Киле и Вильгельмсхафене, которое затем переросло в ноябрьскую революцию 1918 года. Именно эти действия положили конец мясорубке Первой мировой войны, упразднили монархию и поставили на ее место демократическую Веймарскую республику. Это переживание воплотилось в «легенду о предательском ударе в спину». Германия-де проиграла войну не из-за военного превосходства противников, а потому, что тысячи дезертиров, симулянтов, «психопатов» скопились в тылу, откуда нанесли свой предательский удар в спину рейхсвера. В своей книге «Моя борьба» Адольф Гитлер следующим образом излагал эту версию: «В Германии имело крупное значение еще и следующее обстоятельство. Разложение армии, конечно, происходило всюду — без этого ноябрьская революция не могла удаться. Но тем не менее главным носителем идеи революции и главным виновником разложения армии

был не фронтовик. Эту «работу» выполнили главным образом негодяи местных гарнизонов или те субъекты, которые вообще сумели изобразить себя «незаменимыми» и спрятаться где-нибудь в тылу на хозяйственной работе. Соответствующие «дополнения» эти банды получали еще за счет дезертиров. С фронтов в это время дезертировали в тыл десятки тысяч людей, оставаясь при этом почти совершенно безнаказанными. Трусы, как известно, во все времена и эпохи боятся только одного: собственной смерти. На фронтах смерть, конечно, могла настигнуть такого труса в любой день и час. Есть только одно средство заставить трусов, слабых и колеблющихся несмотря ни на что выполнить их долг: дезертир должен знать, что если он убежит с фронта, то его непременно настигнет та участь, которой он больше всего боится. Дезертир должен знать, что если он останется на фронте, то его только может настигнуть смерть, а если он удерет с фронта, то смерть непременно настигнет его. В этом и заключается весь смысл военного устава».

Однако дезертирство не являлось какой-то специфической формой, порожденной Первой мировой войной. Уже в античные времена мы можем найти явление, несколько похожее на дезертирство. В римских законах 12 таблиц, датированных 450 г. до н. э. встречается упоминание о perduellio — военном преступлении, заключавшемся в переходе легионера на сторону противника или бегстве с места битвы, то бишь собственно дезертирства. Дезертировавшие легионеры приговаривались к казни, которая имела несколько разновидностей: закалывание мечом, распятие, забивание до смерти палками или камнями. Постепенно на место perduellio пришло другое уголовное деяние — crimen laesae majestatis populi romani immunitatae. Под этой сложной формулой подразумевалось или самовольное оставление воинской части, что приравнивалось к действию, которое было опасно для государства и подрывало его авторитет.

Свод законов восточно-римского императора Юстиниана I, принятый в 527 г. н. э., содержал в себе основные принципы армейского уголовного права. В нем уже проводились четкие различия между собственно дезертирством (desertio), недозволенным оставлением воинской части (emansio) и переходом на сторону противника (transitio). В кодексе Юстиниана самое большое внимание уделялось именно дезертирству. Под таковым подразумевалось оставление части на длительный срок с целью скрыться от воинской службы. К дезертирству приравнивалось оставление часовым своего поста. Если говорить о наказаниях дезертирств, то при Юстиниане оно было сравнительно мягким. Дезертира, например, могли перевести служить в более отдаленную и опасную провинцию или же могли понизить в чине, переведя из кавалерийских (элитных) в менее престижные сухопутные части. Смертная казнь наступала лишь в случае повторного дезертирства.

Впрочем, в условиях ведения войны дезертиров, как правило, тут же казнили. Преследовались также по закону пособничество и укрывательство дезертиров. Но стоит отметить, что законы Юстиниана предполагали целый ряд смягчающих обстоятельств, которые могли спасти дезертира от смертной казни. В их числе оказались добровольное возвращение в часть, а также недолгий срок службы.

Германские племена, против которых активно воевали римские императоры, никогда не делали подобных различий. Трусов, покинувших поле боя, топили в болоте, а предателей, перешедших на сторону противника, вешали на деревьях. Если же солдат возвращался живым из битвы, в которой погиб его военачальник, то он лишался всех прав, так как считалось, что тот бросил своего «господина» на произвол судьбы.

В более позднем франкском праве дезертирство считалось изменой по отношению к королю (infidelitas), а стало быть, клятвопреступлением. Оно относилось к crimen majestatis. Вне зависимости от мотивов, по которым был совершен этот проступок, дезертира казнили, а его имущество отходило в казну короля.

Средневековье в Германии внесло свои коррективы в понятие дезертирства. На рейхстаге, проходившем в 1431 году в Нюрнберге, специально для похода против Богемии было принято

уложение, в 12-м пункте которого говорилось, что дезертир должен был подвергаться телесным наказаниям и значительным штрафам. Военные законы императора Максимилиана I, принятые в 1508 году, предполагали, что долгом каждого наемника являлось убить труса, бегущего с поля боя. Карл V объявил всех дезертиров вне закона. Их мог убить любой встречный. В «Бранденбургском военном праве и артикулярных письмах» (1656 год) нашли отражение некоторые принципы римского права. При выборе наказания для дезертира учитывались обстоятельства, в которых он совершил это правонарушение. Обычно это отражалось на размере штрафа. Смертная же казнь была исключительной мерой наказания. В ходе судебного разбирательства учитывались такие факторы, как: вовремя ли дезертир получал зарплату, пошел ли он на службу добровольно или его принудили, страдал ли он от голода и жажды, был ли он достаточно молод и неопытен, сожалел ли он о содеянном, добровольно ли он вернулся в расположение части. В зависимости от сложившейся картины выбиралось одно из многочисленных наказаний. Свое слово в этот вопрос внес Фридрих I Прусский, который приказал в 1711 году отрезать дезертирам уши и носы, после чего они направлялись на строительство крепостей. В 1713 году в эдикте короля Фридриха Вильгельма I предписывалась конфискация имущества дезертиров. В полной мере прусское военное право сложилось к 1787 году, когда были приняты директивные правила, которые касались и дезертирства. Параграф 2853-е гласил следующее: «В преступлении дезертирства виновен тот солдат, который, согласно 16-й военной статье, либо словами или знаками высказал намерение в дальнейшем уклоняться от службы, либо же фактически оставил свою службу». В связи с этим в следующем § 2854 значилось: «Тот, кто покидает расположение гарнизона или же не прибыл в предписанное ему место расположения, а затем был схвачен за пределами гарнизона, является виновным в дезертирстве». Дезертиру, который был простым солдатом, грозило наказание в виде 16-кратного прохождения сквозь строй (шпицрутены). Наказание, состоявшее в нанесении ударов с двух сторон по спине строем, в котором могло быть и 100, и 400 человек, вряд ли можно было назвать условным. В некоторых случаях прохождение сквозь строй приравнивалось к мучительной смерти. Однако смертная казнь официально выносилась для неоднократно уличенных в дезертирстве.

В XIX веке пока не сложилось централизованное немецкое государство в некоторых немецких землях возникали собственные армейские уголовные кодексы. Так произошло в Пруссии в 1845 и в Баварии в 1869 году. Согласно Прусскому армейскому уголовному кодексу дезертиром считался тот, кто, приняв армейскую присягу, уклонялся от военной службы. Обвиняемый в дезертирстве мог доказать свою невиновность в случае, если существовали некоторые смягчающие обстоятельства: задержка из увольнения, отказ от пособничества во время пребывания в плену и т. д. Наказание за дезертирство варьировалось между шестью годами заключения в крепости и смертной казнью. За недозволенное временное оставление воинской части или гарнизона («самоволка») провинившегося могли заключить под стражу. Если же солдат в течение 48 часов добровольно возвращался в расположение части, то он мог отделаться лишь 8 днями гауптвахты. Баварский армейский уголовный кодекс 1869 года не предполагал подобных различий. В его § 96 говорилось: «Факт дезертирства не предполагает, что дезертир имел намерение навсегда уклониться от исполнения его воинских обязанностей, для этого достаточно даже его временного отсутствия в гарнизоне или воинской части». Дезертирам в Баварии грозило до 12 лет тюрьмы, а при повторном преступлении — до 16 лет. К смерти приговаривались только те, кто переходил на сторону врага, сбегал из осажденной крепости или подстрекал солдат к массовому дезертирству.

После основания в январе 1871 года немецкой империи («Второй империи») в силу вступил Немецкий имперский армейский уголовный кодекс. В связи с этим все ранее существовавшие армейские уголовные кодексы, в том числе упоминавшиеся выше прусский и баварский, утрачивали свою силу. В новом имперском кодексе впервые проводились четкие различия между дезертирством и самовольным оставлением части. Для того чтобы солдат был

осужден как дезертир, надо было доказать, что он имел намерение либо навсегда покинуть воинскую службу, либо оставить ее на длительный срок. Хотя не имелось никаких указаний, после какого срока отсутствия в части солдат мог считаться дезертиром. Поэтому намерение оставить воинскую службу на продолжительное время должно было в большинстве случаев подтверждаться посредством прямых и косвенных улик.

В новом имперском кодексе дезертирство подлежало наказанию вне зависимости, имело оно место как факт или было только намерением. В ходе войны дезертирство рассматривалось как деяние, которое подрывало дисциплину воинских частей, а стало быть, в боевых условиях за него предполагалось более жесткое наказание. Первая попытка дезертирства каралась лишением свободы на срок от 5 до 10 лет. Побег из осажденной крепости или бегство с поля боя предполагали только смертную казнь. К смерти приговаривались дезертиры, которые хотели повторно скрыться из воинской части. Участников массового дезертирства заключали в тюрьму, но зачинщики и подстрекатели приговаривались к смерти.

В противоположность общему уголовному праву, стоявшему на защите индивидуума, Имперский военно-уголовный кодекс Германии отстаивал в первую очередь интересы солдатского сообщества. Его целью было не столько наказание преступника, сколько поддержание на должном уровне воинской дисциплины. Эта установка значилась уже в § 2 военно-уголовного кодекса. Общее уголовное право имело лишь косвенное отношение к воинским преступлениям и дезертирству. Высшим принципом военно-уголовного права считалось соблюдение дисциплины — «собственно души армии», как выразился в рейхстаге генерал-фельдмаршал Мольтке.

Имперский военно-уголовный кодекс Германии продолжал оставаться в силе и в годы Первой мировой войны. В соответствии с § 69 как дезертир подлежал наказанию тот, кто покидал расположение воинской части «с целью навсегда или на продолжительное время уклониться от воинской службы». То есть солдат должен был иметь намерение никогда не возвращаться в свою воинскую часть по меньшей мере вплоть до окончания войны или демобилизации. Фактически единственным доказательством подобных намерений могло являться самоличное признание дезертира. По этой причине вынесение приговора солдату именно как дезертиру было весьма затруднительным — мало кто желал усугублять свою участь. Но опять же смертные приговоры выносились только в случае перехода на сторону противника, оставления осажденной крепости или оставления поста перед наступающим врагом. Однако предателей, как правило, расстреливали на месте. А в годы Первой мировой войны у Германии не было осажденных крепостей. В итоге к смерти приговаривались только те солдаты, которые пытались повторно дезертировать, но и то это практиковалось далеко не во всех случаях. В итоге за все четыре года Первой мировой войны трибуналы вынесли только 150 смертных приговоров немецким солдатам. Но из них казнено было всего лишь 48 человек, все остальные были помилованы, а казнь была заменена тюремным заключением.

Когда гитлеровский национал-социализм предпринял попытку установления мирового господства, то были предприняты меры, которые должны были сделать невозможным повторение событий ноября 1918 года. Фактически несколько дней спустя после передачи власти НСДАП, 3 февраля 1933 года, Гитлер в выступлении перед высшими чинами рейхсвера и военного флота заявил, что создание Вермахта является важнейшей предпосылкой для «завоевания жизненного пространства на Востоке и его беззастенчивой германизации». При этом он подчеркнул, что должна быть возвращена практика всеобщей воинской повинности. «Но перед этим государственное руководство должно позаботиться о том, чтобы военнообязанные накануне призыва не были заражены пацифизмом, большевизмом, марксизмом, по крайней мере, за время службы из них надо будет вывести этот яд», — говорил фюрер. Этой целевой установке служил беспрецедентный террор, который развязали в 1933 году СА, СС и полиция. Именно тогда десятки тысяч антифашистов оказались в концентрационных лагерях и тюрьмах. Многие из них так и не вышли на свободу.

Одновременно с устрашением и ликвидацией идейных противников войны проводилось множество фланкирующих мероприятий в области военного права, армейской юстиции, дисциплинарных взысканий и исполнения военных наказаний. Это предпринималось для того, чтобы изолировать от основного состава воинских частей потенциальные «очаги недовольства», в случае если бы в армию проникли неблагонадежные и подрывные элементы.

Одним из первых мероприятий, которое должно было предотвратить повторение ноября 1918 года, стало появление в Военном кодексе 1935 года § 13. Этот параграф закрывал путь в армию не только осужденным за тяжкие преступления, но бывшим политическим заключенным, которые являлись противниками национал-социалистического режима. Им запрещалось несение воинской службы. § 13 Военного кодекса гласил:

«Недостойными военной службы, а вместе с тем не подлежащими военному призыву являются те, кто:

a) имел тюремное заключение;

b) был лишен гражданских прав;

c) попадает под действие § 42 Имперского уголовного кодекса;

d) был лишен военным трибуналом права служить в армии;

e) был наказан в судебном порядке за антигосударственную деятельность».

Если пункт «а» исключал из армии как «каторжан» большинство ранее осужденных противников режима, то пункт «е» специально вводился для тех, кто недолгое время пребывал в лагерях или получил условный срок. Нацистский режим предполагал, что в некоторых «легких случаях» из политических оппонентов можно было сделать нормальных солдат. Для этого в апреле 1937 года было установлено, что «недостойными военной службы» признавались люди, получившие за антигосударственную деятельность девять и более месяцев лагерей. Это нововведение должно было предотвратить: а) чтобы преступник, совершивший незначительное правонарушение, был лишен почетной обязанности воинской службы немецкому народу, нанося тем самым более значительный урон интересам народного сообщества; б) устремление отдельных личностей, которые стремятся уклониться от воинской службы путем совершения незначительных политических правонарушений».

Принимая во внимание § 13 Военного кодекса, надо отметить, что запрет упомянутым группам нести воинскую службу отнюдь не являлся специфической нацистской мерой. Подобные действия по защите авторитета армии и морали в воинской части, по профилактике саботажа, разглашения важных сведений и т. д. свойственны в какой-то мере «внутренней логике» любой армии. Однако по сравнению с кайзеровской армией круг лиц, «недостойных военной службы», был значительно расширен. Новым, по сути, было само определение «недостойного» нести воинскую службу, которое имело вполне определенный пропагандистский характер. В условиях возвращения к «древнегерманским принципам» «недостойный» являлся негативным полюсом, противопоставленным защитнику немецкой нации и германской земли.

Следующей вехой на пути предупреждения волнений в Вермахте стало формирование тайной военной полиции и характерное ужесточение штрафной части законов, касающихся армии, и особенно Военного уголовного кодекса. Ужесточение армейских законов произошло задолго до печально знаменитой речи Геббельса в Берлинском дворце спорта. Представители военной юстиции обратили внимание на известные слова Людендорфа о «подготовке к тотальной войне», которая выразилась в принятии Особого военного уголовного права, которое вступило в действие 17 августа 1938 года. Историю возникновения этого документа

можно проследить, начиная с 1934 года. Собственно центральным пунктом Особого военного уголовного права был § 5 («Подрыв боеспособности»).

«За подрыв боеспособности карались смертью:

Кто публично призвал к этому или способствовал уклонению от исполнения служебных обязанностей в немецком Вермахте или союзнической армии, или же публично стремился парализовать волю немецкого или союзнического солдата к несению военной службы.

Кто склоняет солдат или военнообязанных запаса к непослушанию, к сопротивлению или применению физической силы в отношении командира или же к дезертирству, или же недозволенному оставлению части, или же подрыву самообладания солдат Вермахта и союзнических армий.

Кто посредством членовредительства, обмана или другим способом намеревается временно или постоянно уклоняться от военной службы.

В отдельных случаях может быть заключен в тюрьму.

Наряду со смертной казнью и тюремным заключением допустима полная конфискация имущества».

Если подытожить различные, во многом противоречивые штрафные санкции в отношении понятия «подрыв боеспособности», то видно, что возникла весьма размытая юридическая формулировка, которая могла применяться к любой антивоенной деятельности и попыткам уклонения от службы. Фактически к смерти могли приговорить любого неугодного. 1 ноября 1939 года Особое военное уголовное право было дополнено «особым штрафным параграфом» § 5а, который давал право военным судьям выносить смертный приговор любым служащим, если те «допускали действия против самообладания и солдатского мужества». Подчеркивалось, что смертная казнь являлась «вполне адекватной мерой наказания», если это требовалось во имя поддержания боеспособности военной части и сохранения в ней боевого духа. Для расширенной трактовки этого параграфа в комментариях к закону говорилось, что смертная казнь могла применяться в случаях трусости, угроз командиру, актов неповиновения, попытки мятежа, вооруженных волнениях, нападения на вышестоящих чинов, мародерства, а также при любых других проступках, которые подрывали пресловутую боеспособность воинской части. Эти пункты Особого военного уголовного права не только открывали широкие возможности для юридического произвола, но позже способствовали появлению типично нацистского понятия «здоровых народных настроений», что указывало на масштаб наказаний, которые выносились в соответствии с неоднократно обновлявшимся § 5а.

Подобные драконовские меры привели к тому, что только в первые месяцы войны служащим Вермахта было вынесено около 30 тысяч смертных приговоров. Но подобные потери были бы слишком велики. Поэтому параллельно с казнями в начале войны стала применяться «перспективная» практика лишения свободы, которая имела двоякую цель: «испытание» и «изоляция». Для обоих понятий имелось подходящее обоснование: «Лишение свободы не должно давать подлецам и трусам возможность уклониться от военной службы. Солдаты, которые покинули часть, должны получить возможность проявить себя на фронте. Поэтому если особые обстоятельства не предполагают немедленного приведения приговора в исполнение, то на срок ведения войны принципиально должно применяться лишение свободы» (§ 104).

Испытание на фронте должно было дать осужденным на тюремное заключение возможность «в своей или другой воинской части» доказать свое мужество и «вновь получить почетную возможность носить оружие, дабы защищать немецкий народ». Только таким образом провинившийся мог заслужить прощение. Однако если сохранение дисциплины предполагало принятие более строгих мер (в особенности когда речь шла о сохранении боеспособности части) «судья мог вынести приговор о переводе в штрафной лагерь».

Направление в штрафные лагеря стало еще одной формой наказания провинившихся. Что она подразумевала, наглядно иллюстрирует приказ Германа Геринга, отданный 17 ноября 1939

года: «Опыт мировой войны показывает, что подлецы и трусы нередко специально попадают под действие штрафных санкций, дабы спасти свою жизнь и оказаться в безопасном месте в тылу. Подобные трюки прекратятся, если вплоть до окончания войны не будут назначаться наказания в виде заключения в тюрьму. Осужденные должны на протяжении всей войны пребывать в штрафных лагерях, где столкнутся с самыми тяжелыми условиями существования. Время пребывания в штрафном лагере не будет засчитываться в срок отбывания тюремного наказания, которое наступит лишь после окончания войны».

3 ноября 1939 года Верховное командование Вермахта присовокупило к трем уже существующим военным тюрьмам (Гермерсхайм, Глац и Торгау) «Положение об использовании» штрафных лагерей. Оно регламентировало создание трех «штрафных лагерей» в непосредственной близости от линии фронта, которые рассматривались как места отбывания наказаний, кои предшествовали попаданию в тюрьму Вермахта. В частности, в этом документе предписывалось: «Пребывание в штрафном лагере, включая штрафное лагерное отделение тюрем Вермахта, не засчитывается как срок отбывания тюремного наказания. Следовательно, оно является не исполнением наказания, а только лишением свободы на неопределенный срок… С оказавшимися в штрафном лагере заключенными надо обращаться предельно строго. Подобное обращение должно оказать продолжительное устрашающее действие на небезопасные элементы в воинских частях и противодействовать попыткам уклоняться от воинского долга посредством отбывания тюремного заключения. Только лишь в исключительных случаях, когда осужденные демонстрируют полное изменение во всем, комендант лагеря может предложить военному судье отменить приговор о пребывании в штрафном лагере… Заключенные носят униформу соответствующей части Вермахта без эмблем, погон, кокард и нашивок… В исключительных случаях разрешается частная переписка, но не чаще одного отправленного письма за полтора месяца… Арестантов надо привлекать к тяжелому физическому труду, по возможности имеющему прямое или опосредованное значение для защиты рейха… Рабочий день должен составлять 10–14 часов. Перерывы в рабочем времени для принятия пищи надо рассчитывать с учетом наличия дневного освещения. В воскресенье и праздники рабочий день должен длиться не менее 4 часов… Наряду с работой ежедневно надо проводить строевую подготовку (без оружия), приучая тем самым арестантов к дисциплине. Строевая подготовка должна проводиться перед началом и после окончания работ. Если рабочее время не было полностью употреблено, то оно должно быть компенсировано строевой подготовкой. Арестанты не должны иметь возможности читать книги и прочую литературу. Настольные игры и прочие развлечения запрещены. После окончания работы в помещениях выключается искусственный свет… Любые дисциплинарные нарушения должны караться со всей строгостью, в том числе не надо бояться применения оружия… если арестанты не зарабатывают никакой оплаты труда и денежного содержания, то должны получать 70 % минимального продовольственного пайка (650 г хлеба ежедневно)».

Очевидно, в Верховном командовании Вермахта исходили из того, что этот двойственный принцип штрафного наказания в условиях временного отказа от тюремного заключения не соответствовал насущным задачам армии. Во всяком случае, направленное в тюрьмы Вермахта письмо заканчивалось словами: «Начальникам штрафных лагерей в срок до 1 декабря 1940 года представить короткие донесения о наработанном опыте и предложения об изменении существующих предписаний». Что касается наказания с целью прохождения «испытания», то правовой отдел Вермахта в течение 1940 года прислал своих представителей на передовую, которые выяснили — подобные действия «оправдали себя во время польского похода, где группы штрафников имели прямое столкновение с противником». Подчеркивалось, что «многие из арестантов искупили свои преступления, продемонстрировав необычайную смелость». Следовательно, их действия служили основанием для помилования, что было предусмотрено §§ 112–116 Военно-уголовного судопроизводства, части VI («Право на помилование»).

Разумеется, стали возникать проблемы. В частности, они были связаны с теми участками и временными периодами, где и когда не происходило никаких непосредственных боевых действий. В процитированном выше документе правового отдела Вермахта по этому поводу сообщалось: «Для большей части Вермахта принципиальное назначение суровых наказаний не было правильным. Они применимы там, где действительно возможно истинное искупление вины через проявление смелости, но не там, где правосудие Вермахта является пустой формальностью. Подобное впечатление усугублялось повсеместно распространенным мнением, что после окончания войны все арестанты попадут под действие амнистии».

Следствием подобных настроений был очевидный рост преступности и ослабление военной дисциплины. В итоге число совершенных служащими Вермахта преступлений и правонарушений выросло с 7065 (период с 28 августа по 31 декабря 1931 года) до 7916 только за первый квартал 1940 года. В части «гражданских преступлений и самовольных оставлений части» рост составил 48 %, что в абсолютных числах выглядит следующим образом: с 2935 до 4338. Чтобы противодействовать этой негативной динамике, требовались более гибкие и эффективные методы. Имеющейся модели «испытание» и «изоляция» оказывалось явно недостаточно. После войны бывший генеральный судья Имперского военного суда Эрих Латтманн вспоминал по данному поводу: «Поддержание дисциплины, коя после польской кампании была сильно ослаблена, делало необходимым применять все виды наказаний, включая лишение свободы, которые могли бы применяться в мирное, спокойное время». Между штрафным лагерем, предназначенным для самых тяжелых, «трудно воспитуемых» случаев, и отбыванием наказания в виде «испытания фронтом» оказались изменения, внесенные в мае 1940 года в § 104 Военно-уголовного судопроизводства, которые предусматривали возможность полного или частичного лишения свободы. Эти изменения в системе исполнения наказаний привели к определенной разгрузке тюрем Вермахта. Как вспоминал Карл Зигфрид

Бадер, один из сотрудников данных тюрем: «При реальном отсутствии случаев освобождения из тюрем осужденных даже за небольшие провинности возникала реальная угроза их переполнения». Круг тех, кто должен был содержаться в исправительных лагерях, был четко очерчен: «бывшие осужденные за тяжкие преступления, не поддающиеся исправлению даже после отбывания наказания, угрожавшие дисциплине в воинских частях, уклонисты, мятежники, гомосексуалисты». По состоянию на 31 июля 1940 года в тюрьмах Вермахта находилось 7746 арестантов. Почти каждый четвертый из них был направлен в исправительные лагеря. До этого момента фактически любые приговоры армейским чинам по лишению свободы означали попадание в тюрьму. Для попадания в тюрьму было необходимо несколько факторов. Согласно § 31 армейского уголовного кодекса военные суды при вынесении смертного приговора и приговора о тюремном заключении (в редких случаях кастрации) должны были лишить провинившегося воинского звания и исключить из рядов Вермахта. «Недостойные военной службы», выбыв из рядов вооруженных сил, автоматически попадали под действие гражданской юстиции. Соглашение между Верховным командованием Вермахта и Имперским министерством юстиции предусматривало, что подобных людей надо было интернировать в арестантские лагеря, весьма напоминавшие концентрационные. В офицерских кругах Вермахта считали, что отбывание тюремного заключения в «болотных лагерях» по реке Эмс было «несравненно эффективнее», чем пребывание в обычных местах заключения.

После захвата власти нацистами, который произошел 30 января 1933 года, новое имперское правительство использовало в качестве предлога поджог рейхстага для того, чтобы подтолкнуть имперского президента Гинденбурга к принятию чрезвычайных декретов «о защите народа и государства», которые фактически положили конец демократическим правам и свободам. Теперь любые политические противники гитлеровцев по обвинению в угрозе общественного порядка могли подвергаться аресту на неограниченный срок. В течение марта

и апреля 1933 года только в Пруссии было арестовано более 25 тысяч человек. Сначала это были коммунисты, затем социал-демократы. Затем настала очередь профсоюзных деятелей и прочих неугодных личностей. Начав массовые аресты, имперское правительство столкнулось с одной очень существенной проблемой — переполненностью тюрем. Тогда начались поиски возможности организации специальных мест заключения, где арестованные могли бы «пройти перевоспитание» и «влиться в качестве полноценных членов в народное сообщество». Пример для подражания подал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который как начальник баварской полиции распорядился 20 марта 1933 года создать концентрационный лагерь Дахау. В те дни существовала между Гиммлером и Германом Герингом, возглавившим Прусское министерство внутренних дел, негласная борьба за влияние в полицейском аппарате. Геринг не хотел отставать и в конце марта обратился к руководству города Оснабрюк с просьбой выделить территорию для строительства бараков, в которых должно было бы разместиться 250–300 арестантов. Новый лагерь должен был отвечать следующим требованиям: «Речь должна вестись о хорошо просматриваемом месте, которое по возможности должно быть удалено от промышленного центра, но в то же время предусматривает возможность использования арестантов в общественно полезных работах. Это может быть осушение болот, выкорчевка деревьев и пр. Размещение заключенных не должно предполагать значительных материальных затрат».

В Оснабрюке проявили повышенный интерес к данной затее. Герингу подсказали, что для создания лагеря логичнее использовать окрестности Эмса, где еще в 1924 году начали использовать труд заключенных. Опуская перипетии развития лагерной системы, отметим, что в округе Эмса возникала целая сеть лагерей, которая у нацистского руководства считалась образцовой. Находившиеся там заключенные должны были участвовать в строительстве «линии Зигфрида», мелиорации окрестностей, возведении дамбы на Эльбе, строительстве имперского автобана на отрезке Кайзерлайтерн— Саарбрюкен. Начало Второй мировой войны внесло свои поправки в планы лагерного руководства. Но самым существенным моментом оказалось то, что в эм-совских лагерях стал меняться состав заключенных. Если раньше это были политические заключенные, то после начала войны в них стали попадать дезертиры и военные преступники.

Система исполнения наказаний здесь весьма напоминала пребывание в концентрационном лагере, как отмечалось после консультаций правового управления с Министерством юстиции. Военный судья в Верховном командовании сухопутных сил Ганс Майер-Бранеке в этой связи рекомендовал, чтобы «исправительные лагеря близ Эмса, находящиеся в ведении Имперского министерства, по строгости отбывания наказания соответствовали штрафным лагерям Вермахта». По соображениям безопасности предполагалось сделать несколько исключений, которые, впрочем, были незначительными. По этому поводу имперский министр юстиции сообщал: «В первую очередь исключить из передаваемых в исправительные лагеря:

a) осужденных на пожизненное заключение;

b) осужденных за государственную измену, измену родине или разглашение военной тайны;

c) осужденных, которые имеют физические недостатки или страдают хроническими болезнями, в частности, туберкулезом, болезнями внутренних органов и венерическими болезнями;

d) осужденных, склонных к побегам».

Этих людей надо было направлять в «нормальные» тюрьмы. При этом бывшие солдаты, оказавшиеся в эмсовских лагерях, считались всего лишь «временно пребывающими», то бишь настоящее отбывание наказания должно было начаться только после окончания войны.

Глава 2

Особые подразделения Вермахта в преддверии начала Второй мировой войны

Наряду с «недостойными военной службы», которые были осуждены гражданскими и военными судами, имелась еще и третья группа, которая уже давно приковывала к себе внимание военного руководства. Это были те военнообязанные, которые не подчинялись приказам, которые в силу своих личных качеств (недисциплинированность, упрямство, вялость, «невоенное» поведение и т. д.) ставили под угрозу проведение военной операции. В их число попадали те, кто из раза в раз наказывался офицерами, то есть не воспринимал всерьез дисциплинарные взыскания. На языке офицеров эти люди значились как «дисциплинарно-трудные элементы». Надо заметить, что их провинности не были крупными, а потому «трудные элементы» не попадали под действие судебных санкций.

После долгих обсуждений в различных структурах Военного министерства и Вермахта в 1936 году было принято решение: сформировать из упомянутого круга людей так называемые «особые подразделения», которые официально получили бы статус «воспитательных подразделений». Новые подразделения должны были также служить для того, чтобы принимать в свой состав военнообязанных и солдат, которые в силу своих прежних судимостей считались «опасными для сохранения самообладания в военной части», но в то же время не существовало ни поводов, ни причин делать их «недостойными военной службы».

Непосредственным толчком для появления подобных соображений стало письмо, направленное 22 января 1936 года Управлением Вермахта Военного министерства в адрес командующих трех видов вооруженных сил. В нем, в частности, говорилось: «В связи со случаями отказа от службы по политическим соображениям, в том числе коммунистическим образом мышления, было принято решение о создании особых штрафных подразделений. Проведенный в них срок не должен засчитываться в срок военной службы. Свои соображения просим прислать в срок до 25 февраля». Вольфганг Керн обобщал последующее развитие дел: «В обсуждении вопроса о создании подобных подразделений принимали участие командование трех видов вооруженных сил, а также представители правового отдела и управления Вермахта Имперского военного министерства. Командование военно-морского флота, время от времени поддерживаемое представителями Люфтваффе, настаивало на том, что создание особых подразделений из числа «недостойных несения службы» должно происходить не в рамках Вермахта. После интенсивных обсуждений возобладала точка зрения — создавать «особые подразделения» не из числа «недостойных военной службы», но из «трудно воспитуемых солдат Вермахта… в качестве высшей инстанции для подобных формаций было предусмотрено создание общеармейского управления».

При этом упускалось из виду, что на создание «особых подразделений» существенно повлияли представители немецкой военной психиатрии, считавшиеся «помощниками военной юстиции» в деле укрепления действенности воинской части. Как заметил один шутник, на этом участке они являлись «фланговым прикрытием». Уже 2 апреля 1936 года военный министр принял у себя главного армейского санитарного инспектора, в сферу деятельности которого попадала и военная психиатрия. После доклада инспектора было принято следующее соглашение: «Чтобы охватывать недовольных военнообязанных и в то же время не перегружать военную часть их воспитанием, была выработана идея о создании воспитательных подразделений. Военный судья Землер должен поддерживать связь с санитарным инспектором, дабы затем представить доклад господину министру». В том же самом месяце свое мнение высказал патриарх немецкой военной психиатрии Эвальд Штир. Сославшись на проходившее обсуждение, он взял за основу формулировки военных юристов. Указанный круг людей, вызывавших подрыв дисциплины в части, он обобщенно назвал

«психопатами». Учитывая тот факт, что «накопление неполноценных элементов в тылу несет в себе едва ли не большую опасность, чем их использование на фронте», Штир предлагал использовать их для «будущей войны»: «Только относительно слабоумные и относительно неполноценные должны использоваться в тылу, а более опасные элементы должны направляться в концентрационные лагеря». «Использование в тылу» отнюдь не подразумевало гражданские занятия, а военную службу в опасной прифронтовой зоне. В 1938 году уже другой военный психиатр рекомендовал ни в коем случае не поднимать вопрос об увольнительных для «менее опасных элементов». «Увольнительная могла иметь предельно пагубное влияние на физически здоровых, но в то же время психически больных или слабоумных элементов, которые по складу своего характера отличаются от других людей, не поддаются восприятию этических установок и воспитанию».

И далее: «За исправление подобных неустойчивых, зависимых от окружающей среды психопатических качеств и способов реагирования полагается премия, которую бы можно собрать легко за счет искоренения недовольства службой, безразличия, отказа соблюдать дисциплину, активного упрямства и пустой индифферентности». Как конкретно предполагалось исключить «пагубное влияние», пояснялось уже в 1940 году на очередном собрании военных психиатров: «Исходя из опыта, можно говорить, что ужасом для командира общевойсковой части являются те психопатические солдаты, которые умеют вести себя так, что не попадают под действие военных судов, но в то же время вновь и вновь продолжают мешать военному порядку и дисциплине. Так как часть должна освободиться от подобных элементов, их нужно собрать в особых подразделениях. В них во время тяжелого труда они столкнутся с предельно строгим дисциплинарным обращением. У них будет ограниченный паек. Они не смогут укрыться от вражеских обстрелов и прочих опасностей войны, так как будут нести военную службу. Пример этих людей, скорее всего, удержит других недовольных службой от нарушения дисциплины».

Приведенные выше факты говорят сами за себя. Нет никаких сомнений, что идеи, высказанные отдельными представителями немецкой военной психиатрии, были положены в основу для создания специальных команд, которые в предписании Имперского военного министра от 25 мая 1936 года назывались «лагерными формациями», а позже получили наименование «особые подразделения Вермахта». Еще раз подчеркнем, что эти «особые подразделения» были созданы в мирные времена. Уже в ноябре 1937 года вышел специальный приказ. Именно с этого момента попавшие в них солдаты при дальнейшем неподчинении приказам могли направляться в концентрационные лагеря.

Итак, посмотрим на структуру «особых подразделений Вермахта» на момент их создания, то есть на 6 октября 1936 года. «Особое подразделение I» располагалось в Штаблаке (военный округ I). Для военных округов II и III предполагалось единое «Особое подразделение II» в Альтенграбове. В Кёнигсбрюке находилось «Особое подразделение III» (военные округа IV и VII). «Особое подразделение V» в Мюнзингене охватывало военные округа V и XII. В Графенвере базировалось «Особое подразделение VII» (военный округ VII). Военным округам IX и XI полагалось «Особое подразделение IX» (Берген). И, наконец, в Мюнстере находилось «Особое подразделение X» (военный округ VI и X). Однако в классификаторе Верховного командования сухопутных войск и «Директивах по воспитанию состава особых подразделений» от 2 февраля 1937 года отсутствует «Особое подразделение Берген». Оно было либо закрыто, либо так и не было создано. А 31 января 1937 года (видимо, вместо него) было сформировано Особое подразделение Ордрурф». В 1938 году «Особое подразделение VII» было переброшено на полигон Ван. В рамках военно-морского флота было также сформировано особое подразделение, которое поначалу располагалось в Восточной Пруссии. 1 октября 1937 года оно было переведено в Альтенвальд, находясь в непосредственном подчинении коменданта фортификаций Северного Фризланда. В мирные времена особое подразделение было сформировано и при Люфтваффе. Его формирование началось в апреле

1937 года. Эта единица обозначалась арабской цифрой «7» и располагалась в Дедельсторфе (округ Гифхорн).

Для определения круга людей, которые будут попадать в эти особые подразделения, 25 мая 1936 года был принят особый приказ. В нем указывалось:

«a) военнообязанные, которых на основании их прошлого нужно рассматривать как угрозу для дисциплины части, если они не вели себя безупречно при отбывании трудовой повинности;

b) солдаты, пребывание которых в части является нежелательным из-за их поведения, образа мышления, жизненных установок;

c) солдаты, которые за позорные действия наказаны в судебном порядке, а в последующем по служебным и дисциплинарным причинам продолжение их службы является нежелательным».

Список упомянутых в первом пункте военнообязанных был уточнен 17 июля 1936 года. Тогда был издан новый приказ. Теперь, «как правило», речь шла о военнообязанных, которые были осуждены в свое время:

a) за умышленное совершение преступлений, карающихся заключением в тюрьму на срок свыше года;

b) осужденных по §§ 175, 175a или 175b Имперского уголовного кодекса».

До тех пор имелся лишь § 20 «Предписания об освидетельствовании и аресте» от 21 марта 1936 года, указывавший не использовать подобных личностей в дальнейшем для активной военной службы. Далее в письме сообщалось: «В случаях, указанных в пунктах a) и b), командир части направляет свое заключение военному инспектору, а тот командующему военного округа. Он решает, может ли бывший заключенный оставаться в расположении части или должен направляться в специальное подразделение. При вынесении решения относительно пункта a) учитывалась не только мера наказания, но и совершенное преступное деяние, которое не должно было быть позорным действием. В качестве таковых рассматривались кража, изнасилования, грабеж и т. д., но в то же время к ним не причислялись нанесение увечий, нарушение неприкосновенности жилища, оскорбления. При вынесении решения военное руководство учитывало поведение при отбывании имперской трудовой повинности.

Недостаточные сведения о «позорном» или «не позорном» преступном деянии в делах осужденных за антигосударственную деятельность должны были компенсироваться изучением вопроса, в какой мере это были политические дела. Как уже говорилось, «недостойными военной службы» являлись все, кто пребывал в тюрьмах и лагерях по «антигосударственным» статьям свыше 9 месяцев. Осужденные за антигосударственную деятельность, но оказавшиеся «достойными несения военной службы», направлялись не в «особые подразделения», а в регулярные части. Так дела обстояли на практике. Как видим, «особые подразделения» предназначались для особых случаев. Например, для тех, кто, несмотря на совершенное преступление и длительное заключение в тюрьме, все-таки не был лишен «чести нести военную службу». Как правило, на это оказывали влияние смягчающие обстоятельства, например, юный возраст преступников и т. д. Но даже эти люди прибывали поначалу в регулярную часть, имея в документах особую отметку. Исследователям удалось найти лишь один случай, когда военнообязанный был направлен в «особое подразделение». Речь шла о стрелке Т., 1915 года рождения, который был осужден накануне призыва в армию. Руководитель «особого подразделения X» писал о нем: «Т. обладает хорошим характером. Он производит приятное впечатление, но тем не менее во время политических беспорядков 1932 года он попал не в те руки и в итоге в 1933 году был осужден за антигосударственную деятельность. Он пребывал в заключении 1 год 9 месяцев. Очевидно, что такое жесткое наказание вызвало необходимое очищение и раскаяние».

В одном из недатированных документов, написанном главным полевым врачом Отто Вутом, говорилось об изучении анкет в семи «особых подразделениях». В итоге все сводилось к вопросу об учете приверженцев левых идей и членах КПГ. Стоит отметить, что сам Вут был заведующим кафедрой военной психиатрии и воинской психологии в Военно-медицинской академии, а также председателем совета военно-санитарных инспекторов. В подготовленной им таблице, которая, увы, не содержала в себе никаких абсолютных цифр, в графе «КПГ» значилось 4 %. Вторая таблица относилась к 200 освидетельствованным военнослужащим, находившимся в «особых подразделениях». В ней сообщалось о 14 коммунистах, что составляло 7 % от общего состава. Наряду с такими личностями, которые как вышеупомянутый стрелок Т. были осуждены только за политические правонарушения, имелись «политические», которые были осуждены по криминальным статьям (что не исключало сугубо уголовный компонент). Это относилось, прежде всего, к экономическим статьям, например, преступлениям против собственности. Сравнительно небольшая доля «политических» отчетливо указывает на то, что «особые подразделения» не были ориентированы в первую очередь на «принятие» сознательных антимилитаристов и соответственно политических противников нацистского режима. Даже тот факт, что отдельные случаи принципиального отказа от несения военной службы по политическим или религиозным соображениям ничего в принципе не менял. Кроме упоминавшихся уголовников (прежде всего воров), в документе от 25 мая 1936 года второй категорией, предназначенной для направления в «особые подразделения», считались осужденные по статье 175 (гомосексуализм). Угроза (фактическая или мнимая), исходившая от гомосексуалистов, описывалась в 1957 году генерал-майором Ратклиффом, который, по собственным словам, «перед войной три года был комендантом крупнейшей тюрьмы Вермахта». В журнале «Искусство войны» он сообщал следующее: «Особая опасность в части заключалась в том, что истинный гомосексуалист не искал контакта с людьми таких же наклонностей, а был устремлен к молодым неиспорченным юношам. Командованию стоит помнить о случае с юнкером, который стал жертвой хитроумного совратителя. Юноша застрелился на могиле отца, который не смог пережить позора. И это лишь один из многочисленных трагических случаев, которые остались в памяти».

Если вопреки патологической ненависти, которую большинство идейных национал-социалистов испытывало по отношению к гомосексуалистам, осужденных по § 175 оставляли в армии, то подобное решение имело под собой две причины. Например, они соответствовали тем идеям, которые были положены в комментарии к понятию «антигосударственной деятельности». Военно-психологические теоретики были уверены, что значительная часть осужденных по § 175 лишь однажды «сбились с пути», а потому посредством перевоспитания могли быть возращены на правильные, гетеросексуальные позиции. В 1942 году Отто Вут сформулировал второй аспект. Он звучал следующим образом: «изгнание из рядов Вермахта за «противоестественный разврат» могло рассматриваться многими из этих психопатов как поощрение, а стало быть, указывало простой путь для подражания этим недостойным элементам». Направление в «особые подразделения» должно было предотвратить подобную негативную тенденцию. Упоминавшиеся ранее исчисления Отто Вута дают возможность для определения доли предполагаемых и действительных гомосексуалистов от общего количества служащих «особых подразделений». В одной из составленных им статистических таблиц в графе «гомосексуалисты» значатся цифры — 23 человека, 11,5 %. В другой таблице, которая содержит только относительные цифры, значится — 16 %.

Надо обратить особое внимание на пункт b)приказа от 25 мая 1936 года. А именно тех солдат, «пребывание которых в части является нежелательным из-за их поведения, образа мышления, жизненных установок». В этой связи в документах устанавливалось: «К таковым в большинстве случаев причисляются солдаты, которые не выполнили приказ о своевременном прибытии в часть, а были позже доставлены в нее в принудительном порядке». Однако туманная формулировка пункта b) касалась гораздо большего количества людей. Абсолютно

нечеткие, преимущественно «государственно-политические» и военно-полицейские формулировки позволяли создавать критерии, которые могли применяться к любым военнослужащим. По сути, направление в «особое подразделение» становилось своеобразным произволом. Очевидно, что, говоря о военной эффективности, «действенности воинской части», руководство Вермахта ориентировалось в первую очередь на наведение жесткого порядка.

Наконец, упомянутые критерии в течение 1937 года неоднократно «уточнялись». На этот раз применялись воззрения военной психиатрии, которая помогала командирам частей опираться вплоть до 1940 года на классическую типологию Курта Шнайдера. Она гласила: «а) особые отделения предназначены, согласно предписаниям, для трудновоспитуемых военнослужащих. В их число попадают ленивые, небрежные, неопрятные, протестующие, упрямые, анти-и асоциальные, жестокие, необузданные элементы, лжецы и мошенники, поддающиеся инстинктивным порывам, иначе говоря, психопаты, которых обозначают как гипертимики, одержимые величием, с неустойчивым настроением, безвольные и черствые. Если говорить в двух словах: нарушители, плохо проявляющие волю к службе. Далее для особых подразделений предназначены люди с проявлением легкой формы слабоумия, которое граничит с физиологической глупостью, с характерными моральными дефектами. Для воинских частей они являются особо опасными элементами. Подходят для перевоспитания в особых подразделениях также те солдаты, которые совершили преступления под воздействием алкоголя… b) для несения службы в особых подразделениях не предназначены душевнобольные, а также совершенно слабоумные. В особых подразделениях не должны служить люди, страдающие душевной депрессией, болезненной чувствительностью. Короче говоря, неудачники, которые не могут нести воинскую службу».

Подробно расписанные в данной типологии различия между «психопатами», «нарушителями» и «неудачниками» были широко распространены в немецкой армейской психиатрии, начиная едва ли не со времен Первой мировой войны. Причем политическое содержание «нарушителей» оставалось неизменным на протяжении десятилетий. Главный штабной врач Симон продолжал эту традицию. По крайней мере, 2 ноября 1937 года в Мюнхене он прочитал перед высшими чинами Вермахта и СА доклад на тему «Проблема психопатов в Вермахте». Опираясь на опубликованный в 1938 году Военно-медицинским обществом отчет о данном заседании, можно установить, что Симон продолжал проводить различия между так называемыми психопатами, неудачниками и нарушителями. Примечательно, что «нарушителей» он считал «левым крылом психопатов». Он неоднократно подчеркивал это: «Мы знаем, что это левое крыло психопатов не может использоваться на войне в качестве солдат. Но, с другой стороны, накопление подобных элементов в тылу представляло бы еще большую опасность, нежели их использование на фронте. Мы испытали на войне,[1] особенно в конце войны, во время революции 1918 года, во время спартаковского мятежа, насколько вредной может быть деятельность левого крыла психопатов».

Симон требовал раннего распознавания «левых психопатов», составления специальных списков и обязательный жесткий контроль за ними, как при инфекционных заболеваниях. «Эти сведения должны регистрироваться органами власти, например, отделами здравоохранения или, вероятно, еще лучше полицией, так что в случае возникновения угрозы государству сразу можно изолировать опасные элементы, прежде чем они начнут развивать свою вредную деятельность. Поскольку левых психопатов невозможно ни использовать на фронте, ни оставлять в тылу, то они должны находиться под особым контролем. Господин Штир предложил направлять самых опасных из них в концентрационные лагеря. Я полагаю, что их можно будет использовать в лагерях, в которых во время военных действий будет много свободных мест для трудовой повинности. Мы способны опознать психопата, мы знаем о существовании левого крыла, мы знаем, какую опасность оно представляет». Как видим, размытое употребление понятия «психопат», которое в то время считалось весьма условным,

с одной стороны, служило тому, чтобы дискредитировать политических противников нацизма, с другой стороны, это способствовало тому, чтобы действительно психически больные люди толкались на путь совершения преступлений.

В конце концов, за подобными формулировками всего лишь скрывалась «научная», а также идеологическая подготовка нацизма к уничтожению антипатичных меньшинств, социально пограничных групп, политических противников, которые якобы являлись «нежизнеспособными». Среди слушателей процитированного доклада Симона был и генерал Райхенау, начальник управления Вермахта в Имперском военном министерстве. Именно он начал обсуждение доклада в журнале «Немецкий военный врач». Как писали немецкие историки: «Для него была характерна позиция: спасти все, что нужно спасать, и позволить рушиться всему, что должно быть разрушено». Это была цитата генерала относительно доклада Симона. В итоге на практике все выглядело именно так, как сказал генерал. Местом, в котором должно было происходить пресловутое «спасение» или неизбежное «разрушение», должны были стать именно «особые подразделения».

Официально штатным составом «особых подразделений» должен был быть уставной и инструкторский персонал. Подбирать его надо было с особой тщательностью. Главной задачей подобранной команды было «воспитание к безусловному послушанию», «возвращение провинившихся к законной и упорядоченной жизни», влияние на их восприятие государства, народа, превращению в умелых солдат. Там, где «перевоспитание» проходило наиболее успешно, «особое подразделение» в течение трех месяцев могло быть превращено в обычную регулярную армейскую единицу.

О численности в период 1936–1938 годов состава «особых подразделений» есть несколько сообщений. Численность каждого из них колебалась от 55 до 84 человек. Общая численность семи «особых подразделений» (по состоянию на 31 октября 1936 года) составляла без штатного персонала 483 человека, из них 99 человек были направлены из призывных пунктов, а 384 — из воинских частей за неоднократное нарушение дисциплины. Согласно документам к 28 февраля 1937 года в армии осталось лишь шесть «особых подразделений». При этом их численность повысилась до 664 человек (241 — попали прямо из призывных пунктов). Год спустя, в 1938 году, вновь возникло седьмое «особое подразделение». На этот момент в этих воинских единицах числилось 1357 провинившихся. Если говорить об «особых подразделениях» Люфтваффе и военно-морского флота, то ясных данных нет. Можно сказать лишь, что до начала войны через них прошло от 3 до 6 тысяч человек.

Прежде мы обратимся к сюжету о том, как указания ключевого психолога Вермахта оказали влияние на состав «особых подразделений», посмотрим на результаты анкетирования Вута: «Существует достаточно высокая доля солдат, предрасположенных к спиртным напиткам (11 %) и стремлением делать долги (11 %). Еще большая доля является бабниками (39 %), причем 15 % имеют внебрачных детей. Никакого слабоумия(…) немного самоубийств и попыток самоубийства, немного психопатии. (…) Большинство не обнаруживает нехватки интеллекта (…) преобладающее большинство жизнерадостно, по-товарищески настроено, но многократно проявляло слабоволие (…) С социологической точки зрения эти солдаты происходят преимущественно из низших слоев. Мы находим среди них воспитанников интернатов — 9 %… Большое количество предпринимали попытки самоубийства — 24 %… Высокое количество внебрачных детей — 10 %. Единственными детьми в семье являются 17 %, вследствие этого не обладали готовностью к призыву в армию. При этом у 15 % в семье существовали проблемы — ссоры родителей. Очевидно негативное воздействие среды».

Если Отто Вут констатировал в целом при рассмотрении «особых подразделений» «немного психопатии», то при сравнительном рассмотрении двух групп — сразу же направленных в «особые подразделения» и переведенных туда из частей регулярной армии, можно найти некие различия. В первом случае пресловутой «психопатией» страдало 3,3 %, то во второй группе эта цифра возрастала до 25,31 %. Подобное негативное сравнение

наблюдалась и по другим критериям: склонность к алкоголизму соответственно 6,61 % и 31,64 %; «замкнутость» — 19,83 % и 32,91 %; «умеренное слабоумие (умственная ограниченность)» — 6,61 % и 16,45 %.

Уголовное прошлое было выявлено у 13 % опрошенных. Причем 51 % совершали преступления против собственности, 8 % были осуждены за хулиганство, 6 % — за преступления против нравственности (в этой группе не учитывались гомосексуалисты). Согласно статистике, 23 % оказавшихся в «особых подразделениях» проходили по § 175 (гомосексуализм). Примечательно, что среди опрошенных только 1 % имели судимость за «государственную измену». Если говорить об армейских нарушениях, то более половины имели таковые. Причем 42 % были подвергнуты дисциплинарным взысканиям, а 33 % попали в военные суды. Некоторые из служащих совершили более десяти воинских проступков. Относительно провинившихся в рядах вооруженных сил Вут заключал: «Преобладала неспособность свыкнуться с новыми условиями (превышение пребывания в отпуске, самовольное оставление части, упрямство). Отчасти воры и мошенники не отказались от криминальных склонностей — 27 %». Согласно данным Вута, 5 % были наказаны за обман, 4 % — растраты, 13 % — воровство у товарищей. Классические военные провинности выглядели следующим образом: превышение отпуска — 28 %, самовольное оставление части — 13 %, дезертирство — 7 %, упрямство — 33 %. В графе «шпионаж» значился прочерк. Еще 16 % попали в «особые подразделения» за пренебрежение выправкой. Заключительный вывод Вута звучал так: «В сущности, итоги психиатрического тестирования совпадают с результатами военных наработок — 60 % являются вполне воспитуемыми».

Между тем ведущие представители психологов из рядов Вермахта сожалели о неоднородном составе «особых подразделений». По мнению доктора Негельсбаха, основным препятствием в достижении «воспитательной цели» являлась именно подобная «разнородность». В «неоднородном составе» Негельсбах и его коллега Хессельманн видели «самую крупную проблему «особых подразделений»: «Личный состав особых подразделений является предельно разнообразным с точки зрения представленных там типов. Командование военного округа направляет сюда людей с несколькими судимостями и тех, кто выразил недовольство своей службой в армии, то есть просто невыполнившими поставленный приказ. Элементы, недостойные службы, находятся среди тех, кто дезориентирован собственными или чужими мыслями, социально испуган или разочарован. По своим задаткам они ни в коем случае не являются нравственно неполноценными. Часто по мере военного воспитания они отказываются от прошлого и оказываются пригодными к службе».

Принимая во внимание фразу о «нескольких судимостях» напомним о том, что подразумеваются не тюремные заключения, так как они автоматически приводили к «недостойности несения службы». Когда Негельсбах говорит об «элементах недостойных службы», то подразумевает не специфическую нацистскую формулировку «недостоин несения военной службы»,[2] а психологический тезис — расширенное понятие достоинства и чести, на котором базировались воззрения большинства немецких военных психологов: «Среди переведенных из регулярных частей есть небольшая группа запуганных людей, которых ошибочно наказали. В действительности среди них могут находиться трудновоспитуемые, с которыми нельзя справиться в коллективе. С ними нужно специальное обхождение. Здесь можно найти самые различные отклонения, которые трудно выявить в некой совокупности особых подразделений. В качестве примера можно выделить следующие группы:

— обманутые и дезориентированные элементы, которые могут прятать внутри добрую волю, могут наставляться на правильный путь небольшими искусными воспитательными приемами;

— действительно трудновоспитуемые, с глубоко вжившимися ошибочными жизненными установками, которые мешают нормальной деятельности части — относительно небольшая группа;

— нравственно неполноценные, неспособные к усовершенствованию люди с проявлением психопатических дефектов. Морально нездоровые. Люди необузданных инстинктов. Сексуальные извращенцы. Во всех этих людях проявляется их асоциальная природа.

— нравственно безупречные, благонравные, но слабовольные психопаты, мечтатели, фантазеры, боящиеся жизни, которые не в состоянии вынести суровую действительность. Часто невротики с психическими подавленными состояниями и непроизвольными импульсами к бегству от действительности.

— благонравные люди с интеллектуальными дефектами. Иногда слабоумные. Они не могут ни воспринимать окружающую их среду, ни отдавать отчета о собственных деяниях. Они действуют исходя из момента, следуют за интуицией, а потому подчас пребывают в конфликте с законами.

Из этой конструкции видно, что особые подразделения как средство для избавления от нежелательных элементов в воинских частях нуждаются в неоднократной перестройке. При этом иногда грубые ошибки приводят к дисциплинарным и административным нарушениям. Таким образом получается, что люди переводятся в особые подразделения по недоразумению. В некоторых случаях эти люди уже являются непригодными к службе».

Негельсбах, в будущем сотрудник «Службы по исследованию пригодности», на основании своих наблюдений делал заключение: «С другой стороны, самое благородное задание психологического персонала военной части состоит в том, чтобы отделить действительно трудновоспитуемых, собственно, группа два, для которой и предназначено особое подразделение, от группы один, которую можно перевоспитать обычными дисциплинарными средствами, и, в свою очередь, от абсолютно неполноценной группы три, в то время как специальные санитарные службы должны проверить на пригодность к службе представителей групп четыре и пять».

Если представителей первой группы можно было оставлять в регулярных воинских частях, то последние две группы рассматривались Негельсбахом как абсолютно непригодные к службе. При этом он настаивал на том, чтобы еще расширить список критериев, по которым можно было исключать из армии. Однако эффективнее всего получилось разработать проект урегулирования «действительно безнадежных случаев», которые и должны были направляться в «особые подразделения». Негельсбах писал: «Факт состоит в том, что большинство членов упомянутых групп психопатов по чисто психологическим причинам никогда не смогут приниматься в расчет для прохождения полевой службы в армии. Альтернатива особому подразделению ничего не изменит, а лишь замедлит решение вопроса и поставит крест на прошлой работе особых подразделений. Было бы желательно, чтобы дин-айг[3] благодаря соответствующим соглашениям с армейскими санитарными инспекциями, получила возможность сотрудничать по данному вопросу с компетентными медицинскими службами, дабы по общему коллективному решению действительно безнадежные случаи списывались с военной службы и находили бы применение вне Вермахта».

Судьбу представителей четвертой и пятой групп, которых Негельсбах обозначил как «благонравные», надо было решать от случая к случаю. В зависимости от психологических характеристик и социально-экономических соображений их могли использовать или на обычных предприятиях, или в специальных закрытых формациях. При этом Негельсбах умудрился подчеркнуть, что делается это «отнюдь не из ложно понятого принципа гуманизма, а во имя пользы всей воинской части». Походя в этом месте указывалось на то, что к 1939 году предполагалось закончить программу эвтаназии неполноценных детей, а стало быть, данная проблема должна была как бы исчерпаться сама собой. Согласно Негельсбаху также «нравственно неполноценные, неспособные к усовершенствованию люди» (группа три) по возможности должны были освобождаться от военной службы, но уже не минуя «особое подразделение». Примечателен тот момент, что психолог Вермахта обращает внимание на то, что в подобных людях в гражданских условиях никогда не проявлялись их криминальные

наклонности. Он говорит здесь о «группе абсолютно неполноценных, неспособных к усовершенствованию людей, которые не могут быть криминальными в гражданских условиях жизни, или не соответствуют, во всяком случае, требованиям солдатской службы по причине неподдающегося влиянию нравственного устройства». В качестве организационного следствия должно было возникнуть специальное заведение (за рамками Вермахта), которое использовало бы этих бедолаг как рабочую силу.

Под этой фразой скрывалось не что иное, как концентрационный лагерь, который должен быть заблаговременно создан для людей с ярко выраженными криминальными наклонностями: «Требуется ли, вообще направление людей с ярко выраженными криминальными наклонностями в особое подразделение? Мне этот вопрос кажется по меньшей мере весьма спорным. Вне всякого сомнения, есть случаи, когда с самого начала можно установить, что люди являются неспособными к усовершенствованию, а их направление в особое подразделение — пустая трата времени. Но в некоторых случаях направление в особое подразделение — это последняя попытка Вермахта воспитать человека, даже если шансы на это невелики».

Далее нам предстоит понять, как эта «воспитательная попытка» Вермахта по-разному реализовывалась на практике в «особых подразделениях» мирного периода. До нас не дошли воспоминания служащих довоенных «особых подразделений», по этой причине нам придется опираться только на официальные нацистские документы. Для расположения «лагерных солдат» (одно из первых наименований) надо было подбирать по возможности самые удаленные бараки. Сочувствие никогда не было отличительной чертой лагерной системы нацистов, но здесь мы сталкиваемся с отдельным случаем. В одном из документов предписывалось: «Надо противиться тому, чтобы солдаты все свободное время проводили в своих казармах, где предавались бесполезным занятиям. Обязательно наличие товарищеских домов, читальных залов, библиотек, хоровых залов, чтение поучительных докладов, физические занятия, которые отложат возвращение в казарму». Внутренний распорядок служащих особого подразделения, которые отличались от штатного состава наличием специальных петлиц, регулировался поначалу «Правилами для особых подразделений», которые были приняты 7 августа 1936 года. Но по мере развития «особых подразделений» режим в них ужесточался. Для примера можно лишь процитировать служебную инструкцию от 26 марта 1938 года, предназначенную специально для «особых подразделений». Там говорилось, что служащие «особого подразделения», в отличие от служащих обычной воинской части Вермахта, наряду с общим «военным воспитанием» должны были дополнительно выполнять трудовые задания. Эта «дополнительная трудовая повинность» касалась в первую очередь служащих тех «подразделений», в которых изолировались солдаты с плохим поведением. Эти солдаты не должны были оказывать негативного воздействия на других воспитуемых.

«Особые подразделения» отличались от регулярных частей Вермахта не только правилами предоставления увольнительных, но отсутствием принципа «жалованье и продовольственный паек». Увольнительная предоставлялась только «в исключительных случаях при необыкновенно хорошем поведении». Служащие «особых подразделений» должны были находиться под специальным и беспрерывным надзором. Особое внимание надлежало уделять переписке «лагерных солдат», а также любому общению с гражданскими лицами. Запретными темами для разговоров были: секс, обсуждение имущественных вопросов, попытки уклонения от службы, антигосударственные высказывания. При этом у служащих «особых подразделений» не должно было складываться чувство, что за ними наблюдают, а их жизнь полностью регулировалась правилами и приказами. Скорее всего, они должны были проникнуться идеей о самовоспитании, пробуждении ответственности перед обществом и воинской частью.

Вполне очевидно, что «воспитание» в «особых подразделениях» должно было базироваться не только на твердости, но и на классическом принципе кнута и пряника. Подчеркну, что в довоенный период некие педагогические элементы все-таки имели место быть. Но во многих случаях они не были в состоянии изменить «военные качества» «особых солдат». Принимая во внимания исключительно высокий уровень дезертирства из Вермахта в предвоенную пору, единственным методом «воспитания» оставался все тот же «кнут». В то время как штатный персонал, занимавшийся «воспитанием», с одной стороны, должен был соблюдать «чувство собственного достоинства» и якобы пытался воздерживаться от «оскорблений и обидных упреков», но, с другой стороны, мы могли бы видеть иную картину. В одной из инструкций говорилось: «Служащие особых подразделений, которые злостно противятся всем мерам воспитательного характера, по предложению командования особого подразделения могут временно оставить военную службу и передаваться в распоряжение полиции». За данной фразой в очередной раз скрывалась «командировка» в концентрационный лагерь. «Условия передачи» до мельчайших подробностей были урегулированы в конце 1937 — начале 1938 годов в соглашении между Имперским военным министерством и рейхсфюрером СС.

Прежде чем командир «особого подразделения» подавал заявление на увольнение с военной службы и на передачу бывших служащих в руки полиции, должно было быть сделано формальное предостережение. На соответствующем бланке, кроме всего прочего, надо было сообщить: «Я обращал внимание (указывалось имя непокорного) на то, что я предоставляю ему последний шанс исправить свое поведение. При последующей провинности и отказе выполнить приказ я буду ходатайствовать о его увольнении из рядов вооруженных сил и передаче полиции. Одновременно с этим я указал ему на серьезные последствия подобного увольнения». Согласно официальной задумке неисправимые «особые солдаты» должны были переводиться в близлежащие концентрационные лагеря. В начале 1938 года наряду с Заксенхаузеном существовали лагеря Дахау и Бухенвальд. В мае 1938 года этот список был пополнен лагерем Флоссенбург, а в августе того же года туда добавился Маутхаузен. Конкретные указания о количестве арестантов, направленных из «особых подразделений» в лагеря в довоенный период, существуют только относительно Бухенвальда. В подготовленных в этом концентрационном лагере отчетах 1 июня 1938 года наряду с графами «полит.» и «проф. — прест.» появилась надпись «из особ. — подр. Верм.» (САВ). Впрочем, поначалу в этой графе значился прочерк. Первый арестант из числа «особых солдат» появился здесь впервые в период с 16 июня по 1 июля 1938 года. Второй попал в Бухенвальд в конце июля 1938 года. На оборотной стороне лагерных отчетов указывалось, что в обоих случаях речь шла о «саботаже». В картотеке заключенных сохранилась карточка некого Петера Р., в которой можно было прочитать: «4 ноября 1938 года повешен». Во второй половине октября 1938 года количество САВ-заключенных в Бухенвальде достигло 18 человек. При общей численности арестантов в 10 тысяч — это была весьма незначительная доля. В конце декабря 1938 года было зарегистрировано уже 22 САВ-арестанта. В графе «САВ», кроме «прибытия», появился раздел «убытие», то есть можно говорить, что среди САВ появились первые умершие. Между тем рост был неуклонным, хотя и не стремительным. В июне 1939 года САВ-арестантов насчитывалось 29 человек. Накануне начала Второй мировой войны при 2 «убывших» их было уже 33. То есть получается, что всего в довоенный период из «особых подразделений» в Бухенвальд было «передано» 36 «особых солдат». Сохранились имена этих несчастных. Большинство из них было 1914–1915 годов рождения (в редких случаях 1918–1919). При этом один заключенный обозначался как «четверть еврей». Еще один примечательный факт: в общей картотеке заключенных САВ-арестанты обозначались как «политические». В системе общепринятых в СС аббревиатур они имели индекс «pol» (политический), и лишь в единичных случаях «Sch. — H». (арест подозреваемого как мера пресечения) или «pol. Sch.». (арест политически подозреваемого как мера пресечения). В октябре 1938 года в отчетах вместо

сокращения «SAW» (САВ) стало использоваться «Wehrm. — Angeh» (военнослужащий Вермахта).

Если экстраполировать эти данные, то получается, что в довоенный период из «особых подразделений» Вермахта в концентрационные лагеря было направлено где-то 180 человек. Впрочем, эта цифра является весьма приблизительной, особенно если принять в расчет тот факт, что созданные в 1938 году лагеря Флоссенбург и Маутхаузен едва ли могли в полном объеме принять САВ-арестантов. Сделав поправку, можно прийти к выводу, что общее количество САВ-заключенных в данный момент составляло около 120 человек. Косвенным подтверждением столь сравнительно небольшого количества заключенных может стать высказывание Курта Гольштейна, сделанное в 1943 году. В нем он говорил, что направление в концентрационный лагерь в «мирное время было исключительным случаем». Но для бывших служащих Вермахта это было слабым утешением. Сотня с лишним человек испытали на себе машину эсэсовского террора, что, согласно точке зрения командования Вермахта, было претворением в жизнь «специальной формы принципа общей воинской повинности».

Глава 3
Из Вермахта в концлагерь

Но рассмотрим дальнейшую судьбу «особых подразделений». Утверждение, что письменное предостережение должно предшествовать направлению солдата в концлагерь, фактически переставало действовать в случае мобилизации. В случае мобилизации, то бишь начала войны, «особые подразделения» распускались, а в силу вступали новые правила, которые гласили следующее: «Состав особых подразделений, который на основании решения командования не переходит в распоряжение полевых или резервных воинских частей, автоматически передается в ведение полиции. В данном случае подписание формального предостережения не требуется».

Собственно на основании этого постановления сразу же после нападения Германии на Польшу 160–180 солдат из распущенных «особых подразделений» были погружены на транспорты и направлены в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Сохранившиеся документы тамошнего управления лагеря позволяют обнаружить 2 октября 1939 года в Заксенхаузене 113 САВ-арестантов. В ноябре их число выросло до 181. Если принимать во внимание возможные «убытия» арестантов, то их общее количество может быть еще больше.

Не стоит забывать про САВ-арестантов, которые могли быть направлены сюда еще в мирное время. На это указывает сообщение некоего Генриха К., который «курировал» в лагере бывших военнослужащих Вермахта: «Накануне начала войны имелись особые подразделения Вермахта. Туда переводились солдаты, которые имели слишком много дисциплинарных взысканий. В особом отделении им предоставлялся испытательный срок и в случае хорошей службы в течение нескольких месяцев они могли восстановиться в своей части. Если же улучшения не было, то они заканчивали свою службу в особых подразделениях. В 1938 году вышел приказ, согласно которому наиболее упрямые и «неисправимые» солдаты должны были направляться в концентрационные лагеря. Первые подобные арестанты прибыли в Заксенхаузен в 1938 году, где их сразу же причислили к политическим заключенным. Они носили на робе такой же треугольник, как и политические».

То обстоятельство, что в системе СС бывших служащих особых подразделений Вермахта решили обозначить красным треугольником, то есть как политических арестантов, было связано, скорее всего, с утверждением армейской психиатрии о существовании неких «левых психопатов». Но когда САВ-арестантов стало прибывать слишком много, было решено изменить их внешнюю «маркировку», отказавшись от ношения традиционного красного треугольника. У того же Генриха К. сообщалось следующее: «Когда началась война, то особые подразделения было решено распустить. Имелось лишь два пути: или попасть на фронт, или в

концентрационный лагерь. В итоге первые транспорты стали прибывать в Заксенхаузен в сентябре 1939 года. Их размещали в специальном блоке. А красный треугольник перевернули».

Изменение положения красного треугольника можно рассматривать как еще одно циничное проявление нацистской психиатрии, поскольку среди множества «политических» теперь можно было выявить «левых психопатов», «нарушителей». Перевернутая красная нашивка, которая в отличие от «нормальной» (вершина вверх) как бы говорила, что ее носитель стоял на голове, приводила к многочисленным насмешкам и издевательствам. Однако эсэсовское руководство лагеря Заксенхаузен имело другие представления о САВ-заключенных. Лагерный староста Гари Ноджокс позже вспоминал: «Осенью 1939 года в лагерь прибыло около 250 молодых немцев. Они назывались «особое подразделение Вермахта» (САВ), были закрытой группой и размещались в отдельном блоке. Эсэсовские охранники особенно жестоко измывались над ними, делая акцент на том, что все САВ были симулянтами и трусами, предавшими своих товарищей, сражающихся на фронтах… Вскоре все САВ попали в изоляцию, в которой пребывали «толкователи Библии»[4] и гомосексуалисты. Условия труда и жизни для САВ создавались настолько невыносимые, что многие из них так и не покинули концентрационный лагерь». Об условиях труда САВ-заключенных в Заксенхаузене есть свидетельства коммуниста Бернхарда Кандта, в прошлом депутата мекленбургского ландтага. После отбывания трехлетнего заключения в тюрьме за «государственную измену», в сентябре 1939 года он был брошен в Заксенхаузен. Поначалу он работал на пользующейся дурной славой строительной площадке «Возведение клинкера»: «Мы должны были нанести на лесную почву шесть метров песка. Лес не был вырублен, что должна была сделать специальная армейская команда. Там были сосны, как я сейчас вспоминаю, которым было лет по 100–120. Ни одна из них не была выкорчевана. Заключенным не давали топоров. Один из мальчишек должен был забраться на самый верх, привязать длинный канат, а внизу двести мужчин должны были тянуть его. «Взяли! Взяли! Взяли!» Глядя на них, приходила мысль о строительстве египетских пирамид. Надсмотрщиками (капо) у этих бывших служащих Вермахта были два еврея: Вольф и Лахманн. Из корней выкорчеванных сосен они вырубили две дубины и по очереди лупцевали этого мальчишку… Так сквозь издевательства, без лопат и топоров они выкорчевали вместе с корнями все сосны! Я вообще не думал, что такое возможно».

Показания Гари Ноджокса и Бернхарда Кандта подтверждаются свидетельством одного из выживших САВ-арестантов. В октябре 1946 года он рассказывал: «С утра до вечера мы занимались «спортом» (вы ведь понимаете, что я подразумеваю под словом «спорт»). После того как на возведении клинкера мы работали с евреями, большинство из нас стало «мусульманами». Из 180 людей зиму 1939–1940 годов пережило не более половины. Когда зима, наконец, миновала, всех САВ изолировали в блоке 12».

«Изоляция» не была подобна «исправительной роте», просто эсэсовцы решили обособить наиболее ненавистных им арестантов. Альфред Хелльригель, который как военно-политический арестант принадлежал к подобной «штрафной роте», перечислил эти группировки, пребывавшие в изоляции: «толкователи Библии», гомосексуалисты, САВ-арестанты и так называемые повторные политические заключенные. По сведениям Фрица Брингманна в «изоляции пребывали блоки 11,12,35,36. Их окружал высокий забор. Так что любые контакты были исключены. Товарищи, пребывавшие в изоляции, жили в самых тяжелых условиях. Поначалу заболевших выносили из блока. Однако потом, чтобы избежать любых контактов, в «штрафном блоке» ставился шкаф с медикаментами и бинтами, а один из заключенных назначался санитаром». Тем не менее страшнее этих тяжелых условий существования были мучения, которым они подвергались со стороны гауптшарфюрера СС Бугдалля, который считал себя «ответственным за проведение изоляции».

Замечание Генриха К. от том, что «из 180 людей зиму 1939–1940 годов пережило не более половины», представляется весьма убедительным. Если говорить о сухой эсэсовской статистике, то в ноябре 1939 года в Заксенхаузене остался 181 САВ-арестант, в марте 1940

года — 102, а в апреле всего лишь — 58. В июне 1940 года в эсэсовской картотеке значилось только 22 САВ-заключенных. Не стоит думать, что все из них умерли. Дело в том, что большая часть из САВ-арестантов была направлена в лагерь Нойенгамме. Генрих К. вспоминал: «Как только прибыл первый транспорт, для того чтобы направиться в только что созданный лагерь Нойенгамма, из изоляции вышли все, кто мог стоять — надо непременно было покидать Заксенхаузен».

Тот факт, что такое большое количество САВ-арестантов смогло на транспорте вырваться из «изоляции», объясняется нелегальной организацией политических заключенных. Гари Ноджокс пишет об отношении к САВ-заключенным, которые оказались в «изоляции»: «С большим трудом нам удалось помочь некоторым из них перебраться с транспортом в другой лагерь». Дело в том, что весной 1940 года Нойенгамме из «внешнего» превратился в самостоятельный лагерь. Однако политические заключенные, которые пытались помочь молодым немцам, и предполагать не могли, что в Нойенгамме господствовали еще более жестокие нравы. Генрих К. писал: «Мы попали из огня да в полымя!» Сколько САВ-арестантов смогло дожить до конца Второй мировой войны, неизвестно. Генрих К., сам из числа «особых солдат» сменил еще несколько лагерей: Бухенвальд, Дахау, Нацвайлер. Многое указывает на то, что только единицы смогли дожить до крушения Третьего рейха. Смерть большинства «особых солдат», оказавшихся в концентрационных лагерях, еще один убедительный пример, насколько Вермахт и национал-социалистическое государство были тесно переплетены между собой в идеологическом и политическом смысле. Опираясь на оценки, мнения и предложения немецких военных психиатров, большинство из которых уже со времен Первой мировой войны стояли на расово-биологических, социал-дарвинистских позициях, а позже без проблем поддержали идеологию народного сообщества и расистские установки нацистов, Вермахт в преддверии войны был готов избавиться от «балласта» в виде «непригодных к службе». Эти не подходившие под критерии армейской верхушки солдаты во внесудебном порядке списывались в концентрационные лагеря под видом «армейских вредителей». Причем это происходило отнюдь не по инициативе рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, а наоборот, позыв шел из самого Вермахта. Как писал восточногерманский исследователь Вольфганг Керн в своей работе «Внутренняя функция Вермахта»: «Осенью 1937 года в структурах Вермахта, которые занимались «особыми подразделениями», возникла мысль, что солдаты этих формаций, «которые противятся перевоспитанию», должны покинуть ряды вооруженных сил и провести положенное время в работных домах. Бломберг выразил принципиальное согласие с этой идеей. Тем временем внутренний отдел Общего управления Вермахта пошел еще дальше. 14 октября 1937 г. Бломбергу было рекомендовано отклонить этот проект, «так как воспитание подобных людей было бы успешнее в концентрационном лагере».

Бломберг согласился с этим предложением. Вероятно, при принятии этого решения важную роль играла точка зрения немецкой военной психиатрии. Во всяком случае, Отто Вут (в тот момент «психиатр-консультант при санитарном инспекторе армии») в своей статье «Работный дом или концентрационный лагерь» высказывался именно в пользу последнего. В этой работе он пришел к выводу, что «размещение в концентрационном лагере было бы наиболее подходящим решением, так как способные исправиться прошли бы мировоззренческое воспитание, а неисправимые были бы под постоянным присмотром властей».

Только несколько месяцев спустя после нападения на Польшу, а вместе с ним и роспуском довоенных «особых подразделений», в командовании Вермахта было принято решение о повторном создании данных штрафных единиц в составе резервной армии. Возникали они на шести следующих плацдармах: Штаблак, Вандерн, Альтенграбов, Шварцеборн, Графенвер, «протекторат» и Деллерсхайм. Задание этих «особых подразделений» резервной армии значилось следующим образом: «Избавление резервных частей от трудновоспитуемых

служащих». И при этом, «рекруты не должны попадать в особые подразделения резервной армии».

Процитированная инструкция — это причина того, что число военных «особых подразделений» вскоре снова стало сокращаться. Главный полевой врач доктор Вут называл следующую причину этого процесса: «Особые подразделения были распущены в начале войны, однако затем возникли снова. Но, кажется, этот факт не был известен ни врачам соответствующих военных частей, ни офицерам санитарно-психиатрических отделений военных госпиталей. С ними никто не советовался, так как офицеры жаловались, ибо не знали, как обходиться с упрямыми, асоциальными, возбудимыми солдатами и нарушителями». В итоге, поданным Вута, к весне 1940 года в новых «особых подразделениях» числилось всего лишь 200 человек. В итоге часть «особых подразделений» была просто-напросто распущена в силу своей ненадобности. Подобному развитию событий могло способствовать ужесточение военной юриспруденции, которое наблюдалось в начале Второй мировой войны. А это, в свою очередь, вело к тому, что за любые провинности можно было угодить под трибунал. Военные суды стали действовать значительнее быстрее, а исполнение наказаний в Вермахте было поставлено на поток. Согласно сводному отчету Георга Тесина «Части и подразделения Вермахта и Ваффен-СС», в январе 1940 года в составе резервной армии оставалось всего лишь четыре «особых подразделения».

В военно-морском флоте начиная с октября 1939 года действовало «особое подразделение Восток (Балтийское море)», располагавшееся в окрестностях Данцига. Эта единица известна также под названием «Особое военное подразделение Хела». В Люфтваффе согласно приказу от 30 января 1940 года на месте распущенного в начале войны «Особого подразделения 7 L» в Лейпциге был сформирован «Проверочный лагерь Люфтваффе».

За основу создания «особых подразделений», как и в мирное время, были взяты «Предписания для особых подразделений Вермахта». Но они были существенно дополнены принятым 7 декабря 1939 года приказом «О внутреннем распорядке в особых подразделениях резервной армии». Несение службы в особых подразделениях становилось предельно строгим.

Тем временем командование Вермахта решило окончательно избавиться от «пряника», оставив только «кнут». В новых «Инструкциях по управлению особыми подразделениями резервной армии» это находило выражение в следующих сентенциях: «Состав особых подразделений должен быть проинформирован, что перевод в особое подразделение является для них последним шансом сформировать правильные взгляды на жизнь и солдатский долг. После трехмесячного испытания и перевоспитания служащие должны быть возвращены в ряды действующих частей, дабы продолжить выполнять свои обязанности по защите Отечества, как то надлежит нормальным солдатам. Если же в указанные сроки не удастся достигнуть данной цели, то эти отщепенцы изгоняются из народного сообщества и направляются в концентрационный лагерь… Отдельно надо объяснить, что дезертирство и прочие позорные явления будут караться смертью. Служба, которая в особом подразделении должна являть собой воспитание и тяжелый физический труд, должна составлять на менее 10–14 часов в день. Обращение с пулеметом и метание гранат запрещается. После окончания работы служащие должны занимать свое место в казармах. Они не получают отпусков. При похвальном поведении они могут получить увольнительную… Служащие особых подразделений получают паек в размере 80 % от обычного продовольственного снабжения, хлеба они должны получать 650 граммов надень».

Воздействие этого жесткого дисциплинарного режима смог прочувствовать среди прочих Роберт Штайн, который 3 сентября 1940 года был призван в Вермахт. В силу «политической неблагонадежности в гражданской жизни» 7 сентября 1940 года он был направлен в «особое подразделение IX», которое располагалось в Шварценборне. Он вспоминал: «Нуда, я получил то, что и стоило ожидать. Я был страшно избит и арестован. О подобных акциях принято говорить, что они проходили «под покровом ночи». В Шварценборне я увидел дикую

местность. Там не было ничего, даже почты. Меня облачили, как уже 300 или 400 человек, пребывавших там, в чешскую униформу. Там даже карабины были чешские. Воспитывая дисциплину, нас с утра до вечера гоняли по плацу. За спиной был рюкзак с пудом камней. Когда муштра заканчивалась, мы падали с ног от усталости».

Показания этого штрафника корректируют точку зрения Георга Тесина, который утверждал, что все «особые подразделения» запасной армии были ликвидированы в мае 1942 года. Это не соответствовало действительности. Берлинское «Бюро справок о погибших воинах Вермахта и попавших в плен» сохранило картотеку «особых подразделений», из которой следует, что многие «особые подразделения» продолжали существовать до конца 1942 года, а «особое подразделение IX» действовало в Шварценборне едва ли не до конца марта 1945 года. Не соответствует действительности и позиция историка Франца Зайдлера, который в работе «Военная юстиция в немецком Вермахте» писал: «Во время войны из особых подразделений резервной армии никто не был передан в руки полиции». На самом деле «особые подразделения резервной армии» охотно прибегали к этой возможности, но с февраля 1942 года она стала привилегией «особых полевых батальонов».

Особый полевой батальон был сформирован 24 августа 1941 года. В его состав вошли три особых полевых подразделения, которые были созданы 1 февраля 1940 года как дополнение «особых подразделений» резервной армии. В эти полевые подразделения могли попадать как «выпускники» резервных подразделений, которые доказали свою пригодность для армии, так и те фронтовые солдаты, которые совершили незначительные проступки — они не попадали под трибунал, но все равно должны были пройти «курс перевоспитания».

Служба в особом полевом батальоне, который считался одновременно и штрафным, и воспитательным учреждением, была еще сложнее, нежели служба в «особых подразделениях» резервной армии. С октября 1941 года особый полевой батальон был перекинут на Восточный фронт. Служащих особого полевого батальона нужно было привлекать «к тяжелому физическому труду и строгому армейскому воспитанию в прифронтовой зоне, максимально близко к воюющим войскам, что должно было являться опасным обстоятельством».

Труд был обязательным условием. В будни надлежало работать не меньше 10 часов, в воскресенье — не менее 4 часов. Причем речь шла не просто о тяжелом труде, а об опасном и тяжелом труде: разминировании, строительстве блиндажей, погребении тел.

В данном случае служба в особом полевом батальоне полностью соответствовала тому, что предлагали немецкие военные психиатры. Мы можем вспомнить, что доктор Симон, ссылаясь на «психопатов», излагал точку зрения о «снижении опасности от них в трудовых подразделениях». Доктор Вайлер в январе 1940 года излагал гораздо более четкую картину применения «особых полевых солдат»: «Так как воинская часть должна освобождаться от подобных элементов, то их нужно размещать в особых подразделениях. В них они должны нести военную службу под вражеским обстрелом, в условиях строго дисциплинарного режима, с пайком, достаточным только для поддержания жизненно важных функций, и прочих опасностей войны. Их участь сдержит порывы других, которые попытаются мешать военной службе». В то время как большинство армейских психиатров размышляло об использовании «психопатов», военное руководство пошло совершенно другим путем. Срок пребывания в особом полевом батальоне должен быть ограничен 4 месяцами («как правило, 4 месяцами»). Максимальный срок службы в особом батальоне не должен был превышать полгода. По истечении 6 месяцев у служащего имелась альтернатива: или возвращение в действующую часть, или передача в руки полиции как неспособного к усовершенствованию, то есть направление в концентрационный лагерь. Забегая вперед, можно сказать, что в период с 1938 по 1944 год в концентрационные лагеря из Вермахта было направлено около тысячи солдат. Как минимум две трети прибывало в лагеря из особых подразделений и особого батальона.

Глава 4

Полевые арестантские подразделения и штрафные полевые лагеря

10 октября 1941 года «Фелькише беобахтер» («Народный обозреватель») вышел с передовицей, на которой красовался огромный заголовок «Час пробил: поход на Востоке предрешен!» Потребовалось целых два месяца, чтобы в декабре 1941 года окончательно признать, что несмотря на огромные потери цель немецких стратегов — скоротечный разгром Красной Армии — так и не была достигнута. Впереди была зима, к которой Вермахт оказался не готов. Масштаб ошибки, которая была растиражирована «Народным обозревателем», показывает дневник генерал-полковника Гальдера. Шеф Генерального штаба сухопутной армии сделал 9 декабря 1941 года следующую запись: «Беседа с фельдмаршалом фон Боком: Гудериан сообщает, что состояние воинских частей настолько критичное, что тот не знает, как далее отражать атаки противника. Серьезнейший «кризис доверия» в частях. Боевая способность пехоты падает! В глубоком тылу собираются все доступные силы… Группа армий остро нуждается в людях!»

Если в ноябре 1941 года немецкие части на Восточном фронте испытывали недостаток в 340 тысячах человек, то после успешного советского контрнаступления под Москвой «кадровый дефицит» составлял уже 625 тысяч человек. Высокие потери, которые были запланированы командованием Вермахта только на первые летние месяцы «восточной кампании», удалось как-то компенсировать лишь к весне 1942 года. Но полностью укомплектовать армию не удалось ни при помощи «акций прочесывания», ни при помощи внедрения в январе 1942 года института штабных помощниц, ни при помощи других мероприятий. Большая часть немецких поражений сопровождалась массовыми обморожениями, так как Вермахт в рамках стратегии молниеносной войны не был подготовлен к ведению боевых действий в условиях суровой зимы. Наконец, руководство Вермахта оказалось вынужденным начать мобилизацию молодежи 1923 года рождения, хотя это планировалось сделать только год спустя. В аналитической записке «Боеспособность Вермахта в начале 1942 года», подготовленной в июне 1942 года для Генерального штаба, сообщалось следующее: «Без мобилизации молодежи 1923 года рождения не имеется никакой возможности компенсировать непредвиденные высокие потери, понесенные в ходе летней кампании».

В этой ситуации пришлось изменять систему исполнения наказаний, существовавшую ранее в Вермахте, и призывать в армию тех, кто еще недавно считался «недостойным военной службы». 2 апреля 1942 года Адольф Гитлер отдал приказ: «Система исполнения наказаний в условиях ведения войны тотчас должна адаптироваться к обстановке на фронтах. Это должно касаться мероприятий, которые среди прочих оказались эффективными. Искупление вины впредь должно широко использоваться на Восточном фронте… Впрочем, некоторые из осужденных в будущем не могут, по крайней мере, не сразу, попасть в состав сражающихся регулярных частей. Стимулом должно стать ужесточение порядка и дифференциация отбывания наказаний для элементов, которые хотят посредством наказаний покинуть фронт. С этой целью сразу же нужно выявить арестантов, которых надо направить в прифронтовую зону, по возможности, в зону боевых действий, дабы они выполняли тяжелую работу в самых опасных для жизни условиях».

Для реализации этого приказа поначалу было создано три полевых арестантских подразделения (ФГА). Их формирование согласно приказу Верховного командования Вермахта от 14 апреля 1942 года проходило в военных тюрьмах: Глац, Гермерсхайм и Анклам. Первое время в них числилось около 200 человек. Примечательно, что специально отобранные арестанты подвозились из множества тюрем и лагерей, в том числе форта Торгау, Брухзаля, Фрайбурга, Грауденца и т. д. Для подбора подходящих кандидатур была подготовлена инструкция, в которой говорилось:

«Для отбытия наказания в полевые арестантские подразделения (ФГА) принимаются в расчет: заключенные вермахта, категории kv, gvF, gvH (соответственно годные к строевой

службе, к полевым условиям, к службе в гарнизоне) за исключением тех, кто под мнимой маской искупления вины попытается избежать исполнения наказания — а именно симулянты, дезертиры, неоднократно самовольно оставлявшие часть, осужденные за подрыв боеспособности». На особом негативном учете стояли те, кто уже неоднократно наказывался за побеги. В июне 1942 году круг потенциальных служащих пополнился теми, кто имел сроки заключения не более трех месяцев. Службу в полевых арестантских подразделениях должны были нести те, чье «искупление вины на фронте» казалось командованию невозможным или несвоевременным.

Одновременно с появлением полевых арестантских подразделений создавались полевые штрафные лагеря.

Уже 13 апреля 1942 года в тюрьму Вермахта в форте Торгау пришел приказ формировать штрафные полевые лагеря (ФСЛ) I и II, которые предназначались для немецких военнослужащих в Северной Норвегии и Лапландии. Во всех тюрьмах Вермахта должна была провестись очередная «инвентаризация». Направляться в лагеря должны были все, кроме тех, кому за хорошее поведение было предусмотрено послабление и перевод в действующую часть, и их противоположность то есть те, кто направлялся в концентрационный лагерь (передавался в руки полиции). Соответственно каждый из лагерей должен был состоять из 600 арестантов. Охрана и вахтенный персонал в каждом лагере должны были насчитывать где-то по 285 человек. Так что количественное соотношение «надзирателей» и арестантов составляло где-то 1:2.

Условия в полевых арестантских подразделениях и штрафных лагерях были фактически одинаковыми: уже знакомые тяжелые работы в опасной прифронтовой зоне — разминирование, строительство бункеров и блиндажей и т. д. Кроме этого, сознательное ухудшение условий существования должно было достигаться за счет существенного сокращения продовольственного пайка и значительного увеличения «рабочего дня». В полевых подразделениях арестанты должны были трудиться как минимум 10 часов, в штрафных лагерях — не менее 12 часов. При всем этом полевым арестантам официально полагалось самое плохое довольствие в Вермахте, которое обозначалось литерой IV 2, что составляло 20 % от обычного солдатского пайка. Руководители штрафных лагерей и полевых подразделений, согласно § 13 Военного порядка отправления наказаний, могли выступать в роли военных судей. У вахтенного персонала в обоих учреждениях были одинаковые права и обязанности: «При малейшем сопротивлении, подстрекательстве или попытке к бегству уставной персонал обязан применять оружие на поражение. Предупредительного окрика не требуется. Чтобы пресекать попытки к бегству в бараках, по пути на работу и на рабочем месте, создаются определенные зоны, при вступлении в которые огонь ведется сразу же на поражение». Это был произвол, который развязывал руки надзирателям и конвоирам. На предписание о том, что «надзиратель не должен злоупотреблять своей властью и служебным положением», фактически никто не обращал внимания. Это проявилось уже во время транспортировки арестантов из форта Торгау в Норвегию. В дознаниях Баварского земельного уголовного розыска значилось следующее: «Штрафники должны были пройти свыше 500 километров вдоль побережья Ледовитого океана, самостоятельно перемещая свой багаж. Маршировали они, как правило, по ночам. Арестанты по большей части выбились из сил уже на первой трети пути, но для соблюдения дисциплины на марше их подгоняли дубинками или прикладами…Согласно свидетельским показаниям, арестант, падавший на землю из-за голода или болезни, получал приказ встать и идти дальше. Если арестант не реагировал на команду, то она еще дважды повторялась конвоиром. Если и на этот раз не было никакой реакции, то арестанта расстреливали на месте, так как тот отказывался выполнить приказ… количество расстрелянных во время марша по берегу Ледовитого океана колебалось между 30 и 50. Однако при этом нужно учитывать, что люди шли в колонне, а потому свидетели знали только то, что происходило в их колонне… Свидетели показали, что арестанты не получали от

служащих Вермахта ни хлеба, ни сигарет. Изредка сигареты и хлеб сбрасывались на землю с проезжавших мимо грузовиков. Однако тот, кто выходил из строя, чтобы поднять их, тут же расстреливался за попытку к бегству».

Отношение к арестантам не изменилось, даже когда они прибыли к месту назначения в Киркенес и Петсамо. Преследуемые как «военные вредители, носители враждебного духа» или также как «слабые люди, чью слабость нельзя перевоспитать, а лишь устранить при помощи наказаний», они подвергались всевозможным издевательствам. «По свидетельским показаниям, у конвоиров и надзирателей были полностью развязаны руки, их беспощадность не знала границ. За надуманными поводами арестантов избивали или расстреливали. Поведение отдельных офицеров и надзирателей граничило с садизмом». Один из подобных примеров в 1951 году описывал журнал «Шпигель»: «В лагере я слышал, как одному из солдат-штрафников был отдан приказ поднять ствол дерева. Но тот был слишком слаб для этого. К нему приблизился лейтенант и повторил свой приказ еще три раза. Штрафник вновь и вновь пытался сдвинуть поваленное дерево, но безуспешно. В итоге ему выстрелили в голову».

Для того чтобы сокрыть подобные убийства в распоряжении надсмотрщиков полевых штрафных лагерей имелись специальные формуляры, в которые вносились лишь имена жертв. В данном бланке значились следующие сведения: «Такой-то арестант был виновен в чрезвычайном дисциплинарном нарушении, за что был казнен. Погребен на таком-то кладбище. Извещения о смерти и некрологи запрещены».

1 августа 1942 года был создан третий штрафной лагерь. А в конце 1942 года полевые штрафные лагеря перенесли с побережья Ледовитого океана непосредственно на Восточный фронт. Тем временем в форте Торгау готовились к отправке новые транспорты с штрафниками. Вернер Краусс, член «Красной капеллы», который сидел в форте как опасный преступник, был знаком с бытом штрафников. В этой связи он замечал: «Обращение со штрафниками было хуже некуда. Они систематически изматывались голодом и побоями. При возвращении из Финляндии такой лагерь по пути терял едва ли не 75 % арестантов».

В первый период деятельности штрафного полевого лагеря II (май — декабрь 1942 года) было составлено более точное представление о потерях. Эта проблема освещалась различными документами, в том числе медицинским отчетом. Старший штабной врач Таухер, в течение двух дней проводивший инспекцию, писал 23 декабря 1942 года: «Общее впечатление было удручающе плохим. В особенности это касалось людей, которые уже добрых 4 недели не работали, а оставались в железнодорожном составе в Ревеле… Зная предписания для штрафных лагерей, не ожидал обнаружить у арестантов ожирения, но степень истощения неприятно поражает… Большое количество арестантов жалуется на одышку, обмороки при подъеме и наклонах, сердечные боли. Эти жалобы являются следствием дистрофии. Обследование показало почти у всех очень низкое кровяное давление и медленный пульс. Работа сердца была очень медленная, звуки биения глухие, слабые. Цвет лица серый и бледный. Надо подумать над тем, что среди арестантов много молодых, которые нуждаются в питании гораздо больше, нежели пожилые люди… Множество арестантов страдает от обморожений пальцев ног второй и третьей степени».

Если привлекать другие источники, то становится очевидным, что из 600 арестантов штрафного лагеря II, которые в мае 1942 года были посланы в направлении Полярного круга из тюрьмы Вермахта Торгау-Брукенкопфин, к зиме от холода и голода погибла как минимум пятая часть. По некоторым данным, каждый третий. Кстати, по данным обследования доктора Таухера, из 400 арестантов только 82 человека были в нормальной форме, а состояние здоровья позволяло работать. Схожие пропорции существовали также в штрафных лагерях I и III. Вместе с тем все указывает на то, что в указанный период в полевых штрафных лагерях Вермахта применялась практика, которая в концентрационных лагерях называлась «уничтожение трудом». Когда военный судья Фриц Ходес как постоянный сотрудник «Журнала

военного права» уже в 1940 году назвал полевые штрафные лагеря «концентрационными лагерями Вермахта», то подобная характеристика получила подтверждение на практике.

В конце 1942 года в систему полевых штрафных лагерей было внесено несколько изменений. Сначала эти изменения находились в связи с признанием того факта, что быстрый темп «уничтожения трудом» (как это было видно на примере полевого штрафного лагеря II) был, в конце концов, неэффективен хотя бы с военной точки зрения. Изнуренные арестанты не могли дать какого-либо существенного результата. А ведь, кроме этого, их надо было охранять и хотя бы номинально снабжать продовольствием. В итоге 6 января 1943 года в Верховное командование сухопутных сил поступило письмо, в котором говорилось: «В данных обстоятельствах подобные штрафные лагеря не приносят никакой выгоды, а являются только обузой. По этой причине группа армий просит отказаться от практики направления провинившихся в полевые штрафные лагеря I и III».

Дабы не ставить под угрозу запланированные военно-строительные проекты, было принято решение «в кратчайшие сроки привести лагерь II в рабочую готовность». Сделать это планировалось посредством того, что использование штрафников предполагалось: а) лишь в зоне боевых действий; б) когда состояние здоровья арестантов будет поддерживаться на необходимом уровне. Впрочем, эти изменения были столько же незначительны, как увеличение в конце 1942 года продовольственного пайка для заключенных концентрационных лагерей. «Улучшение» питания в концлагерях якобы должно было увеличить работоспособность заключенных.

Однако в конце 1942 года имело место быть и одно принципиальное изменение, которое касалось всех трех полевых штрафных лагерей. До этого момента руководство Вермахта придерживалось позиции: «Тот, кто оказался в штрафном лагере, принципиально должен был оставаться там на весь срок войны. Только в исключительных случаях пребывание в штрафном лагере могло быть заменено отправкой на фронт, дабы арестант искупил там свою вину».

Однако в октябре 1942 года было принято решение, что пребывание в полевом штрафном лагере должно было длиться от 6 до 9 месяцев. Сокращение сроков арестантской работы было продиктовано недостатком солдат в Вермахте. Резервы пытались изыскать, в том числе за счет арестантов из полевых штрафных лагерей. На уровне словесных определений эта ситуация выглядела и вовсе нелепо. «Трудновоспитуемые» и «абсолютно неисправимые» в одночасье превратились в «невоспитанных» и «неисправимых».

Отныне после 6–9 месяцев пребывания в штрафном лагере арестант должен был быть проверен на предмет возможного продолжения его «испытания» в полевом арестантском подразделении. При соответствующей проверке адресант мог направиться из ФГА на фронт для «искупления вины». Однако если по истечении отведенных месяцев арестант не проявлял признаков «исправления», то его по «доброй традиции» передавали в руки полиции и свое «перевоспитание» он должен был продолжать в концлагере. Стоит отметить, что полевые штрафные лагеря наряду с частично расформированными «особыми подразделениями» стали второй военной инстанцией, откуда можно было на вполне «законных» основаниях попасть в концентрационный лагерь.

Остается лишь заметить, что даже в подобной «либеральной» ситуации полевой штрафной лагерь все равно продолжал оставаться «концентрационным лагерем Вермахта». В отношениях арестантов и надсмотрщиков едва ли что-то поменялось. Кроме всего прочего, это наглядно показывает сообщение Роберта Штайна. Роберт Штайн являлся принципиальным противником национал-социалистического режима. За самовольное отлучение из части он был приговорен к году тюремного заключения. Но тюрьму ему заменили на полевой штрафной лагерь. Там он пребывал до 1 сентября 1943 года, а затем оказался в концентрационном лагере. Об использовании штрафников на Восточном фронте он вспоминал следующее: «Непосредственно на фронте мы занимались разминированием территорий и саперными работами на озере Ильмень… Наш штрафной лагерь был полностью отрезан от внешнего мира.

Вокруг него проходил высоченный забор с колючей проволокой. Нашим жилищем были землянки с деревянным настилом. Это были круглые нелепые строения, которые наполовину утопали в земле. Мы находились под постоянным надзором. Когда вели на работы, то нас сопровождали два конвоира. Во время разминирования к нам был приставлен сапер. Мы только выкапывали мины, а обезвреживал их именно он. Мы делали все под конвоем: грузили обезвреженные мины, погребали тела, рыли окопы, прокладывали дороги. Фронтовики видели нас, мы вызывали у них жалость, так как они понимали, что происходило: единственным обращением к нам был удар прикладом, неизменный удар прикладом. Примерно 90 % арестантов из нашего штрафного лагеря погибло. Это было в прифронтовой зоне, мы попали под обстрел. Но некоторые гибли от голода и побоев. На свой страх и риск мы выбирались из лагеря, чтобы собрать грибов. Каждая из таких вылазок могла закончиться расстрелом. Из еды у нас был только картофель, который мы ели прямо с кожурой. Это был форменный лагерь смерти. Удалившись от него на несколько метров, мы становились дезертирами. Пойманных бедолаг вешали для устрашения. Они висели в нелепой форме без знаков отличия, так как больше не были солдатами Вермахта. Но еще больше людей гибло от мин».

На характер концентрационного лагеря, который был присущ ФСЛ, указывали документы первой половины 1943 года, в которых приводились причины смерти арестантов. Наиболее популярными графами были: «застрелен при попытке к бегству» или «умер от общего изнеможения». Насколько силен был голод, позволяют почувствовать следующие указания о причинах смерти: «паралич сердца после отравления грибами»; «инфекционный энтерит» и т. д.

Совершенно очевидной становится параллель между штрафными и концентрационными лагерями, если принять в расчет сведения 1943 года о двух случаях «приведения в исполнение смертного приговора самым позорным способом», а именно «через повешение перед общим построением арестантов». На подобную взаимосвязь указывает событие, которое произошло в 1944 году. О нем рассказал Вернер Краусс, в то время являвшийся заключенным форта Торгау: «Среди нас в госпитале оказался человек, пребывавший в одном из таких лагерей. Его лицо было глубоко рассечено. Он был слишком запуган, чтобы признаться врачу, что это были следы истязаний. На все вопросы он отвечал, что травму он получил в аварии».

Очерченные выше изменения в лагерной системе и изменение их функциональных задач в некоторой степени были связаны с тем, что в начале 1943 года полевой штрафной лагерь III был преобразован в полевое арестантское подразделение, которое получило номер 19.

Несмотря на случившуюся трансформацию, «традиции концентрационного лагеря» оказались в этом подразделении слишком живучими. Об этом говорит свидетельство Петера Шиллинга, который в конце 1944 года видел казнь 19 «дезертиров» из ФГА-19. «По прибытии командир ФГА лаконично заявил мне, что в его подразделении мне не придется рассчитывать на длинную жизнь. Убийство 19 арестантов было там самым обыденным делом. Я помню, как надсмотрщик отдал приказ одному из наших товарищей по несчастью принести листовку, которая выпала из пропагандистской бомбы. Листовка лежала за линией, которую нам под страхом смерти нельзя было пересекать. Когда заключенный отказался, то охранник пригрозил застрелить его из-за отказа выполнять приказ. Когда арестант все-таки шагнул за листовкой через разделительную линию, то ему выстрелили в спину. Его убили «при попытке к бегству». Подобные вещи происходили едва ли не ежедневно. А ко всему этому паек был настолько скудным, что можно было просто-напросто умереть с голоду».

Сообщение Петера Шиллинга подводит нас к вопросу о структуре полевых арестантских подразделений, число которых в конце 1942 года составляло 12, в 1943 году достигло 20. Изначально каждое из них делилось на штаб и 5 или 6 «арестантских рот». В каждой из «рот» наличествовал «внутренний (уставной) состав, который имел гораздо лучшее довольствие, нежели арестанты. Если взять за пример 5-ю «арестантскую роту» ФГА-19, то в июне 1943 года она состояла из одного офицера, 17 унтер-офицеров, 33 штатных служащих и 166 арестантов.

В целом соотношение «персонала» и арестантов было 1:3. Все приведенные выше сведения о быте и нравах, царивших в штрафных лагерях, в полной мере можно отнести и к полевым арестантским подразделениям. Однако не везде все было одинаково. Вернер Краусс уже во время своего пребывания в форте Торгау пришел к выводу: «Обращение там было самое разное; в некоторых случаях люди морились голодом, а если кто-то во время работы падал, то его после скоротечного «судебного процесса» приговаривали к смерти. Арестанта вешали или расстреливали почти тут же после вынесения приговора».

Об условиях жизни в ФГА говорилось в отчете от 2 декабря 1942 года, который был адресован командованию 1-го армейского корпуса. Данный документ относился к ФГА, которое в срок с 1 апреля по 30 ноября 1942 года было приписано к группе армий «Север». В отчете говорилось: «Неудовлетворительное размещение, питание, обмундирование, отсутствие нормальной гигиены и отвратительные условия труда в зоне боевых действий вызывают у арестантов справедливые претензии. Только примерйо 20 % состава подразделения пребывали в некотором подобии нормального вида. Остальные были настолько истощены, что просто не могли успешно справляться с поставленными заданиями. Они могут только лежать на кроватях или пребывать в лазаретах. Здесь существует неизменная угроза возникновения очага эпидемий, которые могут угрожать всей воинской части. Предложение об улучшении питания было представлено командованию 18-й армии. По приказу господина командующего 18-й армией продовольственный паек был сразу же увеличен».

Что на практике значили «улучшения» условий жизни в ФГА, показал Вольф Герлах. 24-летним юношей он был приговорен к двум годам тюрьмы за «подрыв боеспособности Вермахта». Тюремное заключение было заменено ему службой в ФГА-6. Он писал о событиях 1943–1944 годов: «ФГА были исправительными подразделениями в структуре батальона. Те, в свою очередь, делились на роты, взводы и отделения. Вооруженный стражник приходился на каждые 10–15 арестантов. Кроме этого, имелись специальные охранные структуры, так что побег из ФГА удавался очень редко, в единичных случаях. Задачи, которые ставились перед ФГА, были самыми разнообразными. Все они были рискованными, поэтому нас назвали «командой смертников» (в оригинале с немецкого — «командой вознесения»). Как правило, мы разминировали поля и строили укрепления перед нашими позициями. На нейтральной полосе мы, невооруженные, нередко попадали под свой и русский огонь. Такова была наша участь: тяжелейший физический труд, истощение от голода, гибель во время обстрелов, истязания и казнь, если ты не мог работать. В случае смерти несчастным родителям сообщалось, что их сын умер от «нарушения кровообращения». Описывать тонкости мучений и подробности наших страданий невозможно. Это был ад».

Схожее повествование мы находим у арестанта ФГА-17, «дезертира» Карла Баумана: «Из Анклама[5] я прибыл сюда. В 1942 году я стал арестантом ФГА-17. Наш батальон направили в Сталинград, в район Сухой Балки близ Донца. На простреливаемой территории мы должны были хоронить солдат, обезвреживать мины и вытаскивать раненых. В нашем распоряжении были только руки и ноги, иногда сметливая голова. Команды саперов двигались после нас. Конвоиры по большей части напивались и вымещали на нас свою ярость и страх. Если за день мы вырывали недостаточное количество траншей, то нас беспощадно избивали прикладами. Я и сам пару раз получил толстой дубинкой… На фронте нередко случалось, что расстреливали мародеров. Наши нередко крали хлеб. Мы постоянно хотели есть, но еды не было. Между тем на поле боя лежали разлагавшиеся немцы и русские, в полевых сумках которых пропадал хлеб. Иногда нам удавалось ухватить его. Он имел привкус мертвечины. Не все выдерживали. У многих начиналась дизентерия.

Со снабжением было так плохо, что иногда приходилось пить собственную мочу».

Томас Крицаняк едва не погиб в ФГА-10, где отбывал наказание в 1943 году за «самовольное оставление части». «Наши палатки располагались в саду. Штабс-фельдфебель как-то бросил: «Сорвешь яблоко и ты труп!» Однажды утром мой приятель заметил, что на

земле лежит яблоко. Он наклонился и поднял его. Только тогда он обнаружил, что оно было гнилым. Он бросил его обратно. Штабс-фельдфебель заметил это. Он взял пистолет, перезарядил его и сказал: «Знаешь ли, что я могу тебя пристрелить?» Приятель хотел что-то ответить, но прозвучал выстрел».

Подобные убийства прикрывались формальными установками о том, что «ко всем нарушителям порядка надлежит относиться со всей строгостью, а в случае необходимости, не раздумывая применять оружие». Фактически из всех сохранившихся документов свидетельствовало, что в ФГА царил голод, что доведенные до отчаяния арестанты пытались протестовать или даже бежать. Всех их ждала смерть. Именно этим объясняется поразительно большое количество казней в полевых арестантских подразделениях. Очевидно, что между этими тремя явлениями (голод-побег-казнь) существовала непосредственная связь. Тем не менее нельзя приведенные жуткие примеры из практики ФГА-6, 10 и 17 переносить на все подразделения арестантов. Это следует хотя бы из сообщения Иоахима Т., который в течение 1943 года отбывал годовое наказание в ФГА-14. Из его воспоминаний следует, что преимущественно его работа сводилась к рубке деревьев, к рытью противотанковых рвов, к возведению бункеров и блиндажей. Иногда он попадал под обстрел. Через несколько месяцев «испытания фронтом» он был возвращен в действующую часть. Там обнаружилось, что он болен водянкой — следствие недостаточного питания. Его демобилизовали. Оглядываясь назад, Иоахим Т. вспоминает об отношении к нему в ФГА-14. «Если принять в расчет войну, то оно было вполне гуманным. Может, это была заслуга командира обер-фельдфебеля, в прошлом управляющего имением. Это был очень приличный человек. Он никогда не придирался без лишней на то надобности». Впрочем, подобный «гуманизм» в Вермахте оценивался как «негативное явление». Так, например, генерал Ойген Мюллер, начальник управления деятельности органов военной юстиции при Верховном командовании сухопутных войск, как-то появился в командовании третьей танковой армии, дабы самому сложить общее впечатление о штрафных подразделениях Вермахта. В разговоре он бросил: «Девять[6] в порядке. А в четырнадцати недостаточно жесткий режим».

Действительно, в ряде подразделений офицеры и унтер-офицеры проявляли заботу о том, чтобы создать арестантам сносные условия существования. Причины «заботы» могли крыться как в личных характеристиках, так и в чисто военных задачах. Так, например, во время визита военного судьи полковника Тома в ФГА-7, его командиру майору Кноблоху был сделан упрек: «Ваше штрафное подразделение больше напоминает летний загородный пансионат, где иногда трудятся». Майор Кноблох набрался смелости отвергнуть обвинение как принципиально не соответствующее действительности: «Арестант из рядов Вермахта непременно должен сохранять свою физическую форму». Но подобные установки были характерны отнюдь не для всех командиров ФГА.

Попытаемся все-таки ответить на вопрос: до какой степени ФГА и ФСЛ соответствовали концентрационным лагерям? Надо отметить, что персонал ФГА не проявлял столь вопиющего презрения к человеческой жизни, как это делали эсэсовцы в концентрационных лагерях и конвоиры в штрафных лагерях. Позволю себе процитировать Франца Зайдлера: «Жизнь в полевых арестантских подразделениях была намного сноснее, чем в штрафных лагерях». При этом важную роль играло то обстоятельство, что в ФГА, которые считались военными подразделениями, арестанты не испытывали на себе такого презрения, как заключенные штрафных лагерей, которым был вынесен приговор как «военным вредителям». Если в ФГА, с точки зрения нацистов, находились «нарушители», которые должны были искупить свою вину, то в лагерях пребывали «предатели», которых надо было по мере возможности «упразднить». Прибегая к жаргону тех времен, можно сказать, что в лагеря направляли «врагов народного сообщества».[7]

Так что отчасти параллели между полевыми арестантскими подразделениями и штрафными лагерями, как предполагавшимися «концентрационными лагерями Вермахта»,

оправданны. Однако до сих пор еще не дан четкий ответ на вопрос об эффективности полевых арестантских отделений с военной точки зрения. Также интересным является уровень общей профилактики и предупреждения дисциплинарных нарушений. Имеющиеся* источники и документы показывают совершенно противоречивую картину. Приведем несколько фрагментов. В сообщении из ФГА-3 от 1 августа 1942 года о военной эффективности говорилось следующее: «В течение июля все четыре имеющиеся в распоряжении роты в составе 120 человек находились почти на самой передовой. Они занимались единственной работой, которая заключалась в том, что они возводили некоторое подобие гати для 218-й пехотной дивизии. Собственно работа состояла в том, чтобы отпиливать стволы деревьев, а затем переносить их к дороге. Это делалось потому, что повсюду была болотистая почва. За рабочую неделю в семь дней этими 120 мужчинами было отпилено и уложено от 7331 до 9527 бревен, что приблизительно соответствует 5 километрам гати. Так как работы совершались в болотах, топях или на участках с мягкой глиной, то стволы приходилось доставлять из леса. Надо сказать, что работа арестантов была весьма производительной. Отдельно хотелось бы выделить 16 человек из группы по разминированию. Ранения и гибель от взрывов стали в ней почти естественным делом. Однако все обработанные территории оказались абсолютно чистыми от мин».

На военную эффективность ФГА указывает также тот факт, что в конце 1942 года можно было столкнуться со случаями вооружения отдельных полевых арестантских подразделений. Впрочем, число вооруженных арестантов было невелико. В памятке Верховного командования сухопутных войск от 20 октября 1942 года говорилось: «Подразделения для выполнения поставленных задач в отдельных исключительных случаях могут вооружаться. Арестанты могут получить оружие в руки лишь под надзором уставного персонала. Оружие в данном случае предназначалось лишь для отражения атак противника». Или, например, командованием 18-й армии 27 января 1943 года был издан приказ, что в ФГА-4 и 6 должен иметься хотя бы один вооруженный взвод. В зависимости от результатов данного опыта, предусмотреть возможность расширения вооруженной единицы до размера роты».

Подобное развитие событий кажется вполне возможным. Особенно если принять в расчет тяжелые оборонительные бои, которые вел Вермахт в августе 1944 года. В «Истории 24-й пехотной дивизии» есть упоминание о «вооруженных арестантах»: «Вооруженная рота этого подразделения оказалась весьма надежной».

Совершенно другое впечатление на Вернера Краусса произвел форт Торгау: «В секретных рапортах относительно ФГА, которые мне удалось прочесть в канцелярии, преобладали жалобы на то, что содержание арестантов — это только трата провианта, что, с военной точки зрения, от них нет никакого толка. Это объяснялось пораженческими настроениями, царившими среди арестантов. Говорилось, что все полевые арестантские подразделения, включая уставной персонал, только и думают, как бы перейти на сторону противника, что это уже было с ФГА-19. В форте было множество арестантов из ФГА, которые были схвачены при попытке перейти за линию фронта». Другое, не менее противоречивое свидетельство приводится в серии статей Хорста Войта, которые посвящены «Особым подразделениям и испытанию на фронте»: «Кроме всего прочего, полевое арестантское подразделение 19 неоднократно получало поощрения и благодарности от командования дивизии во время тяжелых оборонительных боев в Северной России и Прибалтике».

В «Истории 30-й пехотной дивизии» говорилось о боевом применении ФГА весной 1944 года: «Удручающим является использование арестантов в нашей дивизии. Среди арестантов множество разжалованных чинов. Теперь здесь они должны выполнять работы по расчистке территории в непосредственной близости от линии фронта. В частности, им предоставляют горы разлагающихся тел павших в предшествующих боях. Они выполняют свою работу молча. Они молчат, даже если есть возможность поговорить — разговор с арестантами запрещен. Их

конвоиры очень жестоки, хотя, с другой стороны, они приходят в радостное возбуждение, когда им приходится направляться к линии фронта».

В то время как в большинстве материалов бытует мнение об общепрофилактическом использовании ФГА, то часть очевидцев отрицает подобную возможность. Так, например, офицер Карл Зигфрид Бадер свидетельствовал, что арестантам не делали даже особых предупреждений: «Никто не испугался, когда узнал, что их собирались послать на поле боя без оружия. А ведь они знали, что без оружия солдатская жизнь не стоит ломаного гроша. Они знали, что разоруженное подразделение в условиях реальной опасности по понятным причинам не сможет дать отпор противнику». По этой причине Бадер говорил о «провале затеи создания ФГА», хотя эти подразделения продолжали существовать до самого окончания войны. Для него «полевое исполнение наказания было самой большой неудачей». При этом он специально указывает, что самолично не был знаком с «полевым исполнением», однако позволяет себе подчеркнуть: «То, что я сообщаю, является единодушным мнением многих людей, которые служили офицерами в арестантских командах, а стало быть, имели возможность лично наблюдать. Эти наблюдения подтверждались многочисленными арестантами ФГА». По его мнению, на передовой безоружная служба была практически невозможна. «Ни один командир дивизии не мог быть рад наличию в его части подразделения, состоявшего из ненадежных людей. Если честно, то никто бы не сделал из них воинскую единицу. Даже если от случая к случаю они могли бы оказывать некие рабочие услуги, то они все равно были весьма ограниченны. При отступлении, которое началось после Сталинграда, а закончилось крушением Восточного фронта, каждый раз оказывалось, что ФГА никому не помогали, а только мешались под ногами. Неоднократно их просто оставляли там, где они базировались. Командир ФГА должен был сам думать, как пробиться к линии фронта. О том, что дела обстояли именно подобным образом, говорит факт бесследного исчезновения нескольких ФГА, которые в суматохе отступления, видимо, не смогли без оружия самостоятельно пробиться. Люди без оружия на передовой были слишком большой обузой. Подумайте сами: неужели ненадежные солдаты, недовольные службой, провиантом, плохим обращением с ними, могли оказаться на передовой? Опасность перехода на сторону противника была настолько велика, что использование ФГА было скорее на руку противнику, а не собственной части Вермахта! В самом деле, многочисленные арестанты перекинулись в лагерь противника, вольно или невольно выдав врагу информацию о настроениях на передовой, тем самым оказав ему помощь».

Разница в оценках и высказываниях относительно ФГА объясняется, скорее всего, тем, что в различных полевых арестантских подразделениях существовали различные условия. То же самое относится и к тюрьмам Вермахта. В дальнейшем будем исходить из того, что характер ФГА на протяжении войны менялся. Внутри самих полевых арестантских подразделений существовала некая дифференциация. Она определялась так называемыми «возможностями продвижения». Как мы видели, в ФГА иногда имелся «вооруженный взвод». Есть упоминания о «взводах быстрого реагирования». Судя по всему, это была первая ступень «испытания». Кроме этого, в ФГА имелись «возможности падения», которые выражались в дисциплинарных взысканиях (лишение еды, арест), а также в переводе в штрафные лагеря.

Кроме этого, надо ответить на вопрос: как несли огромные потери ФГА? Было ли это следствием вражеских обстрелов или результатом пленения арестантов? Не стоит сбрасывать со счетов дезертирство, смертные приговоры, расстрелы при попытке бегства, смерть от голода и болезней, что было присуще многим штрафным подразделениям. Вдобавок ко всему надо принимать во внимание приказ фюрера, отданный в апреле 1942 года. Именно он стал отправной точкой «полевого исполнения наказаний». Благодаря этому приказу оказались разгружены переполненные тюрьмы Вермахта. С этой точки зрения полевые арестантские подразделения и штрафные лагеря имели преимущественно две цели. С одной стороны, посредством ужесточения наказаний и дисциплинарного режима содействовать «сохранению

самообладания» в частях Вермахта и устрашать «ненадежных рекрутов». С другой стороны, появление новых полевых подразделений должно было в какой-то мере улучшить положение армии на Восточном фронте. Использование арестантов и заключенных могло высвободить саперов и инженерно-строительные части, которые предполагалось перебросить на выполнение других заданий. О том, что штрафники превратились в существенный военный фактор, говорят следующие сведения: к 1 октября 1943 года только в штрафных лагерях, особых подразделениях, полевых арестантских подразделениях и тюрьмах Вермахта находилось около 27 тысяч человек. Версию о затыкании «дыр» в рядах армии силами штрафников подтверждает еще одна мера, предпринятая в апреле 1942 года. Речь идет о призыве «недостойных несения военной службы».

Глава 5

Возникновение 999-х и 500-х «испытательных частей»

До апреля 1942 года бывшие заключенные, составлявшие основную часть «недостойных несения военной службы», могли быть призваны в армию только при одном условии. Они должны были написать ходатайство о возвращении им «почетного права», то есть о восстановлении в правах как «достойных несения службы». Впрочем, подобная возможность была минимальной. Подобные прецеденты можно было бы сосчитать на пальцах. Еще в 1939 году профессор Эрих Швинге, один из авторов комментариев к военному уголовному кодексу, а также, пожалуй, один из самых рьяных борцов с «пацифистской пропагандой и подрывной коммунистической деятельностью» в одном из специализированных армейских журналов писал: «Сегодня, когда почетный характер военной службы подчеркнут настолько ярко, что мысль о призыве бывших заключенных даже в ряды особых подразделений кажется мне сомнительной». Однако два с половиной года спустя ситуация была совершенно иной.

И апреля 1942 года Верховное командование Вермахта издало удивительный циркуляр. В нем, пусть и в аккуратной форме, но все-таки назывались «пустой болтовней и демагогией» рассуждения про «достойность нести военную службу». Отдельно подчеркивалось, что подобные пассажи не имели более никакой военной значимости. В письмах, направленных в каждый военный округ, относительно бывших заключенных, «недостойных несения службы», сообщалось следующее: «В силу расширения определений недостойные несения военной службы, которые уже отбыли тюремное заключение или были освобождены с испытательным сроком, без написания каких-либо ходатайств должны быть восстановлены в правах как достойные несения службы, дабы пополнить ряды сражающихся армейских частей… Под действие этого распоряжения подпадают все осужденные на срок не более трех лет тюрьмы:

а) сразу, если не зафиксировано никаких специальных наказаний и штрафов (однократное нарушение законов, например, подготовка к измене Родины, лжесвидетельство, преступление в учреждении, валютные махинации) или если была погашена судимость, и как результат сняты недостойность несения службы и прочие последствия;

б) при более значительных проступках и когда недостойный несения службы провел после совершения последнего преступления долгое время, не будучи наказанным (например, при преступлениях против имущества, таких, как кража, мошенничество, растрата, а также при преступлениях против нравственности).

Повторно военная пригодность не предоставляется осужденным за противоестественный разврат, измену родине, а также тем, по отношению к которым применена мера наказания в виде кастрации».

То, что Верховное командование Вермахта начало с призыва тех, кто имел сравнительно небольшие сроки тюремного заключения (до трех лет) не было удивительным, так как в апрельском приказе практически шла речь о запланированной «фазе испытания», через которую должно было пройти огромное количество «недостойных службы». Для ведения войны требовались новые человеческие ресурсы. Возможно, что часть армейского руководства

рассматривала «подготовку к государственной измене», как уголовную статью, по которой прошло множество невиновных людей. Именно этим объясняется, что измена, подобно валютным махинациям и лжесвидетельству, рассматривались как наименее «оскорбительные для несения военной службы преступления». При определенных обстоятельствах эти преступники могли нести «почетную службу» в Вермахте. Возможно, что армейские чины исходили из того, что многолетний террор и усиленная пропаганда сделали свое дело — антифашисты стали оппортунистами, безразличными к политике

Так или иначе, но в апреле 1942 года командование Вермахта выразило надежду, что из «политических заключенных» еще можно было сделать хороших солдат, в которых так остро нуждалась армия. При этом нужно учитывать, что «государственные изменники» составляли только одну треть от общего количества «недостойных службы», которых предполагалось привлечь в ряды вооруженных сил. В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) не разделяли подобного оптимизма. По этой причине для отбора будущих солдат предписывалось участие криминальной полиции и гестапо. При этом тайная полиция должна была обладать правом вето при рассмотрении «политических случаев». Зная о намерениях армейских чинов, руководство РСХА еще 30 марта 1940 года специально для гестапо разрабатывает особую инструкцию: «Существует опасность, что политически ненадежные личности, которые в свое время были осуждены за коммунистические, марксистские взгляды и прочую антигосударственную деятельность, по собственной инициативе или указанию подрывных организаций попытаются проникнуть в ряды Вермахта. Чтобы своевременно пресечь подобную подрывную работу, требуется тщательное изучение политического поведения вышедших на свободу изменников. При проверке недостаточно, чтобы бывший заключенный, к примеру, «после освобождения из-под стражи больше нигде не появлялся» или «не делал никаких провокационных высказываний». Сбор сведений о политическом поведении стоит начинать с партийных функционеров, которые по возможности должны сложить полную картину политических представлений осужденного, восстановить его образ мышления. Если при этом будет сделан вывод, что он некогда споткнулся, но искупил свое преступление, ему не должно быть отказано в несении воинской службы. Если, напротив, речь идет о коммунистических или марксистских функционерах, то нужно применять самые суровые меры».

Опасения служащих Главного управления имперской безопасности базировались на информации, полученной от осведомителя из Нюрнберга, которая в мае 1941 года была передана уголовным инспектором Экерлем в Имперское министерство юстиции:

«Вопрос о возвращении возможности несения военной службы в настоящее время активно обсуждается в коммунистических кругах. В то время как незначительная часть бывших коммунистов довольствуется статусом «недостойного», так как это позволяет уклониться от службы, большая часть придерживается диаметрально противоположной точки зрения. Эти люди пытаются попасть на службу в Вермахт по следующим соображениям:

Шансы Германии на победу равны нулю. В стадии решающей борьбы можно ожидать, что 90 % бывших коммунистов вновь окажутся в заключении. Каждый знает, что им светит в данной ситуации. Избежать такой участи можно только, если попасть на службу в Вермахт.

Если дело дойдет до военного конфликта между Германией и Советским Союзом, то к бывшим коммунистам будут предприняты самые жесткие меры. Они будут ужесточаться в случае невысоких шансов национал-социалистического режима на победу. При этом принимается во внимание тот факт, что «недостойные несения службы» будут использоваться в тылу для различных работ, где они имеют больше шансов погибнуть под бомбами, нежели солдаты на фронте.

Безусловной предпосылкой для прихода к власти пролетариата является знакомство всех бывших коммунистов с оружием и тактикой ведения войны.

Допускается, что коммунистическая партия имела бы своих людей в рядах Вермахта, где бы они вели марксистскую пропаганду.

Большинство коммунистов, «недостойных несения службы», могут ввести в заблуждение местные группы и районные комитеты НСДАП, демонстрируя свое лояльное отношение. Это делается для того, чтобы получить одобрение ходатайства о восстановлении в праве несения службы. В ряде случаев установлено, что бывшим коммунистическим функционерам, которые продолжают свою нелегальную деятельность, удалось получать положительную оценку».

Сложно ответить на вопрос о том, в какой мере были оправданны опасения РСХА. Тем не менее можно привести два примера. Вилли Байц сообщал о дискуссиях, которые вели арестованные члены молодежных коммунистических организаций в середине 30-х годов, пребывая в одной из тюрем: «Я принадлежал к группе товарищей, которые в соответствии в решением КПГ и КМСГ (Коммунистического молодежного союза Германии) придерживались точки зрения, что соответствующая работа должна была вестись в таких формациях фашистского общества, как Имперская трудовая повинность СА, СС, Гитлерюгенд, Союз немецких девушек. Мы не могли обойти стороной Вермахт как важнейший институт фашистского государства. В этой связи я также вспомнил, что до этого КПГ и КМСГ занимались конспиративной деятельностью в рейхсвере и расквартированных по казармам частях полиции. Они втайне пытались доставать оружие еще задолго до того, как была установлена фашистская диктатура. С этими структурами я сотрудничал начиная с 1931 года. В принципе в данной деятельности ничего не изменилось, она лишь расширилась. Мы получили решение, что молодые товарищи, каждый по отдельности, должны были подать заявление на восстановление возможности несения службы. Наши ходатайства не сопровождались какими-либо политическими заявлениями, так как мы не хотели давать нацистской пропаганде поводов для злоупотреблений. Впрочем, можно было подать коллективное заявление и соответствующее признание раскаяния, заверение в верности нацистскому государству. Но мы пытались избегать этого». Нечто подобное описывал Макс Эмендёрфер, коммунист из Франкфуртана-Майне, который подал ходатайство, дабы ускользнуть из-под контроля гестапо. Попав в Вермахт, он намеревался перейти на сторону Красной Армии. Ему это удалось. Макс

Эмендёрфер продолжил свою антифашистскую деятельность как один из вице-президентов Национального комитета «Свободная Германия».

Однако подозрения эсэсовцев не были беспочвенными. К ним в руки попал один важный документ, который очень хорошо иллюстрирует отношение организованных коммунистов к «испытательным батальонам». Речь идет о письме Эрнста Тельмана, которое удалось переправить на свободу. В нем говорилось: «Мне часто задают вопрос: попасть в гестапо или в армию? Идти в регулярную часть или в штрафной батальон? У тебя есть две возможности, которые ты можешь принимать во внимание: наиболее вероятно, что сразу же после освобождения тебя заберут в армию прямо из дома; и другая — гестапо начнет проверять твои политические убеждения. Попадание в штрафные батальоны весьма вероятно, так как почти все политические заключенные в возрасте до 45 лет идут этим путем. Я, например, слышал об армейском учебном лагере для штрафных батальонов, находящемся в окрестностях Боденского озера, в Хойберге, где обучаются политические заключенные со всего рейха, в том числе и из Гамбурга. Там плохо, говорят, там даже было несколько казней. Однако этот шаг позволит тебе не беспокоиться, так как по большей части люди, с которыми ты окажешься в военных лагерях, будут твоими политическими товарищами».

Апрельский указ Верховного командования Вермахта привел к такому наплыву ходатайств о восстановлении возможности службы, что командование военных округов было просто не силах проводить проверки, предписанные РСХА. После этого 30 мая 1942 года по гестапо был разослан циркуляр, который предписывал офицерам тайной полиции самостоятельно заниматься этим вопросом. С этой целью в середине 1942 года они получили на руки «Директиву о повторном восстановлении военной пригодности политических осужденных». В «сомнительных случаях», в частности, при подозрении на причастность к деятельности «Черного фронта», а также если «недостойный несения военной службы» находился под

длительным полицейским наблюдением, требовалось решение РСХА. Следующая выписка из директивы показывает, насколько строго Берлинский штаб гестапо относился не только к «недостойным», но и к командованию военных округов:

«1) принципиально нужно отличать убежденных преступников от сбившихся с пути;

особенно строгие критерии надо положить в основу при отборе:

аа) опасных для государства, армии и общества преступников (террористы, покушавшиеся, саботажники, подстрекатели) и рецидивистов;

bb) осужденным за разложение Вермахта, СС, СА;

сс) бывшим партийным функционерам,[8] если они действительно продолжали исполнять свои обязанности даже после прихода к власти[9]

Повторное предоставление пригодности к военной службе в данных случаях должно представлять собой редкое исключение. Для этого шага нужны исключительные причины;

если речь идет о сбитых с толку, политически совращенных элементах (в том числе преимущественно уже осужденных) и тех недостойных несения службы, которые перестроились, доказали свою способность противостоять врагу (или как-нибудь еще иначе), то им великодушно должна быть предоставлена почетная обязанность несения военной службы;

2) безусловной предпосылкой для удовлетворения ходатайств является констатация государственного образа мышления.

В случае, если речь идет о пункте 1а, то требуется тщательная перепроверка политического поведения объекта. Констатация, что осужденный больше не занимается политикой или демонстрирует лояльность, не является достаточной. Надо получить ясные доказательства того, что после выхода на свободу (в среднем срок заключения длится три года) объект стал придерживаться национал-социалистических воззрений, что должно очевидно следовать из его нынешнего поведения. Соответствующим структурам надлежит выяснить в партийных инстанциях сведения о членстве или сотрудничестве с национал-социалистическими объединениями, с Национал-социалистическим вспомоществованием, имперским союзом ПВО. В данной ситуации членство в Немецком трудовом фронте не принимается в расчет, так как объект может примкнуть к данной организации, исходя из социально-экономических побуждений, а не по политическим причинам. Особое внимание надо обращать на участие в национал-социалистических мероприятиях: сборе пожертвований, участии в подписной кампании на национал-социалистические газеты и т. д.».

Подобная перепроверка со стороны гестапо, а также рассмотрение ходатайств в четырех структурах (Вермахт, полиция, юстиция, НСДАП) значительно замедляли процесс поставки новых кадров на фронт. То же самое можно было сказать и об уголовных элементах, хотя их проверка в криминальной полиции занимала гораздо меньше времени, нежели «тестирование» бывших политических заключенных в гестапо. Несмотря на выход апрельского приказа, Вермахт пока вынужден был считаться с такими задержками.

Ввиду подобной ситуации принципиальное решение было принято в первых числах сентября 1942 года. Высшие чины Верховного командования Вермахта настояли на будущем использовании на фронте бывших заключенных, «недостойных несения службы». 11 сентября 1942 года верховный военный судья Шерер позвонил в Имперское министерство юстиции и сообщил, что Верховное командование может незамедлительно использовать бывших заключенных. Для ускорения данного процесса предлагалось изменить процесс удовлетворения ходатайств о повторном предоставлении пригодности к службе.

Очевидно, принимался во внимание тот факт, что в случае «недостойных» с незначительными проступками, командование военных округов могло отказаться от «расследований» прочих инстанций. Почти в то же время военный судья Вестфаль в своем

разговоре подчеркивал: «Вмешательство полиции можно рассматривать как целесообразное лишь в случаях совершения тяжких преступлений, а также антигосударственных действий и измены Родине». Второпях армейские чины и представители Министерства юстиции подготовили проект создания «испытательного подразделения 999», которое, возникнув в октябре 1942 года, поначалу получило название «африканская бригада-999». С самого начала предполагалось, что в ней могут оказаться не только бывшие заключенные, но и те, кто все еще пребывал в лагерях и тюрьмах. Примечательно, что служба в бригаде-999 рассматривалась как «испытание фронтом», и лишь потом «недостойные» могли быть признаны пригодными к службе и переводиться в регулярные части Вермахта.

При комплектации 999-х подразделений командование Вермахта обращало внимание на то, чтобы они представляли собой смесь из уголовных элементов, политически неблагонадежных элементов, религиозных диссидентов и людей, не прошедших расовые критерии, так называемых Нюрнбергских законов. Командование 999-ми батальонами поручалось надежным офицерам и унтер-офицерам, которые должны были не просто руководить и наводить дисциплину во вверенных им подразделениях, но и проводить в жизнь тактику косвенного уничтожения нежелательных элементов.

Все мужчины, признанные «недостойными несения военной службы», получали свидетельство о снятии с воинского учета, которое из-за синеватого цвета, называлось «голубым свидетельством». Его обладатели более не попадали под контроль военной администрации.

К моменту начала Второй мировой войны в Германии в тюрьмах и лагерях находилось около 300 тысяч противников гитлеровского режима. Всего же в местах заключения к 1939 году побывало около миллиона человек. Начало войны стало отправной точкой для ужесточения внутреннего террора. 3 сентября 1939 года, два года спустя после нападения на Польшу, Гиммлер по указу Гитлера издает указ «О принципах внутренней государственной безопасности во время войны». В нем, в частности, говорилось: «Любая попытка подорвать сплоченность и боевой дух немецкого народа будет подавляться самым жесточайшим образом. В том числе тюремному аресту будет подвергнута любая личность, которая в своих высказываниях будет выражать сомнение в грядущий победе рейха или правомочности Германии вести войну». Данное определение способствовало новой волне арестов коммунистов, социал-демократов, либералов и деятелей христианских церквей. Большинство из них давно уже не помышляло об антифашистской деятельности. Многие были арестованы повторно.

По мере развертывания военных действий и подготовке новых операций руководство Рейха пыталось заблаговременно принять меры, способствовавшие мобилизации сил. В 1940 году были проведены освидетельствования всех «непригодных к военной службе». Подобные освидетельствования прокатились по всей Германии, присоединенной Австрии, аннексированных частях Чехословакии и на территории захваченной Польши. Подобные проверки касались не только тех, кто оказался на свободе, но и тех, кто все еще находился в лагерных бараках. Эрвин Барц в своих мемуарах описывал освидетельствования следующим образом: «Правда, мне забыли сообщить о моем исключении из рядов Вермахта, но я считал это само собой разумеющимся — «государственный преступник» не был достоин носить «почтенную военную форму, врученную ему фюрером» для участия в захватнической войне. Тем больше я удивился, когда летом 1940 года получил приглашение на освидетельствование. Как антифашист, да еще осужденный, я всегда немного нервничал. Но когда я получил официальное письмо, я был абсолютно спокоен. Я был полностью убежден в том, что это письмо было направлено мне по ошибке. Перед входом к центр освидетельствования я спросил должностное лицо: «С какой целью меня вообще сюда вызвали?» При этом я показал ему мой единственный документ — справку об освобождении из тюрьмы. Он неуверенно изучил справку, но все равно сказал: «Проходите!»

В здании Богемского пивоваренного завода оказались собраны около сотни мужчин. Все приблизительно 1900–1911 годов рождения. У меня сложилось чувство, что я был одним из немногих, кто не воспринимал этот визит всерьез. Я стоял в спортивных брюках у линейки для измерения роста, когда вошел взволнованный унтер-офицер. «Кто здесь Эрвин Барц?!» — крикнул он. Я представился. «Мужчина, одевайтесь. И как можно быстрее к обершютце СС». Я охотно последовал за ним.

Увидев меня, эсэсовец удивился и закричал: «Как вы осмелились войти? Ждите в коридоре, пока вас не позовут!» Кажется, для меня было предназначено особое освидетельствование. Тянутся напряженные минуты. Вдруг раздается: «Инструментальщик Барц, войдите!» Внутренне потешаюсь над этим обращением. «Заключенный» или «государственный преступник» звучало бы плохо. Однако обратиться ко мне «товарищ» или «господин» было нельзя. В итоге, обратившись ко мне по профессии, эсэсовец принял соломоново решение. На помосте сидело несколько офицеров и человек в штатском, в котором я без труда узнал служащего гестапо. Тут же начинается небольшой допрос.

Майор, судя по всему главный среди всех присутствующих, приказывает:

— Подойдите к нам и встаньте по стойке смирно!

Он дребезжит далее:

— Вы были приговорены к тюремному заключению?

— Так точно, герр майор, — говорю я как можно громче.

— За что?

— Подготовка государственной измены, — отзываюсь я эхом.

— Коммунист!

Я оставляю этот восклик офицера без комментариев.

После этого началось почти ритуальное действие. Майор внимательно смотрит на сидящих в комнате. Затем откладывает карандаш, встает и коротко, почти по-военному объявляет: «Согласно § 13 военного кодекса исключен из рядов Вермахта».

Секретарь передает мне голубую бумажку. После этого раздается команда: «Свободны».

Я собираюсь всеми силами, чтобы не улыбаться, и говорю: «Большое спасибо».

— Итак, у меня теперь был военный билет: надолго ли он сохранится у меня?»

«Голубое удостоверение» хранилось у Барца около двух лет.

По последним оценкам, приблизительно треть всех служащих 999-х штрафных батальонов были осуждены за активную антифашистскую деятельность. Впрочем, в некоторых подразделениях доля антифашистов могла быть значительно выше. Но в любом случае это не меняло общей картины. Антифашисты находились в меньшинстве по отношению к уголовникам. Когда мы говорим о 999-х батальонах, то ведем речь не о сплоченном и завершенном военном подразделении. 999-е батальоны — это общее название для самых разнообразных военных формирований, которые на протяжении 1943–1945 годов использовались на самых различных театрах военных действий.

Первоначально предполагалось, что 999-е батальоны будут использоваться для усиления немецко-итальянской группировки, воевавшей в Северной Африке. Однако перекинуть штрафные части в Африку было не так-то просто. Несмотря на все усилия лишь весной 1943 года некоторые из них оказались в Тунисе, куда были переброшены или по воздуху, или по морю. Здесь они использовались в основном для того, чтобы прикрывать отход основных военных частей. Так было, например, в Кайруане. Остальные батальоны использовались в зависимости от обстановки на фронте. Оставшиеся в Италии остатки 999-х батальонов после окончания военных действий в Северной Африке были перевезены обратно в Хойберг, где были влиты в состав новых штрафных частей. В конце мая 1943 года новые 999-е батальоны

направлялись в Грецию, где они наряду с регулярными частями Вермахта использовались в качестве оккупационных войск.

Забегая вперед, заметим, что в период с конца 1943 года по начало 1944 года некоторые из 999-х батальонов посылались на Восточный фронт. Немецкое военное командование предполагало использовать их для обороны позиций на Днепре, но данная затея потерпела провал. Большинство штрафников, и не только антифашисты, предпочитали переходить на сторону Красной Армии. Многие из них после этого использовались для нелегальной работы в немецком тылу. Опасаясь массового дезертирства, командование Вермахта приняло решение разоружить три 999-х батальона и использовать их для строительства защитных сооружений. После прорыва Красной Армии на Днепровском фронте 999-е батальоны были отозваны с Восточного фронта и переведены в Баумхольдер. Там планировалось провести судебный процесс над так называемыми подстрекателями, но затем было решено отказаться от показательного судилища — обстановка в штрафных батальонах была слишком напряженной. После объединения в один 999-й батальон выжившие штрафники были направлены в Грецию.

Нелегальная политическая работа в 999-х батальонах в первое время была направлена на то, чтобы выявить единомышленников по антифашистскому фронту. Затем стали проводиться тайные собрания, происходил обмен информацией. Участники подполья пытались повлиять на настроения остальных штрафников.

Во время отхода немецких войск из Греции и марша по Албании и Югославии (осень 1944 — весна 1945 годов) нелегальная работа должна была быть перестроена. Политические штрафники сконцентрировались на том, чтобы, используя усталость от войны, спровоцировать сдачу в плен по возможности всех 999-х батальонов. Однако подобное стало возможно лишь в последние месяцы войны. В штрафных 999-х батальонах, как ни в каких других частях Вермахта, можно было обнаружить предельную концентрацию политических оппонентов национал-социализма. Антифашистская деятельность в штрафных частях была весьма разнообразной. Она простиралась от деятельности подпольных ячеек до сотрудничества с населением оккупированных гитлеровцами стран. Высшей точкой Сопротивления можно считать переход немецких штрафников на сторону Красной Армии, партизанских формирований Греции, Югославии, Албании.

В период с октября 1942 года по сентябрь 1944 года через «испытательную часть 999» прошло более 28 тысяч человек. Из них две трети были бывшими заключенными, а все оставшиеся попали в бригаду-999 из лагерей и тюрем. При этом если посмотреть на статьи, по которым были осуждены 999-е, то 30 % из них были «политическими», которым противостояло 70 % уголовных элементов. Уставной персонал, который отвечал за подготовку 999-х, за военное руководство на всех уровнях, начиная от роты, заканчивая отделением, составлял где-то 8500 человек. Причем речь идет о специально подобранных офицерах, унтер-офицерах и солдатах Вермахта (рядовые, которые должны были контролировать штрафников, в подобных частях назывались маншафтами).

Дабы обойти препятствия, поставленные РСХА, значительные массы «недостойных» призывались в закрытое подразделение, которое, вопреки прошлому опыту, не являлось единицей регулярной армии. Это отчетливо прослеживается в письме из Верховного командования Вермахта, которое датировано 14 апреля 1943 года. На нем стоял штемпель «Совершенно секретно». Этот секретный документ адресовался в правовые управления всех трех частей Вермахта: сухопутная армия, Люфтваффе, военно-морской флот. При этом «для ознакомления» один экземпляр направлялся в СД. Поводом для письма стали попытки распустить бригаду-999, предпринятые в январе 1943 года: «Указ от 13 января 1943 года настолько увеличил призыв «недостойных несения военной службы», что в будущем нам придется столкнуться с большим количеством личностей, осужденных за антигосударственную деятельность, в частности, с бывшими активным коммунистами. Угроза, которая проистекает из столь большого количества подобных элементов, может быть надолго нейтрализована, если

они будут находиться в закрытых подразделениях, где за ними будет вестись соответствующий надзор. Однако рано или поздно признавая их достойными несения службы, мы даем антигосударственным личностям возможность проторить дорожку в регулярные части Вермахта, что может оказаться вредным. По этой причине окончательное предоставление пригодности к несению военной службы для «недостойных», которые были в свое время осуждены за антигосударственную деятельность или которые с сомнением относятся к национал-социалистическому государству, должно совершаться не только в зависимости от активного участия в боевых действиях, но и при условии изменения образа политического мышления. Для проверки подобных установок необходимо запросить оценку «недостойного несения службы» из полицейской части по постоянному месту жительства. Командование части Вермахта должно ознакомиться с данной справкой, прежде чем передать ходатайство в Имперское министерство юстиции «недостойного» о повторном восстановлении пригодности к несению службы».

Из данного документа следует, что основная забота высших чинов Вермахта и РСХА состояла в том, чтобы активные противники гитлеровского режима не смогли продолжить свою работу в регулярных частях. Чтобы предотвратить эту опасность, стороны договорились о том, что «недостойные несения службы» противники национал-социалистического режима вместе с уголовниками (также «недостойными несения службы») должны быть изолированы в специальных закрытых формациях, где они будут находиться под неустанным контролем. На протяжении всей своей службы они должны были надеяться на удовлетворение ходатайств, на «испытание фронтом». Подобная форма штрафного подразделения демонстрировала еще одну грань сотрудничества Вермахта и ведомств Генриха Гиммлера. В некоторой степени появление «испытательной части 999» было неким компромиссом между СС и армейскими чинами. Для гестапо (в силу его функции) на первом месте стояла борьба против «внутреннего врага». В данном случае тайная полиция получала прекрасную возможность собрать воедино множество противников режима, что упрощало контроль над ними. С другой стороны, Вермахт мог активно использовать потенциальных «врагов народного сообщества» и «государственных преступников» для борьбы с «внешним врагом».

В итоге гестапо целыми списками определяло, кого надо удалить с территории рейха. При этом «призывники» считались «пригодными к военной службе», а свидетельство о снятии с военного учета аннулировалось. Первые служащие 999-х батальонов появились в Хойберге 15 октября 1942 года. К этому моменту (по состоянию на 6 октября 1942 года) Вермахт недосчитывался около миллиона человек. Среди первых «призывников» были как «политические», так и уголовники.

Как призыв происходил на практике, в своих воспоминаниях изобразил Ганс Буркхардт: «4 июня 1943 года пришло и мое время. В марте 1943 года в Берлинском дворце спорта Геббельс провозгласил тотальную войну, которая требовала новых жертв для ведения захватнической войны.

«Срочное. По делам Вермахта! Бесплатно по всем почтовым отделениям рейха!» — конверт с такими пометками доставил мне заказное письмо. Это была повестка в военкомат. Мне предстояло пройти пользующийся дурной славой военный призыв. В письме значилось:

«Согласно приказу фюрера вам оказана великая честь — на время войны вы являетесь пригодным для несения воинской службы. В призывном пункте вы должны отдать имеющееся у вас на руках свидетельство о снятии с военного учета. С собой надлежит иметь продукты на три дня. Для прохождения воинской службы в батальоне 999 вы должны явиться 7 июня 1943 года в срок до 20 часов 30 минут по адресу: Берлин SW 61, Обентраутштрассе, 2/4.

Ротмистр (неразборчивая подпись)».

У меня было три дня на раздумье. Должен ли я был следовать этому приказу? Я посовещался с семьей и близкими друзьями, после чего взвесил все за и против, включая

возможные последствия. В итоге я решил передать этот приказ на завод. На предприятии меня смогли уберечь от всех призывов как работника, имеющего броню. На этот раз, вероятно, все обошлось. Вместе с тем, уклоняясь от последнего призыва, я нарушил существующие правила. А именно в сопроводительной бумаге говорилось: «Тот, кто нарушит приказ, ссылаясь на работодателя или других гражданских лиц, будет наказан в соответствии с законами военного времени». Произошло то, что я и ожидал. Приказ был принят моим непосредственным руководителем, бывшим капитаном, который заметил: «Не бери в голову. Мы вновь высвободим тебя!»

По существу ситуация для меня была благополучной. У меня была броня от предприятия «Рейнметалл-Перфокартен», в прошлом германо-американского концерна, которое подчинялось непосредственно министру вооружений Шпееру. Кроме того, на производстве я занимал ключевую должность.

Все было хорошо, пока внезапно 6 июня во второй половине дня я не получил призывную повестку. Все мои усилия были напрасными. Поступило негласное указание убрать с важных постов на производстве бывших политических заключенных. Вечером 7 июня 1943 года с чемоданом в руках и продуктами на три дня я направился на Обентраутштрассе. Там все произошло очень быстро. После того как выкрикнули мое имя, я сдал свидетельство о снятии с воинского учета, превратившись в солдата 999-го батальона».

Как видим, непреодолимых противоречий между СС и Вермахтом в данном вопросе не было. Обе стороны были заинтересованы в «окончательной победе», а потому пошли на компромисс. Но справедливости ради надо отметить, что Гиммлер с некоторым подозрением относился к затее создания бригады-999. Дело в том, что возникновение этой «испытательной части» лишало его контроля приблизительно над 30 тысячами человек из его «классической клиентуры». По мнению руководства СС, многие из «недостойных» могли проявить опасную изворотливость и продемонстрировать «мнимое обращение в национал-социалистов».

Если причиной форсированного набора в апреле 1942 года были чересчур завышенные требования, предъявляемые в Вермахте к рекруту, то формирование «испытательных частей» было продиктовано несколько другими установками, нежели создание ФГА и штрафных лагерей. Весной 1942 года национал-социалистические бонзы столкнулись с парадоксальной ситуацией: огромное количество «недостойных» могли продолжать относительно спокойную жизнь в тылу, в то время как истинные приверженцы нацистского режима гибли на Восточном фронте. На этот аспект в одном из партийных циркуляров обратил внимание Мартин Борман. В секретном документе он информировал партийные инстанции о создании «особых формирований». «Относительно использования недостойных несения военной службы в Вермахте. Гауляйтеры уже неоднократно сообщали о том, что население не понимает, почему недостойные несения службы, с одной стороны, не привлекаются для военных операций, с другой стороны, они не привлекаются к особым работам. При рассмотрении этого вопроса нельзя забывать, что, с одной стороны, невозможно привлечение в армию лиц, недостойных несения службы, так как это подрывает престиж Вермахта. Однако, с другой стороны, круг этих лиц нельзя оставлять без внимания, так как они превращаются в «выигравших от ведения войны». Использование недостойных несения службы должно происходить в рамках особых формирований. Со дня призыва недостойные несения службы считаются зачисленными в армию. Однако пригодными к военной службе их можно признавать лишь только после особых испытаний и боевых действий на фронте».

Но если бы речь шла только об устранении внезапно появившейся прослойки невольных уклонистов, то у национал-социалистического режима в распоряжении вне всяких сомнений нашлись бы и другие возможности решения данной проблемы. Их могли облачить в «почетную серую униформу» и направить отбывать трудовую повинность в «Организацию Тодта» (ОТ), где «недостойным» отыскали бы множество опасных работ. Это только один из возможных вариантов. Но одна из истинных причин призыва «преступников» и «врагов государства»

крылась в расистской идеологии национал-социалистического государства. Этот мотив становится понятным, если принять во внимание слова Гитлера, произнесенные 20 августа 1942 года, когда приводилось к присяге новое руководство Имперского министерства юстиции:

«Судья — это носитель духа национального самосохранения. Каждая война ведет к негативной селекции. Позитивный отбор умирает. Но уже выбор опасного воинского пути является отбором. Смельчаки будут летчиками, пойдут в подводники. Однако теперь войска сами кидают клич: кто пойдет добровольцем? И всегда найдутся бравые ребята, которые откликнутся на него. В это время только подлые мошенники могут заботиться о своих душе и теле. Тот, кто оказался в тюрьме, получил гарантию, что с ним ничего не случится. Если подобное будет продолжаться три-четыре года, то будет нарушено равновесие нации: одни будут гибнуть, а другие сберегать свою жизнь! Сейчас тюремное заключение уже не является наказанием. И в то же время в Волховском котле солдаты лежат на голой земле, без сна, подчас без еды. Отныне в народе все происходит так: широкие массы являются ни хорошими, ни плохими. Именно крайние позиции определяют исход дела. Если неуклонно уменьшать количество хорошего, но в то же время сохранять плохое, то произойдет то, что было в 1918 году — 500 или 600 бродяг изнасиловали целую нацию. Противоположного идеалистического полюса больше не существует».

Хотя в «Майн кампф» не прозвучало никаких высказываний относительно штрафных подразделений, но часть идей из «библии нацизма» опосредованно повлияли на их создание. Насколько востребованными расистские позиции оказались в среде армейских юристов, можно судить по тому факту, что Эрих Швинге, основываясь на «сведениях» армейской психиатрии, еще до начала войны призывал своих судейских коллег со страниц «Журнала по военному праву»: «Нельзя еще раз допустить, чтобы война очень сильно ударила по ценным элементам нашего народа. В данной ситуации дарвиновский отбор пойдет в обратную сторону. Нельзя допустить, чтобы лучшие отдали свою жизнь на фронте, в то время как физически и духовно неполноценные подрывали позиции нашей родины».

Вполне очевидно, что при создании «испытательных единиц» учитывались социал-дарвинистские установки. Протагонисты расистских учений всеми способами пытались предотвратить «обратный отбор». Наиболее ярко эта тенденция выразилась в создании Генрихом Гиммлером «особого формирования СС — Дирлевангер», Названная по имени командира эта эсэсовская часть занималась в основном борьбой с партизанами. Поначалу она насчитывала несколько эсэсовцев и 70 браконьеров (отсюда и одно из названий «браконьерская бригада»), которым по воле Гитлера был предоставлен шанс на «искупление вины». Вскоре это формирование было пополнено «профессиональными преступниками» и «асоциальными элементами», которые набирались на службу из концентрационных лагерей. Потом настал черед «инонациональных» коллаборационистов, которые хотели получить эсэсовское звание. Когда в феврале 1944 года предполагалось сделать еще один набор из числа заключенных концентрационных лагерей, Генрих Гиммлер сказал: «Я прошу всех начальников главных управлений СС задуматься и не забывать, что лучше принести кровавую жертву, сведя в могилу провинившихся людей, но сохранить посредством этого несколько славных немецких юношей». Те же самые идеи сквозят в словах шефа Главного управления СС Готлиба Бергера, который в марте 1944 года предложил направлять всех провинившихся эсэсовцев в бригаду Дирлевангера. Письмо с соответствующим предложением заканчивалось следующим образом: «При этом я ясно осознаю, что не все являются достойными искупления, однако у них будет шанс достойно умереть, сражаясь с врагом».

В первых главах книги уже упоминалось о том, что практика «испытания фронтом» применялась в Вермахте во время польской кампании. Согласно документам Верховного командования сухопутных войск, нечто подобное практиковалось в полевых частях во время завоевания Франции. В время боевых действий на Западном фронте в мае 1940 года наказание в виде «испытания фронтом» было назначено 2762 солдатам. Надо подчеркнуть, что только в

177 случаях (6,4 %) провинившиеся не смогли «искупить вины» и не прошли испытание. Можно говорить, что в большинстве случаев дисциплинарная цель была достигнута. 93,6 % провинившихся «исправились» и благодаря «смелым действиям искупили свои проступки».

Сейчас затруднительно привести отдельные примеры подобного «героизма». Но можно констатировать, что положительный опыт должен был побудить руководство рейха к тому, чтобы расширить сферу применения «испытания фронтом». Так возникла «испытательная часть-500».

Основой для создания «испытательной части-500» (известной также как 500-й батальон) послужил приказ фюрера от 21 декабря 1940 года, который впоследствии был дополнен пятью инструкциями Верховного командования Вермахта. До сих пор неизвестно, сам ли Гитлер выступил с подобной инициативой или его подтолкнули к этому решению. Однако, так или иначе, первые упоминания о 500-м батальоне можно встретить уже в сентябре 1940 года, когда готовился проект упомянутого приказа Гитлера. Этот проект был передан вместе с восьмистраничной пояснительной запиской в Имперское министерство юстиции Рудольфу Леману. Тот испытывал глубочайшие симпатии к национал-социалистам, так как новый режим возродил некогда умиравшую военную юстицию. На первом общегерманском съезде юристов, который проходил в мае 1939 года, Леман не только выразил верность фюреру, но и призвал каждого военного судью во всем помогать Генеральному штабу. Но вернемся к документам, попавшим на стол Лемана. Прежде чем мы подробно ознакомимся с комментариями, обратим внимание на сам приказ Гитлера. В его окончательно формулировке значилось: «Я неоднократно указывал на то, что на войне надо прибегать к самым суровым мерам, дабы сохранить дисциплину в части и в корне подавить любую попытку проявления трусости. Так и следует поступать в будущем. Однако мне хотелось бы дать честным солдатам Вермахта, которые в сложной ситуации однажды споткнулись, шанс для испытания, что невозможно и нецелесообразно делать в собственной части».

«Невозможно» подобное испытание было в частях, которые не принимали участия в боевых действиях; «нецелесообразно», так как быстрое появление провинившегося в расположении боевой части могло негативно сказаться на дисциплине. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагалось формирование особых «испытательных частей». О них в приказе говорилось: «Служба в такой части не менее почетна, чем обыкновенная военная служба. Данные формирования ни в коем случае не имеют штрафного характера».

С самого начала данная затея была попыткой вернуть на фронт солдат, которые, несмотря на совершенный проступок, с определенной долей вероятности рассматривались как надежные или хотя бы как пригодные для боевых действий воины. Примечательно, что в данном случае руководство рейха прибегало к определенной пропагандистской маскировке, не говоря открытым текстом, что можно было наблюдать в иных ситуациях. Вспомним хотя бы военного судью Фрица Ходеса, который в том же 1940 году говорил о полевых штрафных лагерях как о «концентрационных лагерях Вермахта».

В период с сентября 1940 года, когда был подготовлен проект приказа фюрера, до 21 декабря 1940 года, когда этот приказ увидел свет, велась активная подготовка по формированию 500-й «испытательной части». В это время на континенте царило относительное затишье. В любом случае конкретная дата использования нового формирования еще не была определена. Если мы исходим из того, что главной задачей 500-й части было «воспитание» и «испытание» солдата, который должен затем вернуться в ряды Вермахта (на что собственно указывают все признаки), то сам факт существования особого формирования вряд ли мог содействовать укреплению дисциплины. Для новой практики требовались действительно опасные ситуации, которые могли складываться лишь в зоне активных боевых действий. 500-я часть не предназначалась просто для отбывания наказания. Подобные мысли достаточно четко прослеживаются в докладе военного судьи Майера-Бранеке, который датирован 12 ноября 1941 года. «Отбывание наказания через испытание не преследует

интересов провинившегося. Оно направлено на исправление положения на фронтах и на укрепление дисциплины».

Этим словам вторит документ, вышедший 18 сентября 1940 года из недр правого управления Вермахта: «Задания для нее[10] должны быть исключительными». Поражает та жесткость, с которой Леман говорит о 500-й части. Эти выражения мало напоминают текст приказа Гитлера. Переход может показаться слишком резким: «Применение части должно проходить в самых трудных и самых опасных условиях». И, наконец, в окончательной формулировке комментариев к проекту приказа сообщалось следующее: «Часть может формироваться только при возобновлении боевых действий. Она должна посылаться на самые опасные участки фронта — именно в этом ее основная функция. До тех пор она должна использоваться для самых тяжелых работ».

Не надо быть аналитиком, чтобы понять, что под «возобновлением боевых действий» подразумевалось нападение на Советский Союз, непосредственная подготовка к чему началась уже летом 1940 года. Все подготовительные мероприятия политического, экономического и военного характера были включены в план «Барбаросса», который был подписан Гитлером 18 декабря 1940 года — то есть за три дня до выхода приказа о 500-й части. Только в этой связке можно увидеть истинное предназначение «испытательной части 500». Несмотря на господствующие в Генеральном штабе иллюзии относительно боевой мощи Красной Армии, там все-таки давали себе отчет в том, что новая Восточная кампания потребует от армии большей дисциплины, нежели это было при завоевании Европы. А потому формирование «испытательной части 500», с одной стороны, было неким обширным профилактическим мероприятием, предназначенным для «сохранения самообладания в Вермахте» (то есть возникал инструмент устрашения), но с другой стороны, появлялась возможность оставить на фронте солдат, которые были осуждены из-за отсутствия того же самого «самообладания». Мы видим, что возникновение 500-й части было спланировано специально для начала агрессии против СССР.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данной ситуации именно поставленная цель определяла характер «испытательной части 500». Внешне она напоминала уже ранее существовавшие «особые подразделения». Однако их целевые установки никак не подходили к 500-й части. В «особых подразделениях» находились преимущественно такие солдаты, которые оценивались как «неполноценные, небоеспособные, безвольные». В новом формировании мы видим иную ситуацию.

Специально подобранные офицеры и унтер-офицеры должны были превратить ее в успешную боевую единицу. Если же посмотреть на состав «500-й части», то увидим, что сюда направлялись активные солдаты, которые с оружием в руках хотели проявить мужество, дабы доказать, что «они достойны почетной службы по защите немецкого народа в рядах Вермахта». При прочтении этих строк возникает ощущение, что отбор шел едва ли не в особого рода элитные подразделения. После констатации факта, что в новое формирование ни в коей мере не должны попадать «преступники в обычном понимании этого слова», начальник правого управления Вермахта выразил следующую идею относительно набора «испытуемых солдат»: «Для направления в новую часть принимаются в расчет арестанты, которые совершили провинность. Здесь не учитываются заключенные из штрафных лагерей. В штрафные лагеря должны направляться только неисправимые нарушители и носители враждебного для армии духа. Однако в тех же самых лагерях комендант, опираясь на личный опыт, может разыскать людей, которые все-таки могли бы быть достойны испытания фронтом. В то же время для солдат, которые во время войны были приговорены к тюремному заключению, возможность испытания не должна предоставляться. Но и в тюрьмах в настоящее время пребывает достаточное количество людей, которые были наказаны гораздо суровее, чем требовала бы того их провинность в обыкновенных мирных условиях. Некоторые из безупречных солдат, которые могут оказаться полезными для войны с врагом, с профилактическими целями были

приговорены к тюремному заключению. Этим людям, которые однажды не устояли перед искушениями войны, должен быть предоставлен шанс искупить свою вину, как бы сложно это ни оказалось».

Как видим, основной контингент для 500-й части должен был подбираться из тюрем Вермахта, что не исключало поисков в штрафных лагерях. Подобная точка зрения не была бесспорной. Она вызвала определенное недовольство в Верховном командовании сухопутных сил. После войны один из очевидцев сообщал: «Главнокомандующий сухопутными войсками был намерен отказаться от идеи создания особых испытательных формирований, что изложил в своем докладе командованию Вермахта. Но он потерпел неудачу. Ему удалось лишь добиться того, что самой крупной новой испытательной единицей в будущем станет батальон, в то время как командование Вермахта разрабатывало идею испытательных полков».

Какие причины побудили главнокомандующего сухопутных войск к негативному заключению, до сих пор неизвестно. Возможно, генерал-фельдмаршал Браухич исходил из того, что такое особое формирование могло быть представлено вражеской пропагандой как «банда преступников», что само собой могло подорвать доверие к Вермахту. Действительно, подобная угроза была прямо пропорциональна размерам «особого формирования». Поэтому в дальнейшем было решено: если отобранные «испытуемые солдаты» вопреки всем ожиданиям окажутся весьма ненадежными, то крупный участок фронта, удерживаемый «испытательный полком», окажется в серьезной опасности. По этой причине «испытательные части» должны были входить в состав регулярных войск, а их размер не должен выходить за размер батальона. По этой причине в приказе Гитлера говорилось: «Эту особую часть поначалу в сухопутных войсках надо установить в размере батальона». В то же время глава правового управления Вермахта исходил из того, что надо планировать наличие двух «испытательных батальонов на один полк».

ЧАСТЬ 2

Формирование 500-х батальонов

Глава 1

организационное развитие и структура батальонов

После того как Гитлер передал в Верховное командование сухопутных сил проект создания «испытательных частей», которые в перспективе должны были создаваться во всех трех частях Вермахта, Браухич 12 марта 1941 года отдал приказ: «В срок к 1 апреля 1941 года командованию военного округа IX создать в Майнингене 500-й батальон с учетом расписания боевой численности и боевого снаряжения от 1 октября 1937 года и согласно расписанию стрелковой роты 13lb от 1 декабря 1939 года». Именно в этом документе впервые упоминается 500-й батальон. Указанные расписания боевой численности и боевого снаряжения как раз соответствовали одному обыкновенному пехотному батальону. Первоначально предполагалось, что 500-й батальон будет состоять из штаба и трех стрелковых рот. Но в итоге было решено, что батальон будет состоять из четырех рот, причем четвертая рота будет «тяжелой», то есть она будет вооружена пулеметами. Согласно другому приказу уставной персонал в срок до 1 июня 1941 года должен был привести в боевую готовность первые из созданных 500-х батальонов.

Уставной персонал 500-го батальона состоял преимущественно из солдат и офицеров, уже участвовавших в боевых действиях. В частности, в приказе Браухича сообщалось: «Перед частями сухопутных сил ставится задача выделить для штаба батальона 5 офицеров, 15 унтер-офицеров, 51 солдата; для трех стрелковых рот — 12 офицеров, 84 унтер-офицера, 15 солдат, из них 3 велосипедиста, 3 водителя, 3 боевых помощника на большинство случаев, 6 поваров. Военному округу IX надо предоставить 3 коноводов и 13 солдат для продовольственного снабжения и вещевого обоза».

Одновременно с 500-м пехотным батальоном, предназначенным для особого использования, в казармах Майнингена возникла «смешанная пехотно-резервная рота 500», которая была сформирована из «остатков», так и не вошедших в особый батальон. О ней рассказал Отто М., один из унтер-офицеров четвертой (пулеметной) роты 256-го батальона, который базировался в Нойштадте. В начале июня 1941 года он был направлен в Майнинген для того, чтобы войти в состав уставного персонала создававшегося 500-го батальона. Он вспоминал: «500-й батальон был почти подготовлен к отправке на Восток, все штатные единицы были распределены, а все те, кто еще не прибыл, направлялись в смешанную пехотно-резервную роту под командование капитана запаса Хюнербайна. Эта рота оставалась в Майнингене вплоть до 28 сентября 1941 года, а затем была переведена в Фульду. Там на ее основе был сформирован еще один 500-й пехотный батальон. Хюнербайн получил тотчас чин майора». Остается отметить, что работы по созданию 500-го батальона в Фульде начались уже в августе 1941 года. 500-й батальон размещался в Фульде до конце сентября 1942 года. Поначалу он подчинялся суду 159-й дивизии, а затем соседней 409-й пехотной дивизии. Головной офис этих дивизионных судов располагался во Франкфурте-на-Майне.

Забегая вперед, надо сказать, что 500-й батальон в Фульде стал не только образцом для создания всех остальных 500-х батальонов, но и был некоей подготовительной работой по формированию пехотных батальонов 540,550,560,561. Если говорить об «испытательных частях», то их ядро формировали батальоны, которые имели пятисотые номера: 500,540, 550,560 и 561.

Организация первых двух рот 540-го пехотного батальона специального назначения началась 8 октября 1941 года. Обе эти роты вступили в боевые действия в составе группы армий «Север» в ноябре 1941 года, то есть задолго до того, как были сформированы штаб и две недостающие роты (которые, кстати, были укомплектованы только к февралю 1942 года).

Согласно сведениям Георга Тесина начало создания 550-го пехотного батальона специального назначения приходилось на конец 1941 года. Хайнц Хелмс, направленный в эту часть счетоводом, сообщал, что поначалу она базировалась в Майнингене. «В январе 1942 года нас перебросили в Дальерда-Рён, на войсковой полигон в Вильдфлекене. Дальерда была небольшой деревушкой. А 8 марта 1942 года наш батальон по железной дороге повезли в восточном направлении». После того как 500-й батальон вел боевые действия в составе группы армий «Юг», а 540-й батальон — группы армии «Север», то 550-й батальон оказался в составе группы армий «Центр». Как видим, каждая из трех групп армий, которые вели действия против Красной Армии, располагала собственным «испытательным батальоном». 560-й пехотный батальон специального назначения стал формироваться 8 августа 1942 года в Ханау, откуда месяц спустя был переведен на уже упоминавшийся выше полигон в Вильдфлекене. Туда, где ранее располагался 540-й батальон.

Формирование 561-го батальона проходило в Эрфурте. Известна даже официальная дата его создания — 13 января 1943 года. 20 февраля 1943 года пополнение рядов 561-го батальона проходило уже на полигоне Ордруф. Новое формирование в апреле 1943 года должно было пополнить ряды группы армий «Север».

24 января 1943 года Верховное командование сухопутных войск издало приказ об усилении всех «испытательных частей» одним взводом гренадеров, одним противотанковым взводом («истребители танков») и тремя противотанковыми 37-миллиметровыми пушками. Впрочем, дело не ограничивалось передачей 500-м батальонам орудий. Вдобавок ко всему уставной персонал каждого из батальонов увеличивался с 850 до 900 человек. В середине 1943 года дело дошло до того, что возникла регулярная штабная рота, которая состояла из взвода командира батальона, взвода командира штабной роты, разведывательного отделения, саперного взвода, стрелкового взвода, противотанкового взвода, продовольственного обоза. С учетом данных изменений штатный состав 500-х батальонов стал составлять 992 человека. В августе 1944 года некоторые из батальонов были укомплектованы тяжелыми минометами.

Как вспоминал Хорст Войт, командир одной из рот 561-го батальона: «Батальон делился на штабную роту (без номера), три стрелковые роты каждая из трех стрелковых взводов, пулеметную роту из трех пулеметных взводов, минометный взвод, который позже был укомплектован тяжелым минометом (120 мм)». Каждый из батальонов был частично моторизован, а также имел в своем распоряжении лошадей (в конце войны все батальоны были полностью моторизированы). Изменения в составе батальонов были предопределены положением на фронтах. Тяжелые 120-миллиметровые минометы, которые передвигались гусеничными тягачами, как правило, тракторами «Восток», были приданы 500-м батальонам зимой 1943–1944 годов. Минометчики входили в состав 4-й роты. Остается добавить, что в декабре 1944 года в батальонах стали появляться пятые и шестые роты. В итоге, как показывают документы, пополнение значительно превосходило понесенные потери. Но тем не менее на фоне общей обстановки в Вермахте подобные меры были исключением.

Но вернемся к судьбе самих батальонов. В конце 1942 года 500-й батальон из Фульды был направлен в «генерал-губернаторство» в польское местечко Скерневице, дабы оттуда устремиться на Восточный фронт. В Скерневице 500-й батальон перешел в компетенцию суда комендатуры 225. Когда стало ясно, что казармы в польском городе оказались не в состоянии вместить весь батальон, то в окрестностях города Томашув-Мазу-вецки (немецкое название Томашов-Мац) был построен барачный лагерь. Интересный факт. В то же самое время в Скерневице началось формирование еще одного 500-го батальона, который состоял из штаба и пяти учебных рот. Именно в этот момент 500-й пехотный батальон особого назначения перебрался в Томашув. Именно в Скерневице произошли некоторые изменения в «испытательной части 500». Это связано с тем, что именно в то время формировалась «испытательная часть 999».

Посреди Швабских Альп, представляющих собой горный ландшафт, располагался полигон Хойберг. В Хойберге находилось множество казарм и бараков, способных вместить в себя до 9000 человек. Полигон Хойберг не одно десятилетие продолжал воинские традиции. В 1913 году он наряду с полигонами в Дёберитце, Альтенграбове, Кёнигсбрюке считался одним из оплотов рейхсвера, где царила строжайшая дисциплина. После поражения Германии в Первой мировой войне полигон использовался для общественно-полезных целей. Все изменилось, когда к власти пришли национал-социалисты. В апреле 1933 года там был создан концентрационный лагерь. Это был первый концентрационный лагерь в Вюртемберге, за которым последовало возникновение других. В те времена лагерь Хойберг фактически был отрезан от внешнего мира. В его окрестностях не было ни хуторов, ни деревень. Это была прямо-таки идеальная территория для набиравших силу СС, которые могли использовать Хойберг по своему усмотрению. Никто из посторонних не смог бы увидеть истязаний и издевательств над арестантами. Поначалу лагерь Хойберг рассчитывался на две тысячи заключенных. Однако со временем здесь оказалось 15 тысяч антифашистов. Перелом в судьбе лагеря случился в ноябре 1933 года, когда рейхсвер потребовал вернуть принадлежавшие ему когда-то земли и строения. В период 1942–1943 годов полигон стал учебной базой для служащих 999-х батальонов. Именно там выяснилось, что ряд рекрутов просто-напросто не могут нести службу в будущей «африканской бригаде».

Тогда один из командиров полка, позже ставшего африканской 999-й дивизией, заявил: «Я лучше пойду на фронт с неполностью укомплектованной частью, нежели с людьми, которым не доверяю». Отобранные военными судами и врачами 999-е после консультаций с Верховным командованием сухопутных сил были незамедлительно направлены в состав 500-го батальона. Уже в октябре 1942 года несколько сотен 999-х сначала постепенно прибывали в Фульду, а затем в Скерневице. В 500-м батальоне появление «нового человеческого материала» отнюдь не вызвало энтузиазма. Альберт Майнц, политический заключенный, который попал в число 999-х в декабре 1942 года, после войны вспоминал о том, как прибыл в Фульду в составе группы из 200 человек: «Мне постоянно вспоминаются казарменные шутки майора

Хюнербайна, которого вояки называли не иначе как «мешок с костями». По прибытии в Фульду он лично построил нас во дворе казарм 500-го батальона. Осмотрев нас, он произнес: «Удивительно, что кому-то пришло в голову прислать 999-х, которые отморозили себе задницу в Штеттине. Вы полагаете, что из таких людей, которые даже с гигиенической точки зрения ниже всякого уровня, да вдобавок заражены коммунистическими бациллами, можно сделать отличных бойцов для Восточного фронта? Нет, из этого ничего не получится! Во всяком случае, не в моей части!» Затем Хюнербайн повернулся и пошагал вон. «Да будет так!» — подумали мы. Жаль, что мы не могли поаплодировать ему. Но тут майор будто бы прочитал наши мысли, он повернулся, поднял свою трость и закричал: «Через четыре недели вас выкинут отсюда, не будь я майор Хюнербайн!»

Слова майора об «отличных бойцах» еще раз наводят на мысль, что обозначение 500-х батальонов как частей «особого назначения», диктовалось не только их испытательным характером, но и «ударным» предназначением. Майор Хюнербайн, как и обещал, предпринял все меры, чтобы за любым предлогом избавиться от 999-х. Некоторое время спустя про то, что эти 999-е не могут служить в «тропических частях», забыли, и их всех направили обратно в Хойберг. Но тем не менее при активном обсуждении судьбы 999-х выяснилось, что часть из них могут быть годны к нестроевой службе. По этому поводу начальник штаба Хойберга жаловался в своем письме от 19 апреля 1943 года командиру африканской 999-й дивизии: «В настоящий момент очень сложно провести пополнение рекрутов, так как из 500-го батальона возвращено 165 человек, которые медицинской комиссией признаны якобы годными к несению строевой службы. Поскольку эти 165 человек в действительности оказались негодными к службе в полевых условиях, то я сейчас упорно пытаюсь куда-нибудь их спихнуть».

Однако именно в это время данный вопрос решался на самом высшем уровне. 2 апреля 1943 года вышел приказ, который предписывал создать в 500-м батальоне строительную роту. «1. 5-я рота 17-го батальона переводится в состав 500-го пехотного батальона в Скерневице. 2. Рота является испытательным формированием. 3. Служащие роты будут поставляться из числа солдат 500-го пехотного батальона, пригодных нести гарнизонную службу». Именно в эту роту направляли большинство 999-х, мозоливших глаза кадровым военным. Телефонограмма майора Шифера, который курировал вопросы «испытания» в Верховном командовании сухопутных войск, дала более четкие указания относительно использования рекрутов из Хойберга: «В строительную роту надо направить всех упоминавшихся людей, годных к строевой службе. Врачам же впредь надо вменить в обязанность придерживаться более строгих критериев при отборе рекрутов. Всех обсуждаемых людей, которые оказались годными лишь к нестроевой службе, надлежит возвратить в места, откуда они были призваны на военную службу, то есть в места отбытия наказания, если они не отбыли оное, или вернуть к гражданской службе, если или они были осуждены в прошлом».

Из воспоминаний политического заключенного Г. Шумана, который сначала стал 999-м, а в декабре 1942 года попал в Фульду, а затем и в Скерневице, следовало, что первым заданием строительной роты было восстановление «старого русского полевого лагеря, чьи шесть строений были возведены еще в царские времена». Возможно, речь шла именно о лагере в окрестностях Томашова, который несколько позже стал местом обитания 500-го батальона особого назначения.

В начале мая 1943 года 5-я строительная рота вместе с 17-м строительным батальоном привлекалась для работ по укреплению цитадели на французском острове Груа. Несмотря на территориальный разрыв, 5-я рота в организационном плане продолжала считаться составной частью 500-го испытательного батальона. И лишь в августе 1943 года ее ввели в состав 999-й испытательной части. Из строительной роты возник 999-й строительный батальон особого назначения, а после некоторых перестановок он был разбит на два позиционно-сапер-ных батальона (1-999 и 11-999). Отныне все провинившиеся солдаты, которые по физическим данным не могли использоваться на фронте, а стало быть, не могли служить в 500-х

батальонах, направлялись в одну из восьми рот этих 999-х строительных батальонов. Причем проводилось принципиальное различие между «недостойными несения службы» и провинившимися солдатами. Из документов следует, что первые две роты предназначались для солдат, а остальные шесть для «недостойных». Благодаря организационному размежеванию со строительными ротами, 500-й испытательный батальон смог сохранить характер сугубо боевого формирования. Вопреки некоторым утверждениям к таковой категории не принадлежали ни 540-й, ни 561-й дорожно-строительные батальоны.

Основной задачей 500-го батальона особого назначения и 500-го учебно-полевого батальона, которые базировались соответственно в Томашове и Скерневице, являлась подготовка солдат к действиям на фронте. Уже существовавшие батальоны (500, 540, 550, 560, 561) рассматривались в качестве полевого резерва, так называемых походных рот, при помощи которых можно было быстро восполнить потери на том или ином участке фронта. До сентября 1944 года перед батальонами фактически не ставилось никаких новых задач, за исключением двух особых случаев. В августе 1943 года в Скерневице была создана специальная рота 500-го батальона, в задачи которой входила «борьба с бандитами». В данной ситуации подразумевались польские партизаны, проявлявшие повышенную активность в данном районе. Как следовало из документов, у этой роты даже был специальный полевой почтовый индекс 09854, что было присуще только крупным самостоятельным воинским формированиям. С определенной долей уверенности можно говорить, что данная рота просуществовала до середины 1944 года.

По воспоминаниям Хорста Войта, данное формирование в конце 1944 года участвовало в подавлении Словацкого национального восстания, а затем в борьбе против словацких партизан. «Рота из состава 500-го испытательного батальона принимала участие в акциях зачистки, а также в Верхних Татрах сражалась против бандитов, которые прибывали с территории Польши». Так как по данному вопросу не сохранилось документов, то не исключено, что произошла путаница. Роту из Польши могли перепутать с другим 500-м батальоном особого назначения, который в конце 1944 года располагался в Восточной Словакии.

Вторым особым случаем стало направление двух рот 500-го батальона из Скерневице в Тарнополь, где из различных армейских частей и формирований создавался «Бастион Тарнополь». Во время весеннего наступления 1944 года Красная Армия внезапно поставила под угрозу работу транспортного узла в Тарнополе. Гитлер изъявил волю создать сеть «бастионов», которые бы сражались до последнего человека. Даже после падения укрепленного района солдаты Вермахта должны были по возможности максимально долго сковывать силы Красной Армии, выигрывая тем самым время для создания нового оборонительного рубежа и подготовки мощного контрнаступления. Второпях сформированный для защиты Тарнополя 500-й батальон был более известен под названием «боевая группа Фишера». Судьба этих «испытуемых солдат» оказалась незавидной — они все погибли, а 14 апреля 1944 года «крепость» пала.

По мере приближения фронта резервные формирования и учебные 500-е батальоны стали собираться в нескольких местах. В сентябре 1944 года они базировались в Брюнне (казарма им. Адольфа Гитлера, здание бывшей Епископальной юношеской семинарии и лагерь в Осиновом переулке), в Ольмютце (казармы им. Гиндебурга и Рихтхофена). Теперь «испытательные части» были расширены до размеров 500-го резервного пехотного полка, чей первый батальон располагался в Брюнне, а второй — в Ольмютце. Говорят, что из раненых сформировали специальную роту выздоравливающих, где все солдаты были поделены по алфавиту. Список до буквы «М» приписывался к Брюнну, а все остальные к Ольмютцу. Из документов следует, что в 1945 году существовало две независимых друг от друга роты выздоравливающих.

Одновременно с переселением из Скерневице—Томашова в Брюнн—Ольмютц проходило установление контактов с 291-м и 292-м гренадерскими батальонами, которые в сентябре 1944 года были сформированы в Карлсруэ. Абсолютно непонятно, почему эти батальоны стали «испытательными». Но многочисленные воспоминания очевидцев говорят о том, что некоторые из служащих 500-го батальона загодя посылались из Томашова в Карлсруэ, дабы своевременно начать там формирование 291-го и 292-го гренадерских испытательных батальонов. Впрочем, это никак не объясняет, почему в этих батальонах была использована нетрадиционная для «испытательных частей» нумерация, равно как и почему они назывались гренадерскими, а не пехотными батальонами. Возможно, это делалось для того, чтобы скрыть от противника «особый характер» данного формирования. Если говорить о принципиальных различиях, то традиционные 500-е батальоны для прохождения «испытания» были распределены между группами армий на Восточном фронте, а упомянутые гренадерские батальоны должны были сражаться на Западном фронте в составе 19-й армии. Возможно, это объясняется возросшим влиянием Генриха Гиммлера. 20 июля 1944 года, после провалившегося заговора и покушения на Гитлера, Гиммлер был назначен командующим армией резерва. 1 сентября 1944 года он получил задание провести мероприятия по повышению боеготовности в западных военных округах, в частности, в военных округах VI, XII и V. Впрочем, командующим группой армий «Верхний Рейн», к которой принадлежали оба гренадерских батальона, Гиммлер стал лишь в декабре 1944 года, в то время как батальоны были созданы в октябре 1944 года.

Появление 291-го и 292-го гренадерских батальонов открыло целую серию нововведений в полевых «испытательных формированиях». Основная причина этого крылась в разнообразных мероприятиях, которые Генрих Гиммлер в роли нового главнокомандующего проводил в армии резерва. По большей части это касалось практики исполнения наказаний в Вермахте и самой сути «испытания». Начало было положено приказом Верховного командования сухопутных войск от 30 ноября 1944 года. Согласно этому документу в группе армий «Север», которая уже была блокирована в Курляндии, из арестантов был создан 491-й пехотный батальон особого назначения, что должно было стать (и стало) заменой 500-го пехотного полка из Брюнна. Следовательно, 491-й батальон был копией 500-й «испытательной части». Формальным поводом для создания 491-го батальона как разновидности 500-х частей стала невозможность транспортировки «испытуемых солдат» из Германии. Отныне «испытательные части» можно было формировать прямо на фронте, по сути, минуя военную юрисдикцию.

Тем временем зимой 1944–1945 годов в Брюнне было сформировано еще четыре 500-х батальона, которые должны были начать военные действия в Верхней Силезии. Хорст X., один из офицеров, арестованный, а затем приговоренный к трем годам тюрьмы за подрыв боеспособности армии, в 1948 году вспоминал: «Я должен здесь отметить, что наш батальон не был изначальным 500-м «испытательным батальоном», а лишь одним из резервных батальонов, наспех собранных в конце 1944 — начале 1945 годов в Брюнне. Было сформировано приблизительно пять «фронтовых» батальонов, которые все еще имели старое наименование BB-500 (Bewdhrungsbataillon-500 — испытательный батальон-500), к которому в качестве особой характеристики добавлялось имя его командира. Мой батальон назывался Фишер II. Я еще помню, был батальон Каупе. Остальные названия позабылись». Из документов следует, что четыре батальона были объединены в 500-й гренадерский полк. При этом каждый из батальонов имел следующие наименования: Шмидтманн I, Фишер II (он же «Боевая группа Фишера»), Бергер III, Каупе IV. Упомянутый Хорстом X. пятый батальон нигде в документах не значится. Что не исключает, что он все-таки существовал, но в хаосе конца войны бумаги просто-напросто не были оформлены. Не исключено, что этот пятый батальон был тем самым подразделением, о котором упоминал Хорст Войт. Он был создан в апреле 1945 года — командовать им должен был майор Ойлинг. Это был 500-й усиленный противотанковый

батальон. Кроме этого, в апреле 1945 года в Ольмютце было создано еще два «тревожных батальона», один из которых возглавил капитан Цике, в прошлом командир одного из 500-х батальонов, сформированных в Томашове.

Как видим, начиная с сентября 1944 года, на фронт было направлено как минимум девять (скорее всего, десять) батальонов. В хаосе окончания войны сложно разобраться и установить состав и имеющееся вооружение не только у 291-го и 292-го, но и у «классических» 500-х батальонов. Остается неясным характер некоторых формирований, например, 570-го гренадерского батальона. Согласно некоторым сведениям 21 февраля 1945 года командование 17-й армии сформировало «испытательный батальон Глац» (назван по месту, где располагалась одна из тюрем Вермахта). Однако в источниках ничего не говорится об этой боевой единице. Надо отметить, что в некоторых армиях в «кризисных ситуациях» самостоятельно создавали «испытательные формирования» из арестантов и провинившихся солдат. Скорее всего, подобные единицы не имели никакого организационного отношения к 500-м батальонам.

И несколько слов о численности 500-х батальонов. В своей книге «Военная юстиция в немецком Вермахте» Франц Зайдлер сообщал, что в «испытательных батальонах служило приблизительно 82 тысячи человек». К сожалению, точные цифры в источниках найти не представляется возможным. Хорст Войт в 1982 году писал: «Один капитан предусмотрительно эвакуировал в Баварию 82 тысячи карточек служащих 500-х батальонов. С тех пор они считаются пропавшими. Но эта цифра дает основание для определения размера прохождения службы во время четырех военных лет». Если Войт осторожно говорит об основании, то Зайдлер уверенно принимает эту цифру как данность. Однако даже если эти карточки существовали, то остается открытым вопрос: касались ли они только «испытуемых солдат» или же в их число был включен «штатный персонал». Последний насчитывал в 500-х батальонах около 16 тысяч человек. Тогда получается, что собственно службу несли только 66 тысяч «испытуемых». Генс-Петер Клауш в своих работах на основании косвенных источников выводит совершенно иную цифру. Он говорит о 33 тысячах служащих 500-х батальонов, 6 тысяч из которых составлял штатный персонал. Дабы объяснить, откуда взялась цифра 82 тысячи человек, он пытается доказать, что это якобы общая численность всех «испытательных частей», включая 999-е батальоны.

Глава 2

Положение «испытуемых солдат»

Как говорилось выше, согласно воле Гитлера 500-е «испытательные части» «не носили штрафного характера», а служба в них была столь же почетна, как и всякая остальная воинская служба. В литературе сложилось мнение, что ни первое, ни второе заявления не соответствовали действительности. Так ли это? Подтвердить или опровергнуть это, можно лишь изучая положение «испытуемых солдат».

Хотя большинство солдат из 500-х батальонов уже имели определенные военные навыки, тем не менее им надлежало повторно пройти войсковую подготовку. Проблема заключалась в том, что подготовку должны были пройти служащие не только различных родов войск, но и самых различных армейских специализаций (артиллеристы, саперы, санитары и т. д.) Согласно приказу от 12 марта 1941 года курс был ориентирован на инструкции подготовки стрелковых рот. Срок подготовки должен был длиться не более трех месяцев, в отдельных случаях он мог быть более коротким.

То, что касается практики, то один из «уставных служащих» Иоганн Фрике, который прибыл в 1941 году в Фульду, отмечал: «Невероятно, насколько они были вымуштрованы». Хайнц Хелмс, также входивший в «уставной персонал», вспоминал о подготовке 550-го батальона весной 1942 года: «Формирование нагружалось настолько, сколько требовало его применение на Востоке». Похожим образом характеризуют обстановку бывшие «испытуемые

солдаты». Карл-Хайнц Шульц, в начале 1944 года оказавшийся в Скерневице, вспоминал: «Там мы занимались не только строевой подготовкой, но и тактическими занятиями на местности». Иоахим Т. резюмировал: «Муштра была жесткой, но это было предусмотрительным». Подготовка была тяжелой, но большинство «испытуемых» считало это разумным, так как речь шла о предстоящих действиях на Восточном фронте. К тому же в 500-х батальонах не было нацистских «изысков», как например, в форте Торгау, когда все команды, включая принятие пищи, надо было выполнять едва ли не бегом.

Показательной является ретроспективная оценка, которую дает Альберт Майнц в статье «Время 500-х». Автор принадлежал к числу тех 999-х, которые зимой 1942–1943 года были направлены в 500-й батальон. «Ежедневная служба не была легкой. Молодые инструкторы, как на подбор полностью выпускники Наполы,[11] не давали нам спуску, но не делали никаких поблажек и для себя — они, как и мы, также плюхались в лужи. Хотя никто из них не курил, для нас время от времени они устраивали перекуры». Как видим, «уставной персонал» противопоставлял себя «испытуемым», но в то же время пытался сохранить товарищеские отношения. Для этого могли существовать различные причины. Важную роль играла простая мысль о том, что рано или поздно большинству «испытуемых» пришлось бы оказаться на фронте. То же самое угрожало и многим инструкторам. Генрих Шеель, в середине 1944 года прибывший в один из батальонов, замечал, что в этой связи часто цитировался Ремарк, а особое внимание уделялось нарисованной им фигуре фельдфебеля Химмельштоса. Но другую позицию излагал Вильгельм Викциок: «Люди, которые остались позади тебя, тоже могут быть смертельно опасны». В практике случались и подобные случаи. Один из фельдфебелей был застрелен в спину, а затем закопан.

По-военному корректное отношение «уставного персонала» к «испытуемым» было продиктовано не только перестраховкой. Оно определялось еще множеством личностных факторов, в том числе опытом Первой мировой войны и ноябрьской революции. При подготовке многие офицеры Вермахта справедливо полагали, что в условиях современной, механизированной массовой войны нужно было сокращать слишком огромную дистанцию между офицерами, унтер-офицерами и солдатами. Речь шла об устранении «снижавшего военную эффективность разлома». В зависимости от социального происхождения и личных установок конкретного офицера подобные устремления имели скорее или патриархально-консервативный характер, или же были выражением веры в нацистскую формулу «народного сообщества».

Выше указывалось на то, что 500-е батальоны и во время подготовки, и во время пребывания на фронте не отличались от регулярных формирований Вермахта ни по униформе, ни по вооружению, ни по продовольственному снабжению. Не имелось также особых директив, которые, например, были изданы в октябре 1942 года при формировании 999-х батальонов. В них наряду с благозвучными посулами о возможном уравнении с обыкновенными военнослужащими 999-е сталкивались с существенными ограничениями: перлюстрация почты, комендантский час, требование «самой суровой службы». Очевидно, что в глазах Верховного командования Вермахта осужденные гражданским судом «недостойные несения службы» 999-е были на порядок ниже, нежели служащие 500-х батальонов, которые были осуждены военными судами. Ощутимое различие в обращении, которое практиковалось в 500-х батальонах и 999-х частях станет очевидным, если принять во внимание воспоминания Альберта Майнца, который служил в 561-м батальоне, проходившем подготовку в Эрфурте. В прошлом он был в 999-м, который проходил подготовку на полигоне Хойберг: «Наша казарма располагалась в Веймарском направлении, за городской окраиной, Это местечко называлось Наседка. Каждый день после окончания занятий нас отпускали в увольнительную в город. Если мы хотели, то могли покинуть лагерь даже после вечернего построения. Наше жилье не было окружено забором с колючей проволокой, к чему мы весьма привыкли. Мы даже сами несли охрану лагеря, в то время как в Хойберге нас в целях безопасности не допускали до караульной

службы. В Эрфурте мы имели право проверить любого офицера или фельдфебеля, входящего на территорию лагеря. Иными словами, нас здесь принимали за людей. Однако самой большой неожиданностью была приходившая почта. В свободное время после окончания занятий и работы мы пытались воспользоваться всеми возможностями, которые предоставлялись в Эрфурте, будь то осмотр достопримечательностей или какие-то развлечения».

В октябре 1942 года для 999-х частей были изданы «Особые предписания», которые фактически разделили всех 999-х на два класса. И это несмотря на то, что § 13 Военного кодекса не делал никаких различий между «недостойными», которые были осужденными военным или гражданским судом. Впервые эта практика была применена только в июле 1943 года, а окончательно прижилась лишь в 1944 году, когда Верховное командование Вермахта издало унифицированные «Особые предписания о правовом и служебном положении условно достойных несения службы в испытательных частях». На деле это означало, что около 20 % «условно достойных несения службы» могли быть направлены в 500-е батальоны. Но на практике оказалось, что даже в батальонах практиковалось различное отношение к «достойным» и «условно достойным несения службы». Как вспоминал Вильгельм Н., который был приговорен к двум годам тюрьмы за подрыв боеспособности, а в начале 1944 года попал в Томашов: «В тюрьме запрещалось наказывать служащего испытательного батальона, если он был награжден орденом или медалью». То же самое касалось увольнительных и отпусков, которые предоставлялись тем, кто имел небольшие тюремные сроки, а также не имел гражданской судимости. Сам же Вильгельм Н. за все время своего пребывания в батальоне не получил ни одного дня отпуска.

Заметим, что для большинства «испытуемых» отпуск и увольнительные имели гораздо большее значение, чем разрешение или запрет на ношение орденов и медалей. Уделим побольше внимания «отпускному вопросу», так как он позволит лучше понять внутреннее устройство 500-х батальонов. Как выяснилось, положение «испытуемых» и 999-х не было в одинаковой степени плохим. В батальонах пытались создать условия, напоминающие регулярные части Вермахта. Однако был один принципиальный момент, который отличал 500-е батальоны от других армейских частей. Он был санкционирован приказом от 12 марта 1943 года: «Отпуск может предоставляться солдатам, переведенным в испытательное формирование, в целом только перед проверкой фронтом». Формулировка «в целом» указывала на некоторую свободу действий, особенно если сравнивать ее с аналогичным приказом по 999-м частям: «Отпуск принципиально предоставляется только после продолжительного испытания на фронте». Во время фронтовой службы «испытуемые» никаких отпусков не получали. В отличие от солдат фронтовых частей, служащие 500-х батальонов имели достаточную свободу действий. Но 30 июля 1943 года ей был положен конец. Верховное командование сухопутных сил выпустило специальную директиву, в которой командирам 500-х батальонов запрещалось предоставлять отпуска.

Между тем высшее армейское руководство не рассматривало 500-е батальоны как обыкновенные части. Об этом свидетельствует одна из инструкций: «Состав и особые условия в испытательных частях выдвигают на передний план особо жесткие требования к соблюдению дисциплины. Это обусловлено тем, что в них находятся в прошлом осужденные люди, которые по складу своего характера являются небезопасными. Чтобы контролировать их, а впоследствии использовать на фронте, надо в корне пресекать любые правонарушения. Поэтому для устрашения надо выносить предельно жесткие приговоры». Подобная аргументация вела к значительному количеству казней, что и стало причиной редких случаев перевода «испытуемых» в штрафные или обратно в «болотные лагеря». Есть множество примеров подобной жесткости. Один из «испытуемых», осужденный на два года тюрьмы за самовольное оставление части, даже в 500-м батальоне продолжил совершать правонарушения. Он был обвинен в кражах и трусости. В заключении по его делу говорилось: «Перевод в испытательную роту является последним шансом, который дается солдату, дабы

он показал, что готов искупить прошлые правонарушения, что у него есть стержень внутри. Тот же, кто не воспользовался, и даже не попытался воспользоваться этим шансом, не может быть на переднем рубеже фронта. На правах командира второй роты 540-го батальона заявляю, что подсудимый своим поведением угрожал дисциплине в части. Это обстоятельство отягощается тем фактом, что подсудимый уже был ранее осужден. Можно предположить, что он направился в батальон не дабы пройти испытание фронтом, а избежать тюрьмы. По этой причине солдат, который совершает подобные преступления во время службы в испытательной части, может быть приговорен только к смерти». В итоге солдат вместо 11-летнего тюремного заключения был казнен».

В итоге при совершении «испытуемыми» любых более-менее тяжких проступков смертные приговоры выносились едва ли не автоматически. И лишь в единичных случаях самовольного оставления части (как правило, когда имелись какие-то смягчающие обстоятельства) солдаты приговаривались к длительным тюремным срокам. Происходило это в последний год войны, когда чувствовалась острая нехватка в «человеческом материале». Тогда смертную казнь заменяли 12-летним или 15-летним тюремным заключением, избежать которого можно было лишь при прохождении «особого испытания». Третий рейх как никогда нуждался в «пушечном мясе». Но даже когда смертная казнь была отложена или заменена, то это было исключением, всего лишь подтверждающим правило. Подобное правило сработало, например, во время суда над Эдуардом Р. из 561-го батальона. За «трусость в бою и дезертирство» он был приговорен к смерти. Его приговор заканчивался циничными словами: «Для устрашения и поднятия духа в остальных испытательных командах я считаю необходимым немедленно привести приговор в действие». Ганс-Петер Клауш в своих исследованиях насчитал 136 смертных приговоров, вынесенных «испытуемым» из состава 500-х батальонов. В большинстве случаев речь шла о дезертирстве, трусости в бою, подрыве боеспособности, членовредительстве («самостреле»). Первый подобный случай датируется 29 сентября 1941 года, а последний — 9 апреля 1945 года. Число 136, естественно, является неполным. Это лишь та часть, которую удалось установить исследователям несмотря на явный недостаток документов. Есть сведения об утрате в ходе войны более сотни вынесенных приговоров.

Если говорить о самих казнях, то за основу была взята практика 999-х частей. Еще в октябре 1942 года было решено, что в 999-й «испытательной части» в «устрашающих и воспитательных целях» приведение смертного приговора будет публичным. Провинившихся расстреливали перед общим построением. С декабря 1942 года по октябрь 1944 года этот мрачный «спектакль» в Хойберге и Баумхольдере происходил сорок раз. Всего же было казнено 65 из 999-х. Предположительно, та же самая практика применялась в первых двух случаях казней в 500-х батальонах. Вопреки высоким заявлениям, все это указывает на некий штрафной характер батальонов. Отто М. вспоминал после войны: «Летом 1941 года на стрельбище в Фульде было казнено, два солдата из четвертой роты. Имени первого я не знаю. Второго же звали Ганс Просс. Он был родом из окрестностей Штутгарта. Его отец был правительственным чиновником. Его же сын неоднократно пытался дезертировать». Возможно, в данном случае речь шла о расстрелах, которые были описаны Вильгельмом Викциоком. Как очевидец он сообщал: «Оба расстрела в Фульде происходили при полном построении части. Батальон едва поместился на стрельбище. Там был столб, специальная рота и священник. Одного подтащили к столбу. Второй подошел сам. Он делал вид, что не боялся. Он шел так, как будто совершал ежедневную прогулку». Однако впоследствии было решено отказаться от публичных расстрелов. О возможных причинах подобного решения сообщал Отто М.: «Доходили сведения, что население Фульды было возмущено тем, что расстрелы производились в окрестностях города, поэтому в будущем смертников направляли во Франкфурт».

Ганс-Петер Клауш в своем исследовании считает, что протесты населения Фульды были отнюдь не единственной причиной отказа от публичных казней. Скорее всего, было решено

отказаться от таких методов устрашения для сохранения самообладания «испытуемых». Подобные «спектакли» могли вызвать отвращение и отторжение не только у служащих батальона, но и у самого «уставного персонала». В итоге это было не в интересах командования батальона, а стало быть, не в интересах Вермахта.

Но все эти выводы касались только жизни в тылу, на фронте ситуация была несколько иной. Там отказ от построения во время казни был вызван другими причинами. Во-первых, на передовой было очень сложно построить целый батальон. Во-вторых, подобное построение просто-напросто обнажало определенный участок фронта. Впрочем, иногда делались исключения. Так было в случае с Фрицем П. Призванный в 121-ю пехотную дивизию, он подвергался многочисленным насмешкам, в результате чего решил произвести самострел. Вынесенный смертный приговор был заменен ему прохождением «особого испытания» в 540-м батальоне. К слову сказать, Фриц П. отставал в развитии от своих сверстников, был сиротой, имел тяжелое детство. По этой причине командир батальона направил его служить в прачечную. Однако по прошествии некоторого времени его было решено расстрелять. В документах значилось: «Вначале осужденный проявил стремление к прохождению испытания, постепенно он стал терять волю. В последние дни осужденный вынашивал план перехода на сторону врага. После раскрытия его замысла он показал на следствии, что плохое обращение с ним и недостаток еды были всего лишь поводом — на самом деле он хотел перейти к русским, так жаждал закончить войну, которой он боялся». Расстрел происходил в 10 утра 21 января 1943 года. Казнь осуществлялась в месте, где ее мог видеть весь батальон, не покинувший своего расположения. Учитывая тяжелые оборонительные бои, которые в те дни вел Вермахт, подобное мероприятие было очевидной мерой устрашения, которая должна была заставить «испытуемых» держаться до последнего.

Однако такое случалось далеко не всегда. Иногда «испытуемых» при дезертирстве убивали без суда и следствия, что весьма напоминало лагерную практику «застрелен при попытке к бегству». Так, например, 13 июня 1943 года один из «испытуемых» был убит полевым жандармом в окрестностях Сиверской. Подобные ситуации в регулярных частях Вермахта были просто невозможны. Как правило, в полевых условиях казни стали проводиться значительно проще. Служащий 550-го батальона Руди Хайерманн описал один из таких случаев: «Испытуемого солдата приговорили к смерти за подрыв боеспособности и трусость. При расстреле его не привязывали к дереву и даже не завязывали глаза. В расстрельную команду было выбрано десять человек. Пока не грянули выстрелы, он смотрел на своих приятелей». В 1944 году в этот процесс внес свой «вклад» новый главнокомандующий армией резерва Генрих Гиммлер. Он распорядился: «Для устрашения и по воспитательным соображениям в расстрельные команды надо посылать солдат, которые уже давали повод для нареканий». Подобная практика действовала удручающе. Один из солдат «уставного персонала» 550-го батальона Иоганн Фрике вспоминал, как ему пришлось участвовать в расстреле: «Однажды нам пришлось расстрелять одного из наших. Это был хороший солдат, он даже был награжден Железным крестом. Для нас награжденный Железным крестом кое-что значил. Как-то нам предстояла тяжелая наступательная операция, в которой должны были участвовать все. Но нервы у него сдали, и он первым попытался смыться. Когда операция закончилась, он вернулся в часть. Он не был трусом — подобное может случиться с любым человеком. Но нам сообщили, что на рассвете мы должны расстрелять его как труса».

В итоге можно с уверенностью говорить, что 500-е батальоны, вопреки заверению Гитлера, все-таки являлись штрафными частями. Несмотря на некоторые послабления, которые касались увольнительных, отпусков и отношений с «уставным персоналом», в батальонах царствовала жесткая дисциплина, нарушение которой каралось мерами, присущими только штрафным подразделениям. В итоге если для характеристики 999-х частей идеально подходит определение «штрафной батальон», то в отношении 500-х батальонов правильнее было бы говорить об «ударно-штрафном подразделении».

Глава 3
Боевое крещение 500-х батальонов

В ходе непосредственной подготовки нападения на Советский Союз 500-й пехотный батальон особого назначения уже 14 мая 1941 года был включен в состав 101-й пехотной дивизии, которая входила в состав только что сформированной 17-й армии. Вплоть до 8 июня 1941 года батальон базировался северо-западнее пограничной реки Сан в окрестностях Пшемысля. По сути, батальон входил в состав 101-й дивизии до лета 1943 года. 500-й батальон следовал с 17-й армией, которая должна была нанести удар по Львову (Лембергу), затем, следуя через Харьков, Краматорск, дойти вплоть до Кавказа. Запланировав наступательную операцию, силам Вермахта надо было захватить Майкоп, Грозный и Баку, отрезав Красную Армию от месторождений нефти. Сами разработки нефтеносного региона предполагалось отдать в руки полугосударственных концернов «Континенталь Эрдёль АГ», «Грозный ИГФарбен», «Дойче Эрдёль АГ», «Винтершалль», «Пройзаг», а также ряду крупных банков. Подобный прорыв, с одной стороны, обеспечивал горючим силы Вермахта, а с другой стороны, должен был заложить основы для новой нефтяной империи, которая явилась бы предпосылкой для установления мирового господства.

В первые два дня осуществления плана «Барбаросса» 500-й батальон находился в резерве. Вечером 24 июня 1941 года батальон занял украинское село Поздзяк, где наутро получил первый «настоящий» боевой приказ. Уже в первые дни ведения войны многим из «испытуемых» открылся ее преступный характер. Лоренц Кнауф, солдат «уставного персонала» батальона вспоминал: «21 июня мы были на позициях. Затем мы выступили на марш. А утром прибыл обер-ефрейтор, который доставил трех русских из числа гражданских лиц. Мы еще лежали в окопах. Он бросил: «Они прибыли с той стороны границы». Он поставил всех троих на бруствер окопа, а затем начал стрелять по очереди им в затылок из пистолета. Мы были очень озадачены… Во время нашей первой боевой операции на второй день войны из разных мест стали прибывать гражданские. Они хотели перебраться за линию фронта. Там стояла противотанковая пушка, за которой находился лейтенант. Он согнал всех собравшихся на открытое место, которое хорошо простреливалось, а затем открыл огонь. Все погибли. Я видел, как в воронке лежала мертвая женщина с маленьким ребенком, которые всего лишь хотели укрыться от войны».

Задание, которое 500-й батальон получил утром 25 июня, сводилось к тому, что надо было осуществить разведку боем в районе укреплений Медюки. В военных отчетах 101-й легкопехотной (позже егерской) дивизии запланированная операция называлась не иначе как налет: «500-й пехотный батальон особого назначения, неся сильные потери, занял высоту 228 несмотря на сильный артиллерийский огонь и фланкирующий огонь из бункера близ Медюки». Насколько большими оказались эти потери, можно установить из того, что на следующий день был отдан приказ из остатков 500-го батальона сформировать одну роту. Формирование в первом же бою потеряло по самым скромным подсчетам более половины своего состава. Здесь возникает вопрос: не являлся ли батальон «командой смертников» — «командой вознесения»? Если следовать сведениям, изложенным командиром дивизии, то вырисовывается следующая картина: когда батальон утром 25 июня с ожесточенными боями продвигался на восток, то генерал-лейтенант Маркс отдал командиру батальона устный приказ: свернуть наступление и прикрыть правый фланг. Тем не менее во второй половине того же дня сложилась странная ситуация. «500-й батальон вопреки моему приказу, — отчитывался генерал, — продолжал наступление и взял высоту 250, захватив при этом без поддержки артиллерии и саперов несколько вражеских бункеров». Получалось, что это был не приказ пойти на верную смерть, а всего лишь честолюбие командира, который положил половину батальона под огнем. В то время командиром батальона был майор Веленкамп. 19-летний командир отделения радиосвязи 101-й дивизии барон Майнрад фон Ов вспоминал об этом офицере: «По профессии он был учителем. Он носил золотой партийный значок. Поговаривали, что командиром

батальона его назначил сам фюрер. Я чувствовал, что ему приятны эти слухи, хотя ни разу не слышал от него ни одного нацистского изречения». Пожалуй, от трибунала майора Веленкампа, нарушившего приказ генерала, спас именно результат рискованной операции.

По мере продвижения 101-й дивизии на восток силы 500-го батальона продолжали распыляться, хотя таких высоких потерь, как под Медюкой все-таки больше не было. При изучении журнала боевых действий 101-й егерской дивизии складывается впечатление, что 500-й батальон в первые шесть месяцев ведения войны получал ровным счетом такие же задания, как и все остальные воинские подразделения. После того как в сентябре 1941 года из Фульды прибыло пополнение, «испытательная рота» вновь стала 500-м батальоном. В начале января 1942 года его численность была полностью восстановлена, и он участвовал в обороне городов Славянска и Краматорска. Примечательно, что в то время в составе 17-й армии находился батальон бельгийских добровольцев, так называемый валлонский пехотный батальон. В конце 1941 года бельгийская часть была почти полностью деморализована. В одном из сообщений говорилось, что «здесь настроения граничат с изменой». В 500-м батальоне не наблюдалось ничего подобного.

Бывший старший полевой судья Латтман, который лично участвовал в подготовке 500-го батальона, после войны писал: «Специально подобранные командиры батальона, рот и взводов во время боевых действий на Восточном фронте в августе 1941 года остались полностью довольны своими людьми».

Но как мы обнаружили, боевое крещение 500-й батальон прошел даже не в августе, а в июне 1941 года. Латтман тогда сообщал: «В армии пытались не направлять батальон на особо сложные задания, дабы не подрывать доверие к возможностям фронтового испытания». Подобное высказывание весьма контрастирует на фоне слов начальника Правового управления Лемана, которые были произнесены в сентябре 1940 года. Напомним, он требовал, чтобы «испытательным частям» поручались самые трудные поручения. В действительности Леман мог изменить свою точку зрения, принимая во внимание столь высокие потери, которые понес 500-й батальон во время первого боя. Однако именно тогда закрались первые подозрения относительно «возможностей фронтового испытания». Otto M., входивший в «уставной персонал» батальона, вспоминал о лете 1941 года (тогда он находился в Фульде): «С фронта стали прибывать первые раненые из состава 500-го батальона, так что у нас появилась реальная возможность узнать о его применении. Мы узнали, что батальон понес огромные потери под деревней Медюка. Раненых особенно угнетало то обстоятельство, что они более ничего не слышали о прошлых обещаниях. Мне лично был известен только единственный случай. Один бывший обер-лейтенант, разжалованный за трусость, получил свое звание обратно после того, как был ранен на фронте. Ему повезло с ранением, и на поправку он был отправлен в Фульду. Все остальные или гибли или после ранения вновь направлялись в фронтовой батальон для продолжения испытания».

Действительно, к декабрю 1941 года 500-й батальон уже как полгода участвовал в боевых действиях, но «испытание» так и не считалось пройденным. «Испытуемым» сообщалось лишь, что разрабатываются соответствующие документы. Принимая во внимание возможное возвращение в регулярную часть, надо было исходить из более чем пространной формулировки: «Если переведенный в испытательную часть солдат перед лицом врага доказал пригодность к службе, то по прошествии соответствующего времени он может быть переведен в его часть или другое воинское соединение».

Слухи о настроениях в 500-м батальоне, судя по всему, к сентябрю 1941 года дошли до Верховного командования. Именно этим можно объяснить требование предоставлять в Верховное командование Вермахта и сухопутных сил отчеты об использовании «испытательных частей». В тот момент появилась реальная возможность доказать, что военное использование 500-го батальона существовало не только на бумаге, но и способствовало

завоеванию СССР. Только принимая во внимание все изложенные выше факты, можно объяснить слова Эриха Латтмана.

В декабре 1941 года на свет появились более практичные инструкции по проблеме «испытания». Это следовало из первых «заявлений о помиловании» для служащих 540-го батальона. Самые первые из подобных документов датированы 26 декабря 1941 года. Прежде чем мы поближе ознакомимся с сутью «заявления о помиловании», надо хотя бы вкратце описать обстоятельства боевого применения 540-го батальона. В ноябре-декабре 1941 года Красная Армия вела ожесточенные бои в окрестностях Тихвина, отчаянно пытаясь предпринять успешное контрнаступление, дабы не допус тить окружения Ленинграда. В ходе этих сражений советской стороне удалось отвоевать Тихвин и отбросить немецкие войска за Волхов. При этом ситуация в 18-й армии Вермахта была настолько критичной, что в срочном порядке было решено ее усилить 540-м пехотным батальоном, формирование которого не было завершено и тот по сути состоял лишь из двух рот. При этом Верховное командование сухопутных сил было вынуждено поступиться важным принципом: посылать на фронт только полностью укомплектованные части, у которых был конкретный командир.

Обе «испытательные роты» (1-540 и 11-540) вступили в бой сразу же после прибытия на фронт — 21 января 1942 года. В ожесточенных боях в первые же дни роты потеряли половину личного состава. Верховное командование могло быть довольно прохождением «испытания» и открывающимися в связи с этим возможностями. По крайней мере, в документах говорилось, что «испытуемые солдаты вполне успешно искупали вину за свои проступки».

В связи с этими упорными боями в делах 18-й армии появились «заявления о помиловании» служащих второй роты 540-го батальона, которые входили в состав 122-й пехотной дивизии. Первые три случая касались бывших унтер-офицеров: убийцы, насильника и грабителя. Очевидно, что ход делу был дан лишь после появления 26 января 1942 года указа фюрера «О помиловании для прошедших испытание во время войны». В приложении к этому указу, вышедшем из недр Верховного командования сухопутных сил, говорилось, что для помилования надо было пройти некую «искупительную» цепочку. А именно, полное или частичное освобождение от наказания, преобразование в более мягкое наказание, назначение условного наказания с испытательным сроком, отмена решения о разжаловании, удаление записи из штрафного списка, восстановление в качестве кадрового военнослужащего, реабилитация и полное восстановление в правах. В качестве предпосылки для прохождения по подобной цепочке, согласно Указу Гитлера, должны были стать следующие обстоятельства:

1) наказанный должен был проявить исключительное мужество, отличаясь при этом примерным поведением;

2) он должен был безоговорочно соблюдать дисциплину на протяжении длительного времени.

Ганс-Петер Клауш отмечал в своей книге, что в ходе бесед бывшие «испытуемые» указали, что на практике не было никаких конкретных указаний по прохождению этого «искупительного пути». Хорст Войт вторит этим утверждениям, подчеркивая, что даже ротные, которым отводилось центральное место в оценке успешности «испытания», не представляли, что и как надо делать. Кто-то полагал, что для помилования достаточно отличиться в наступлении или во время разведки. В то же время в «памятке» 560-го батальона говорилось, что уничтожение танка должно было учитываться, однако необязательно вести к помилованию. В итоге ротные командиры решали вопрос прохождения «испытания» на свое усмотрение. «Заявление о помиловании», как правило, должно было посылаться наверх командиром роты. В некоторых случаях с подобной инициативой могли выступать сами «испытуемые» или их родственники. В этих редких эпизодах от командира роты требовалось соответствующее заключение и характеристика. Когда, к примеру, мать одного из «испытуемых» подала ходатайство о помиловании, командир роты дал отрицательный ответ и негативную характеристику. По его мнению, солдату недоставало дисциплины и воли к

прохождению «испытания». Еще более уничижительным было решение другого ротного, который в ответ на просьбу отца о помиловании сына отписал: «Недостаточная воля к прохождению испытания, недисциплинирован, ленив, крайне труслив, непригоден для борьбы с врагами».

При вынесении собственного вердикта командир роты руководствовался в первую очередь личными впечатлениями, которые он вынес об «испытуемом» из боев. Затем личные впечатления дополнялись оценками, которые ротные получали от соответствующих командиров отделений и взводов. Вильгельм Викциок, в свою бытность унтер-офицером в 500-м батальоне, вспоминал: «Офицеры требовали отзыв о соответствующем солдате. Нас спрашивали: если он останется один, что он сделает? часто ли он вызывался добровольцем? надежен ли он? и т. д. Эти оценки поступали к командиру роты, а затем направлялись наверх, в батальон». Другой унтер-офицер 500-го батальона указывал, что он и другие командиры отделений время от времени давали оценки отдельным солдатам. В некоторых батальонах была разработана так называемая система очков. В этой связи Герберт Т., в те времена лейтенант в 540-м батальоне, вспоминал: «Для испытания была создана специальная система очков или баллов. За смелость, готовность к действию, дисциплину начислялись очки». Если солдат совершал проступок, то ему начислялся штрафной балл, а стало быть, и его пребывание в батальоне продлевалось.

Если посмотреть на упоминавшиеся «заявления о помиловании», которые касались солдат второй роты 540-го батальона, то мы можем натолкнуться на следующую формализованную систему оценок, которую давали ротные командиры. В ней, в частности, значились такие оценки-характеристики: «выдающееся мужество», «отличительное мужество», «оптимальное боевое мужество». И еще: «первостепенные боевые заслуги», «захватывающие боевые заслуги», «показательные боевые заслуги». В десяти из тринадцати случаев речь шла о раненых и тяжелораненых. Очевидно, что эти солдаты рассчитывали на слова фюрера, который говорил о помиловании тяжелораненых и имевших боевые заслуги. Солдаты, у которых не оказалось подобных заслуг, тем не менее показывали в течение полугода пребывания на фронте «осознание своего воинского долга, смелость и отличное поведение».

Во всех этих эпизодах от обращения командира роты до приказа командования 18-й армии проходило минимум шесть недель. Но обычно этот срок составлял 4–5 месяцев. По словам некоторых ротных командиров, в некоторых случаях требовалось заключение, сделанное командиром батальона и соответствующим судьей, которое направлялось в военный суд 18-й армии вместе с необходимыми рекомендациями. При этом упомянутые сроки рассмотрения относились только к «испытуемым» солдатам и унтер-офицерам, чье предполагаемое тюремное заключение не превышало трех лет. При более долгих сроках заключения, а также в случаях разжалованных офицеров, решение о помиловании должно было приниматься главнокомандующим данного рода войск, а в некоторых случаях даже лично фюрером. Однако принятие решения в Германии означало не только задержку по времени (не менее 4 недель), но иногда и возможную потерю документов, что было неизбежно связано с нападениями партизан и воздушными налетами. Для бывших моряков и летчиков подобная задержка была неизбежной, так как решение об их помиловании неизменно принималось в Верховном командовании ВМФ и Верховном командовании Люфтваффе.

Если принять во внимание тот факт, что уже в первые дни войны 500-й батальон потерял половину личного состава, то становится ясно, что до помилования доживали немногие. Во время рассмотрения документов «испытуемый» попросту мог погибнуть.

Сведения о подобном положении дел весьма отрицательно отражались на настроениях в 500-й «испытательной части». Когда в Скерневице 1 января 1943 года была вывешена специальная «памятка», в которой запрещалось вести обсуждение потерь на фронте, то это было следствием не только опасений, но сведений, поступавших с фронта. При этом офицеры пехотных батальонов особого назначения, впрочем, как и офицеры дивизии, были немало

обеспокоены созданием реальных «возможностей испытания». Это следовало из убеждений, которые после войны озвучил один из офицеров 550-го батальона: «Только оперативная демонстрация справедливых помилований вновь могла стимулировать остальных «испытуемых» оказаться пригодными на фронте, вследствие чего вновь могла повыситься боеспособность и эффективность 550-го пехотного батальона». Приблизительно то же самое говорилось в письме командующего 28-й егерской дивизией, которое было датировано 18 августа 1943 года: «При таких высоких потерях более невозможна обработка дел отдельных солдат и регистрация отдельного прохождения испытания. Командир, который полностью загружен тактическими вопросами использования его роты в бою, едва ли может ежедневно заниматься обработкой этих данных, да еще в тех примитивных условиях, в которых он вынужден жить. Я считаю необходимым выделить офицера, который бы занимался этими делами, а в случае гибели ротного командира занял бы его место. Только так можно гарантировать, что после гибели командира роты или других офицеров, не будет никаких перебоев в обработке заявлений о помиловании, а «испытуемые» не будут ущемлены в своих правах».

Однако подобное предложение не было принято. В силу недостатка личного состава в Вермахте 500-е батальоны так и не были усилены офицером. Тем не менее даже в Верховном командовании сухопутных войск были весьма озабочены тем, чтобы улучшить реальное положение «надежных испытуемых». В апреле 1942 года первоначально было объявлено распоряжение, в котором говорилось: «После прохождения испытания в борьбе с врагом и соответствующих доказательств перевести в уставной персонал батальона или же прошлую воинскую часть, если та находилась в той же самой дивизии». На практике это означало, что отличавшийся «испытуемый» оставался в своем батальоне, переходя в состав «уставного персонала». В одном из отчетов по этому поводу говорилось: «Почти во всех случаях помилования солдаты переводились или в подразделения корпуса или же в состав уставного персонала батальона». В 550-м батальоне даже была предоставлена некоторая свобода выбора. Например, один из офицеров писал: «После прохождения испытания предоставлялась возможность перевестись в нормальную часть; однако в некоторых случаях испытуемые чувствовали себя настолько спаянными с батальоном, что изъявляли желание перейти в состав уставного персонала».

В принципе помилование ничего не значило. Часто помилованные не дожидались его и гибли в боях. В условиях неуклонно растущего разрушения коммуникаций прохождение документов по инстанциям длилось все дольше и дольше. В итоге в документах 18-й армии к весне 1944 года накопилось множество возмущенных запросов: «Чем вызвано столь длительное рассмотрение документов? Заключение командира батальона было сделано 15 октября 1943 года, а вопрос был решен только 7 марта 1944 года! Как дальше вести себя осужденным?» В свою очередь командование 18-й армии направляло подобные запросы в правовое управление Верховного командования сухопутных сил: «В силу сложившейся обстановки на фронтах сообщения не достигают адресатов. В итоге помилования остаются неким воспоминанием». Реакцией на подобные трудности стало «Пятое предписание по исполнению указа фюрера» от 18 июля 1944 года. В нем был предложен следующий выход из ситуации: «Если солдат доказал свою пригодность в борьбе с врагом, то его принципиально нужно переводить в уставной персонал части или же ставить на довольствие в другую воинскую часть. Это может происходить до прибытия решения о помиловании по факту прохождения шестимесячного испытания фронтом».

Привело ли подобное предписание к реальным изменениям, проверить сложно. Во всяком случае, последние данные о помиловании в 18-й армии датируются маем 1944 года. На то, что в данном вопросе оправданны определенные сомнения, указывают не только сообщения бывших «испытуемых», но и солдат «уставного персонала». Лейтенант Герберт Т. в начале 1943 года оказался в 540-м батальоне. Вначале он был командиром взвода, а затем стал

ротным командиром. Он вспоминал: «Назад[12] направлялись только раненые или мертвые, которых паковали в гробы, прозванные «испытательными ящиками». Я помню только одного испытуемого, который восстановился в своей старой части». Феликс Р. в 1951 году заявил по этой теме: «К сожалению, некоторые из истовых испытуемых, так и не получили реабилитацию. Почему несмотря на хорошие отзывы и срок службы, который подчас превышал год, не происходил перевод в старые части, оставалось спросить у командования. И этот вопрос звучал весьма часто». Иоганн Фрике, который прошел фактически всю войну в 500-м батальоне, сам отвечал на вопрос, сколько испытуемых перешло в старые части: «Из нашей роты за все годы подобное случалось, наверное, не больше десяти раз».

Однако реальные цифры были все-таки не столь маленькими. Согласно документам только в 18-й армии было реабилитировано более 300 «испытуемых» (это касалось 540-го и 561-го батальонов). Относительно 500-го батальона достоверно известны лишь цифры, относящиеся к лету 1943 года. Так, например, в июне 1943 года было подано 31 «заявление о помиловании», было одобрено 13 предыдущих заявлений, а 9 реабилитированных служащих были переведены в родные части. В июле цифры по этим показателям выглядят так: 39–12—12, а в сентябре: 30—7–4. В данном случае нужно исходить из того, что одобренные и согласованные «заявления о помиловании» относились не только к тяжелораненым, но и тем «испытуемым», которые давно уже погибли. Вероятно, в данных случаях не было публичного оглашения решения о помиловании перед ротой. Для большинства «испытуемых» известие о помиловании своего товарища, который уже месяц как был убит, выглядело циничной шуткой, а не актом милосердия.

Прежде, чем подвести некоторые итоги относительно начала использования 500-х батальонов и условий помилования (как сказали бы немцы — модальности), надо ответить на вопрос: в какой степени соотносились тяжесть совершенного проступка и вероятность его помилования. Для ротных командиров, судя по всему, это не играло никакой роли. С самого начала для них было безразлично, был ли служащий дезертиром, «вредителем», вором, трусом или же «душевнобольным, состоящим в кровосмесительной связи с сестрой». Иоганн Фрике в беседах сообщал Г-П. Клаушу, что отдельно выделялись лишь только осужденные по § 175: «Гомосексуалисты находились в самом низу, они вряд ли могли на что-то рассчитывать. Им было все равно, пройдут ли они испытание и получат ли обратно свое воинское звание». Впрочем, не обходилось без исключений. В 540-м батальоне числился бывший фельдфебель, разжалованный за противоестественные связи. Вопреки некоей нежности и чувственной предрасположенности он пытался во что бы то ни стало пройти «испытание». Для этого он вызывался быть стрелком, санитаром, разведчиком, заместителем командира отделения. Причем поручения он выполнял образцово и с рвением. Однако старое звание ему было возвращено, когда он утонул, добровольно вызвавшись стать связным.

В одном случае, когда погиб молодой лейтенант, попавший в батальоны за «преступный разврат с мужчинами», родителям об этом в письме сообщил сам генерал-фельдмаршал Кейтель (на тот момент он был начальником Верховного командования Вермахта). В письме говорилось: «Ваш сын отдал жизнь, сражаясь с врагами за фюрера, народ и Отечество. Героическая смерть искупила его вину. Он восстановил в полной мере свое доброе имя офицера». Казалось бы, это была формальность, но родители погибшего теперь могли рассчитывать на определенную пенсию. Так что посмертное восстановление в звании не всегда было пустым звуком.

Поскольку ротным командирам не было дела до прошлых проступков «испытуемых», то в дело помилования очень часто вмешивались судьи. В некоторых случаях они отклоняли «заявление о помиловании», заменяя его ходатайством о сокращении предполагаемого тюремного срока. В данном случае остаток заключения можно было полностью «отработать» через прохождение очередного «испытания». Очевидно, что шансы на удовлетворение подобного ходатайства были весьма велики. По этому поводу в Верховном командовании

сухопутных сил писали: «С одной стороны, объем доказательств для помилования и сама реабилитация зависят от тяжести совершенного проступка, с другой стороны, от боевых заслуг и поведения наказанного служащего. Чем тяжелее проступок, тем более высокие требования предъявляются для его искупления».

Конечно, решения о помиловании появлялись гораздо чаще, нежели выносились смертные приговоры. Достаточно часто смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, заменялись прохождением нового «особого испытания». В этой связи можно процитировать один документ: «С учетом готовности осужденного пройти испытание и возможности использования его в испытательной части, куда он был направлен 14 ноября 1943 года, я ходатайствую о замене смертной казни на 10 лет тюремного заключения».

В положениях о применении указа фюрера от 26 января 1942 года имеются дополнительные указания: «В единичных случаях допускается помилование, если осужденный не имел шанса проявить свое мужество и продемонстрировать примерное поведение, но тем не менее в течение двух лет доказывал свою пригодность для борьбы с врагом». Но если посмотреть на уровень потерь в 500-х батальонах, то двухлетнее пребывание в них было равноценно смертному приговору. Хотя бывали редкие случаи, когда выжившие все-таки получали реабилитацию. Командир 1-й роты 561-го батальона написал заявление об «испытуемом», который за самовольное оставление части был приговорен к 14 месяцам тюремного заключения: «Рекомендую снять непогашенной часть наказания, так как осужденный несмотря на свою умственную ограниченность оказался весьма пригодным в роли стрелка и солдата поста подслушивания[13]». Другой случай касался бывшего обер-лейтенанта, который после разжалования оказался в 540-м батальоне: «Так как осужденный не является первостепенным солдатом, и, пожалуй, никогда им не будет, все-таки вынужден признать, что он хорошо показал себя в последних боях. Его длительное пребывание в испытательном батальоне, его ответственность и смелое поведение служат оправданием для его помилования».

Из этих примеров следует, что ротные командиры заботились о справедливой реабилитации даже тех солдат, которых с большой натяжкой можно было бы назвать «героическими личностями». Главное, чтобы тот проявлял рвение к прохождению «испытания». Но отношение к солдату в корне менялось, если подобного рвения не наблюдалось. Так «испытуемого» Бенедикта Л. который попал в батальоны за «самострел», приговорили к смерти за кражу трех плиток шоколада: «Стрелок Бенедикт Л. был переведен в четвертую роту 4 марта 1943 года, где он был вторым в пулеметном расчете. Командиром отделения Бенедикт Л. характеризовался как послушный служащий, который способен был справиться с любым заданием. Однако он стал проявлять небрежность, за что ему неоднократно выносилось порицание. Действия Бенедикта Л. не имеют логического объяснения, так как каждый служащий получал 650 г шоколада. Так что Л. имел все основания быть довольным. Я считаю Бенедикта Л. неисправимым человеком, который при предоставлении свободы действий вновь совершит преступление. По этой причине считаю необходимым отказать Бенедикту Л. в повторном предоставлении шанса для прохождения испытания». Командир батальона добавлял: «Л. при поступлении в батальон был подробно проинформирован о том, что от него требуют не только участия в боях, но и соблюдения дисциплины. Ему уже был предоставлен шанс избежать смертной казни. Но он им не воспользовался». Как видим, в 500-х батальонах практиковался классический принцип «кнута и пряника».

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что при использовании батальонов не было никаких конкретных указаний и директив о смягчении наказания и реабилитации в случае прохождения «испытания». Очевидно, что вначале предполагалось посмотреть на эффективность 500-х батальонов, а затем обобщить полученный опыт. То обстоятельство, что эти вопросы были менее проработаны, нежели состав, вооружение и т. д., однозначно

указывает на конкретные цели инициаторов создания «испытательных частей». На самом первом месте стояли чисто военные интересы: возможность устрашения солдат из регулярных частей, а также использование ударно-штрафных групп. Только после того, как батальоны были «успешно» использованы в боях против Красной Армии, стало ясно, что отсутствие реального механизма «испытания», конкретных критериев для реабилитации может оказаться вредным для батальонов и в итоге для самого Вермахта. Офицеры вполне справедливо опасались за боеспособность этих формирований. Количество выживших, которые получили реабилитацию, было сравнительно невелико. В итоге многие из «испытуемых» теряли стимул к проявлению героизма. В некоторых случаях дело доходило до абсурда, который вызывал в солдатах отчаяние. Как вспоминал после войны один из батальонных офицеров: «Если в ходе боев часть лишалась своей канцелярии вместе с документами испытуемых солдат, то те теряли последнюю надежду на улучшение своего положения. Если погибал офицер, то солдаты теряли свидетеля, который мог подтвердить, что они действительно проходили «испытание».

ЧАСТЬ 3

Батальоны в пекле боевых действий

Глава 1

Горячий 1942 год

24 февраля 1942 года командование 50-го армейского корпуса, к которому в начале декабря 1941 года были приписаны две роты 540-го батальона, получило из 18-й армии телеграмму. В ней говорилось: «1) 25 февраля в Красногвардейск по железной дороге должны быть доставлены третья и четвертая роты 540-го испытательного батальона, штаб батальона, а также 150 испытуемых солдат для зачисления в первую и вторую роту 540-го батальона. Все они поступают в распоряжение командования корпуса. 2) Верховное командование сухопутных сил, учитывая особенность 540-го испытательного батальона, исходит из того, что после его укомплектования он будет использоваться в соответствии с боевой обстановкой».

50-й армейский корпус образовывал южную часть кольца осады, в котором находился Ленинград. Гитлер намеревался уничтожить город не только из-за его военно-хозяйственного значения, но и его символической роли как родины первого социалистического государства. 540-й батальон попал на этот участок фронта уже в марте 1942 года. Он был направлен в юго-восточном направлении, дабы вместе с первым армейским корпусом и силами СС вступить в борьбу с только что сформированной Второй ударной армией. Стратегической задачей Второй ударной армии под командованием генерала Власова должен был стать прорыв блокады. В отечественной литературе много писалось о трагедии Второй ударной армии в Мясном бору. Но как на эту проблему смотрели немцы? В книге Хартунга Польмана «Волхов. 900 дней боев за Ленинград», вышедшей в 1962 году, есть такие строки: «Форсировав Волхов, Вторая ударная армия должна была углубиться в глубь лесов по гати, которая вела от Новгорода до Чудово, где не предполагалось встретить никакого немецкого сопротивления. Севернее Луги на пути от Ямбурга до Нарвы русские натолкнулись на 18-ю армию, которую отрезали от снабжения… После нескольких разведывательных боев началось сражение, которое с разной силой интенсивности продолжалось с 13 января 1942 года вплоть до 27 июня 1942 года… Зимняя битва за Волхов поставила 18-ю армию на грань катастрофы, которая могла бы сравниться только с поражением под Сталинградом».

Немецкое командование планировало отрезать вырвавшиеся вперед советские части на участке между Новгородом и Чудово, окружить их, а затем уничтожить. При этом 540-й пехотный батальон особого назначения был введен в состав полицейской дивизии СС («Группа Вюнненберга»). Это случилось в апреле 1942 года. Батальону предстояло произвести наступление в Мясном бору. Именно здесь развернулись основные боевые действия. 540-й батальон должен был в какой-то мере высвободить изрядно потрепанную «Боевую группу Запад», которая также входила в состав полицейской дивизии СС. Позже один из офицеров

вспоминал о прибытии батальона на этот участок фронта: «Русские ежедневно атаковали наши южные позиции. Но им не удавалось прорваться дальше на север. В пасхальное воскресение 5 апреля боевую группу сменил батальон Вермахта. Группа была направлена на север в резерв. Русские будто бы почувствовали появление новой части и 6 апреля атаковали с юго-запада. Они прорвали фронт и нарушили нашу систему жизнеобеспечения. Силами того же батальона была предпринята контратака. Врага в тот же день удалось выбить с занятых позиций. Надо отметить высокую эффективность этого батальона».

Данное сообщение позволяет говорить о том, что 540-й пехотный батальон не просто участвовал в ожесточенных боях в Волховском котле, но и полностью оправдал факт своего существования (с точки зрения национал-социалистического руководства). Подобное отмечалось 28 апреля 1942 года в журнале боевых действий 1-го армейского корпуса. На тот момент положение «группы Вюнненберга» считалось все еще «очень серьезным», а стало быть, «весьма критическим»: «Атака 540-го батальона при одном собственном раненом привела к гибели 40 русских». До окончания боев, которые закончились в июне 1942 года окружением Второй ударной армии, батальон нес значительные потери. 23 июня 1942 года в журнале боевых действий 18-армии значилось: «Испытательный батальон временно отозван с фронта, так как в ходе последних тяжелейших боев он был полностью уничтожен. Для выполнения последующих заданий он должен быть пополнен свежими силами». В том же самом июне 1942 года в 540-й батальон было прислано около 410 «испытательных солдат», которых тут же бросили в дело. Впрочем, высокие потери были характерны не только для 540-го пехотного батальона особого назначения. В других воинских частях, которые участвовали в решении того же «судьбоносного вопроса», потери были не меньше, а в некоторых случаях даже выше. Специфика использования батальонов особого назначения раскрывается только тогда, когда рассматривается более длительный период. Это следует из письма, которое командование 18-й армии 10 июня 1942 года адресовало Верховному командованию сухопутных сил: «Испытательный батальон должен находиться в центре военных действий, дабы солдаты имели возможность пройти испытание борьбой с врагом. Однако постоянное пребывание на острие борьбы предполагает постоянную смену победоносных дивизий. С армейской точки зрения не удастся предотвратить смену тактического переподчинения батальона. Дабы избежать судебного и дисциплинарного подчинения, батальон должен быть непосредственно подчинен 1-му армейскому корпусу».

Иными словами, 500-е батальоны должны были проходить «испытание» там, где по большей части действовали только «элитные формирования» — в так называемом фокусе войны. Принципиальное различие состояло в том, что эти элитные части после окончания ожесточенной войны отзывались с фронта для отдыха и пополнения, а 500-е батальоны бросались на очередной горячий участок. То есть служба в 500-х батальонах сводилась к бесконечной череде кровопролитных сражений. Подобная практика предполагала частую смену подразделений, в которых должен был числиться батальон. Именно эта проблема обсуждалась в процитированном выше письме. Использование 540-го батальона шло в строгом соответствии с описанной схемой. После окончания Волховской битвы командование 1-го армейского корпуса не предполагало проведения крупных операций. По этой причине 540-й батальон был передан 61-й пехотной дивизии для участия в операции «Ингеборг». В журнале боевых действий о ней сообщалось: «И августа 1942 года: 61-я дивизия начинает операцию «Ингеборг». 540-й пехотный батальон особого назначения пытается уладить дела на южном участке плацдарма Водосье. Так как атака не получилась неожиданной, а вражеская оборона только крепнет, дано разрешение прекратить операцию… Во второй половине дня командир 540-го пехотного батальона особого назначения прекращает операцию «Ингеборг». Хотя операция в общих чертах прошла успешно, командир батальона полагает, что надо отозвать ударный взвод, так как он недостаточно силен, а следующей ночью вновь взять эти позиции». Но несколько позже, 16 августа 1942 года, мы могли бы обнаружить 540-й батальон на марше

в Грузино, чтобы сменить там батальон 162-го пехотного полка. С этим эпизодом связано одно особое обстоятельство. В Грузино находился единственный крошечный плацдарм, которым 18-я армия располагала на восточном берегу Волхова. Уже в январе 1942 года командование 39-го армейского корпуса характеризовало тамошнюю обстановку следующим образом: «Центр нашей позиции — это Чудово с расположенным на противоположном берегу Грузино, которое, как ни странно, до сих пор не отбито русскими. Их первая попытка захлебнулась в крови». О том, насколько внушало страх немецким солдатам пребывание на плацдарме в Грузино, показывает следующая выдержка из документа командования 18-й армии, датированного 30 марта 1942 года: «Генерал Клеффель докладывает о положении на плацдарме Грузино: наша группировка на тесном пятачке является прекрасной мишенью для вражеской артиллерии и авиации. В частях не видят смысла удерживать этот клочок земли. Среди солдат ходят слухи, что плацдарм надо удерживать только до оттепели, мол, на это есть новый приказ фюрера».

Этот более или менее «потерянный плацдарм» был идеальным местом для использования 540-го батальона. 16 августа 1942 года командующий 18-й армией сообщил в группу армий «Север»: «Плацдарм Грузино занят первой ротой 540-го пехотного батальона особого назначения. В более спокойные времена этого занятия было бы вполне достаточно, но не в условиях усиленных атак русских. В данной ситуации мы должны смириться с потерей Грузино. У меня нет больше ни резервов, ни желания атаковать». На этом пятачке со счетов были «списано» более 300 человек из состава 540-го батальона. До конца 1942 года батальон был неоднократно пополнен и восстановил свою полную численность, благодаря чему все-таки удалось удержать Грузино. 2 декабря 1942 года в командовании 1 — го армейского корпуса о батальоне сложилось следующее мнение: «Направленные в батальон испытуемые солдаты на 75 % проявляют безусловную волю к прохождению испытания». Что, собственно, подтверждало — механизм подбора солдат в батальоны и стиль руководства себя оправдывали.

22 января 1943 года 540-й батальон неожиданно отозвали с плацдарма в Грузино. Чтобы понять смысл всего происходившего, посмотрим на положение на фронтах. 12 января 1943 года Красная Армия предприняла очередную попытку по деблокированию Ленинграда. Суть операции сводилась к прорыву немецких частей в районе Ладожского озера и началу снабжения Ленинграда по грунтовой дороге. Как все другие операции по прорыву блокады, это наступление было нацелено, прежде всего, на захват Синявинских высот, расположенных в 50 километрах юго-восточнее Ленинграда. Синявино имело огромное стратегическое значение. Тот, кто контролировал этот район, мог вести артиллерийский огонь по всем окрестностям. Ожесточенная борьба за Синявинские высоты, которая длилась на протяжении трех лет, чем-то напоминала Первую мировую войну на франко-германском фронте. Подобно сражению под Верденом, там активно использовалась артиллерия. После того как в середине января 1943 года объединенным ленинградским частям удалось прорвать немецкий фронт на Неве, чуть южнее Шлиссельбурга, советские войска вновь предприняли попытку занять Синявинские высоты. В этих условиях командующий 18-й армии отдал приказ командиру полицейской дивизии СС: «Согласно приказу фюрера генерал-лейтенант Вюнненберг несет личную ответственность за удержание высоты в Синявино». Для выполнения этого задания на высоты было направлено около 700 человек из состава 540-го батальона, который 26 января 1943 года был введен в состав «группы Хильперта». О боях батальона на этих высотах в журнале боевых действий 18-й армии сообщалось следующее: «На левом фланге 43-го гренадерского полка с полуночи до 10 часов утра силами батальона при огневой артиллерийской поддержке было предпринято десять вражеских атак. Рискуя последними резервами, была предпринята контратака. Часть прибывшего испытательного батальона тут же брошена на усиление. За ночь батальоном было отбито восемь вражеских атак».

29 января 1943 года после мощной артподготовки при усиленной поддержке с воздуха красноармейцы вновь попытались отбить Синявинские высоты. На этот раз в атаку были

пущены танки. Тяжесть удара приходилась на лесной участок, чуть восточнее Городка. 540-й батальон удерживал именно этот участок фронта. В 15 часов 35 минут от «группы Хильперта» пришло сообщение: «Все атаки на Синявинских высотах отбиты… Также отбиты все атаки на 45-й гренадерский полк и 540-й пехотный батальон особого назначения… После массированной артподготовки идет кровопролитный бой. Пущено много танков и пехоты. Удалось отбить все атаки». На следующий день в 10 часов 55 минут сообщалось: «При сильной артиллерийской поддержке русские продолжают атаковать… Личный состав несет огромные потери. Командир 21-й пехотной дивизии сообщает, что у него осталось всего лишь 500 человек, которые удерживают участок фронта шириной в пять километров. От испытательного батальона осталось 100 человек». 31 января 1943 года командующий 18-армии сообщал в группу армий «Север»: «Стремительное нападение в 3 часа ночи. Прежние позиции в наших руках. Восстановлена прежняя линия фронта… Испытательный батальон дрался отлично. Погиб почти весь личный состав». Буквально накануне полковник фон Кроне из 1-го армейского корпуса попросил передать признательность «ребятам из батальона, которые являются выдающимися воинами».

Оставим пока 540-й батальон. И посмотрим, как шли дела у 500-го пехотного батальона особого назначения. Напомним, что это формирование входило в состав 101-й егерской дивизии, которая в первой половине 1942 года вела тяжелые бои в Донбассе, намереваясь прорваться на Кавказ, а именно, выйти в район Туапсе. В данном случае у Верховного командования не было необходимости менять подчинение батальона, дабы направить его в самое пекло войны. 101-я егерская дивизия, как составная часть 17-армии, была тем самым воинским формированием, которое постоянно находилось на горячих участках фронта. В итоге это выражалось как в потерях самой 101-й дивизии, так и 500-го пехотного батальона. Если забежать вперед, то можно сказать, что на конец октября 1942 года в дивизии оставалось всего только 800 человек. По другим сведениям за 1942 год в 500-м батальоне с учетом прибывавших резервов было убито более 1600 человек. Сам батальон использовался для самых различных задач: для атак и их отражения, для борьбы с партизанами и для прикрытия отступлений. Приведем лишь несколько выписок из журнала боевых действий 101-й егерской дивизии.

27 сентября 1942года. 11 часов. Вторая рота 500-го пехотного батальона прорвала вражеские позиции и достигла Мирной… Командир дивизии лично руководил атакой роты.

24 октября 1942 года. Майор Пинчовиус[14] сообщает: в жестоком бою нанесен ответный удар. Первая рота продвинулась на 490 метров… Положение меняется к лучшему. Генерал приказывает установить связь между третьей ротой 229-го батальона и 540-м батальоном. Майор Пинчовиус продвигается на юг, чтобы деблокировать вторую роту. 21 час 40 минут. Из 500-го батальона сообщают, что цель достигнута.

25 октября 1942 года.20 час. Мощная вражеская атака с севера на Сарай Гору. 22 часа 45 минут. Майор Пинчовиус сообщает по рации командиру дивизии, что превосходящим силам противника удалось овладеть Сарай Горой. Там должен находиться 213-й саперный батальон, который, судя по всему, полностью уничтожен врагом. Высоты дают господствующее положение. Майор Пинчовиус опасается, что с потерей Сарай Горы его силы будут скованы… Положение катастрофическое. Командир дивизии отдает приказ оставить позиции. При отходе из-за темноты вторая рота 500-го батальона сбилась с пути.

26 октября 1942 года. 14 часов. Рота самым беспрецедентным способом пробилась через позиции противника и соединилась с остатками батальона. Во время прорыва уничтожено от 50 до 60 вражеских солдат.

В приказе по части от 2 февраля 1943 года командующий 101-й егерской дивизией вынес отдельную благодарность и выразил особую признательность третьей роте 500-го батальона «за умелые и смелые действия». Этой роте удалось отвоевать один из колхозов, который был оставлен частями 125-й пехотной дивизии. А через неделю по части был объявлен еще один приказ. «8 февраля, прошлой ночью, части удалось успешно отбить атаку. Особо надо

выделить действия пренебрегших смертью солдат 9-го румынского кавалерийского полка и 500-го батальона. Своим искусным руководством отличился капитан Моригль, командир второй роты 500-го батальона».

На тот момент в 17-й армии, в том числе 101-й егерской дивизии, отмечались признаки «морального разложения», что в первую очередь касалось инонациональных частей Вермахта. 11 декабря 1942 года позиции оставила грузинская рота, которой командовал бывший советский старший лейтенант. 23 декабря 1942 года с передовой скрылось 28 солдат из 781-го турецкого батальона. На следующий день турецкие перебежчики рассказали советской разведке о численности и силе немецких формирований. 19 января 1943 года немецкие части в силу ненадежности разоружили турецкий батальон. Из пехотного он был переквалифицирован в строительный. Нечто подобное происходило и в 500-м батальоне, но все равно он считался надежным резервом, а потому в январе 1943 года вновь был направлен на передовую.

Теперь посмотрим, как обстояли дела в 550-м батальоне. 17 марта 1942 года 550-й батальон попал в состав 205-й пехотной дивизии, которая занимала позиции южнее Велижа. Штаб дивизии располагался в Беляево. 550-му испытательному батальону, оказавшемуся в непосредственном распоряжении командования 3-й танковой армии, предстояло сражаться в центральной части Восточного фронта. Уже 15 марта 1942 года командование 59-го армейского корпуса сообщало в штаб 3-й танковой армии о предполагаемом использовании батальона. Восточнее речки Дюна располагался Каменский лес. Именно из леса в окрестностях Каменки советские части неоднократно атаковали дорогу, ведущую из Беляево в Велиж, чем ставили под угрозу снабжение немецких частей. Батальону предстояло разбить эти отряды Красной Армии и «зачистить» лес. Служащим 550-го батальона, которые до этого фактически не имели никакого опыта, предстояло выполнение сложного и весьма рискованного задания.

При планировании наступательной операции происходили консультации штабов 205-й пехотной дивизии и 59-го армейского корпуса. В ходе этого планирования 19 марта 1942 года военные пришли к выводу, что захват леса являлся вполне реальной задачей. Когда после некоторой задержки 22 марта 1942 года началась немецкая наступательная операция, то стало ясно, что позиции Красной Армии давно уже изменились. В итоге лес был занят с гораздо большими потерями, нежели предполагалось. Для осуществления операции «Каменка» пять рот 550-го пехотного батальона особого назначения были разбиты на две группы, которые должны были проникнуть в лесной массив с двух сторон: с юго-запада и северо-запада. Выполнение операции было возложено на полковника Дормагена, командира 335-го пехотного полка. Он оставил два взвода в качестве флангового прикрытия. Кроме этого, 550-й батальон был усилен несколькими саперами, четырьмя танками, противотанковыми и пехотными орудиями. Но уже в самые первые часы операции оказалось, что тяжелые орудия не могли двигаться по глубокому снегу, а потому их использование было бессмысленным. Впереди батальон ждало еще несколько «сюрпризов». Накануне операции авиация должна была нанести по лесу удар с воздуха, чтобы ослабить советские части и по возможности нарушить сообщение между ними. Но незадолго до назначенной бомбардировки в 205-м пехотном полку узнали, что запланированного удара с воздуха не будет. «На поставленный встречный вопрос, почему произошло это внезапное, неожиданное и предельно нежелательное изменение планов, в ответ из летного корпуса сообщили, что бомбардировку стоит проводить только по конкретным целям, а в данной ситуации не было указано никаких определенных координат… Командование дивизии выражает возмущенное недоумение, так как части, рассчитывавшие на поддержку с воздуха, теперь будут нести огромные потери».

В итоге летчики совершили несколько заходов над лесом, но бомбардировка была не массированной, а скорее символической. В итоге от плана операции решили не отказываться.

Как видим, первая боевая операция для 550-го батальона проходила в самых неблагоприятных условиях. Обратимся к журналу боевых действий 205-й пехотной дивизии.

«22 марта 1942 года. Наступление на Каменский лес.

4 часа 30 минут. Огневая подготовка.

4 часа 40 минут. Обе группы готовы к наступлению.

6 часов 16 минут. Майор Пецшманн[15] *сообщает: противотанковые орудия и машины не смогут продвигаться вперед из-за глубокого снега. Батальон продолжает наступление.*

6 часов 20 минут. Майор Пецшманн сообщает: в настоящий момент наступление идет очень медленно. Ведется винтовочный и пулеметный огонь. Время от времени пускаются в ход гранаты. В небе немецкий разведчик.

6 часов 28 минут. Майор Пецшманн сообщает: в ходе наступления планомерно прорывается вражеская оборона».

В следующие часы сообщения отсутствовали. В своих воспоминаниях Хайнц Хелмс указывал на возможные причины этого: «Температура была около минус 30. Кроме этого, выпало большое количество снега. Наше подразделение сначала хорошо продвигалось вперед по лесистой местности, когда внезапно оно было обстреляно со всех сторон. Русские солдаты зашли нам в тыл. Они скрывались в специальных снежных укрытиях, пропустив нас вперед. Наши сослуживцы вместо того, чтобы отстреливаться, попытались двигаться дальше вперед. Наш батальон нес тяжелые потери». Красноармейцы, невидимые немецким солдатам, скрывались не только в снежных укрытиях, но и за деревьями, которые в тех местах были форменной чащобой. Они открыли плотный огонь по увязнувшему в снегу 550-му батальону. Один из лейтенантов, принимавший участие в этой операции, так описывал хаос, творившийся в Каменском лесу: «Мы несли потери даже потому, что нас обстреливала собственная артиллерия». Первыми были убиты связисты, которые держали связь между батальонным штабом майора Пецшманна и наступающими ротами. Именно это и стало причиной того, что полковник Дормаген несколько часов ничего не знал о ходе операции. В итоге гибель связистов привела к тому, что пропала связь между отдельными ротами. Потеряв офицеров и почти весь командирский состав, наступающие оказались в фактическом окружении, угроза исходила со всех сторон. К этому добавились снаряды немецкой артиллерии, огневая поддержка которой и без того была слишком слабой. Но теперь они рвались среди наступавших немецких солдат. Командир двух выделенных ддя прикрытия взводов сообщал: «В начале огневой поддержки в северном направлении не было ощущения, что обстрел попадал по вражеским целям. Даже если такой слабый огонь был оправдан недостатком боеприпасов, то действия артиллеристов все равно вызвали разочарование… Вдвойне удручающим оказался тот факт, что они били по собственным частям».

К полудню 22 марта 1942 года полковнику Дормаге-ну вновь стали поступать сообщения. Он тут же стал передавать их в штаб 205-й пехотной дивизии.

«11 часов 55 минут. Полковник Дормаген: роты Раака и Штаунау при продвижении на юг и юго-восток столкнулись с мощной вражеской обороной. Отступают назад.

13 часов 5 минут. Полковник Дормаген: роты Гроссманна и Штаунау попали под сильный вражеский огонь. Они отходят обратно на высоты. В роте Раака огромные потери/Все офицеры батальона или ранены, или убиты. Огонь ведется из-за каждого дерева. Снег глубокий — по грудь. Майор Пецшманн якобы отдал приказ отходить в Верхние Секачи. Полковник Дормаген отдает обратный приказ: батальон остается на занятой территории и занимает круговую оборону».

Этот приказ, видимо, не дошел до командира 550-го батальона, так как далее в журнале болевых действий значится:

«13 часов 50 минут. Полковник Дормаген: майор Пецшманн с остатками северной группы без соответствующего разрешения отошел в Верхние Секачи. Высокие потери.

17 часов. Полковник Дормаген и оберлейтенант Ленц установили, что северная группа полностью покинула лес. Потери огромные. Нынешний состав 1-й роты — 1/7/62 (офицеры/унтер-офицеры/ солдаты), 2-й роты — 1/8/52,5-й роты-0/4/30.

19 часов 15 минут. Полковник Дормаген: силы противника, принимающие участие в контратаке на южную группу, оцениваются в 400–600 человек. Собственные потери: рота Кельбаса[16] — 12 погибших, 26 раненых, 7 пропавших без вести. Рота Бореи — 3 погибших, 8 раненых. Нынешний состав роты Бореи — 1/11/56. Состав роты Кельбаси — 1/10/90.

19 часов 40 минут. Начальнику штаба 59-го армейского корпуса сообщается о полном провале наступления. Впечатление о батальоне и его состоянии: командир пребывает в шоковом состоянии, адъютант отказывается действовать, все офицеры погибли. В ближайшие двое суток батальон не принимается в расчет».

Изданных сообщений следует, что 22 марта 1942 года 550-й батальон потерял почти половину своего боевого состава. Оставшиеся в живых были настолько шокированы или апатичны, что не могло быть и речи о повторном направлении их в Каменский лес. Когда начался обстрел немецких позиций из советских минометов, то почти все «испытуемые солдаты» панически попадали в укрытие. Они были полностью деморализованы. Затем командир батальона объяснял командующему 3-й танковой армии, что «батальон перестал быть боевой частью, и эту неисправность надо устранить как можно быстрее».

Ввиду объективных трудностей при осуществлении операции «Каменка», а также принимая во внимание недостаточную подготовку, которая не зависела от 550-го батальона, в отношении его руководства не было принято никаких суровых мер. Впрочем, у командования дивизии и армии сложилось устойчивое впечатление, что батальон был не совсем пригоден для использования на горячих участках фронта. Адъютант полковника Дормагена придерживался именно подобной точки зрения: «Люди в целом оказались сносными, хотя не обошлось без отдельных симулянтов. Удивительно, что солдаты батальона не понесли тяжкого наказания за самовольное оставление позиций. Впрочем, большая часть из них решительно атаковала. Некоторые даже кричали «Ура!» Русские, оставаясь невидимыми, со всех сторон обстреливали их из автоматов, пулеметов и минометов. Некоторые из русских забирались на деревья для того, чтобы вести обстрел».

В сообщении лейтенанта, который был выделен из состава 205-й пехотной дивизии в помощь командиру для ведения противотанковой обороны, звучало больше негативных ноток: «Когда командир батальона громко призвал идти в атаку, то большинству солдат даже не пришло в голову выполнить это приказание. Когда потребовался связной, к нему никто не подошел. По моему мнению, эти люди были симулянтами или трусами. Поэтому они не удосужились доставить сообщение на место. Поэтому между отдельными группами отсутствовала связь и взаимодействие. По моим наблюдениям, именно из-за этого возникла неразбериха… Я оцениваю количество солдат, которые вовсе не участвовали в бою, как две трети личного состава. Напротив, сражавшиеся вели себя очень смело. Спереди они часто подтаскивали боеприпасы и даже пулеметы. При этом никто из них не оставлял своих позиций. В то же время я видел группы солдат, которые укрывались в воронках и оврагах. Многие, задолго до того, как было объявлено об отступлении, скрывались с поля боя и бежали к Секачам. В бою не было никакого руководства, которое бы смогло собрать воедино все силы и бросить их вперед. У меня сложилось впечатление, что наступление провалилось: 1) из-за трусости солдат батальона; 2) из-за недостаточного сотрудничества отдельных групп».

Наверное, в батальоне имелся определенный процент людей, которые не намеревались расставаться с жизнью в далекой от их родины Каменке. Их действия были хорошо описаны выше. Но учитывая страшную реальность, можно предположить, что шоковое состояние, в котором оказалось большинство солдат, было бы уделом и других регулярных частей, оказавшихся в подобной ситуации. Тем не менее мнению лейтенанта, награжденного Железным крестом, было уделено большее внимание. Тем более что оно позволяло командованию 205-й дивизии и 59-го армейского корпуса избежать наказания за недостаточную проработку операции.

Командующий 59-м армейским корпусом генерал Курт фон Шеваллери раздраженно сообщал, что действительно предполагал как можно быстрее пустить в дело 550-й пехотный батальон особого назначения. Однако он намеревался захватить хутор на западном берегу реки Дюна, который располагался как раз напротив Верхних Секачей. Захват этого плацдарма позволял бы контролировать окружающие территории на восточном берегу. Именно отсюда советские войска вели обстрел из минометов и артиллерии территории Каменского леса, чем во многом предопределяли исход борьбы за чащобу. 27 марта в этот хутор предполагалось направить три разведывательных отделения из состава 550-го батальона. После массированной артподготовки они должны были захватить хутор. Примечательно, что предшествующие вылазки немецких разведчиков закончились полной неудачей. После провала в лесу было решено выполнить хотя бы эту задачу. За день до осуществления этой операции генерал Курт фон Шеваллери заявил: «Учитывая специфику 550-го батальона, надо вооружить офицеров пулеметами и автоматическим оружием, чтобы они шли позади солдат и расстреливали трусов». Ну чем не заградительные отряды?! И это были не пустые слова. В самом деле, из «уставного персонала» создавались хорошо вооруженные специальные наряды полиции, которые вместе с офицерами следовали за наступающим 550-м батальоном. Перед ними была поставлена задача любыми средствами предотвратить «все попытки скрыться с передовой». Немецкий Вермахт решил прибегнуть к средствам, которые в нацистской пропаганде характеризовались как «методы большевистских комиссаров».

Наступление начиналось удачно. Тогда пришло сообщение: «Настрой отличный. О симулянтах ничего не известно». Советские войска тут же предприняли попытку отбить колхоз. Контратака привела к высоким потерям среди немцев. «На начало наступления боевые силы составляли 4/31/210. 28 марта они сократились до 3/18/103». Весь день 550-й батальон держал оборону в колхозе и соседней деревне Болошки. Несмотря на потери, командир батальона сообщал о бодром настроении «испытуемых солдат». Они проявляют твердую волю удержать колхоз». 6 апреля 1942 года, казалось бы, бои в этом районе утихли. Но четыре дня спустя они начались с новой силой.

«10 апреля 1942 года. 4 часа 30 минут. Враг в количестве 50 человек вновь атаковал Болошки с севера. Ему удавалось отбить крайние дома. Была предпринята контратака, которая позволила выбить русских из этих домов. Во время контратаки был убит майор Пецшманн, командование перешло к лейтенанту Вернеру.

11 апреля 1942 года. Внимание батальона в большей степени было приковано к Болошкам, когда около полуночи противник проник в колхоз. Проникнув с юго-запада, неприятель нанес удар колхозным зданиям. Около двух часов они были забросаны гранатами. Ему удалось продвинуться на правом фланге. Несмотря на заградительный огонь артиллерии ничего не удалось предпринять. В дивизии знали о моральной неустойчивости этого батальона, его истощенности, которая была вызвана недостаточным боевым опытом. Однако вопреки всему этому он не был пополнен свежими силами. Предполагалось направить подкрепление, но этого не потребовалось».

Несмотря на то, что красноармейцы были выбиты из колхоза, 550-й батальон пользовался в 205-й пехотной дивизии сомнительной репутацией. Этому способствовало сообщение артиллерийского офицера, который вынес из Болошки впечатление, что майор Пецшманн был «без сомнения, слишком добродушным», тогда как солдаты за редким исключением были «безразличными к поставленным задачам». Скорее всего, солдаты 550-го батальона уже распрощались с жизнью после того, как за две недели 75 % боевого состава было убито или ранено. Однако даже на фоне подобных событий негативные оценки способности 550-го батальона были во многом предвзятыми и малообъективными. Они были продиктованы целым рядом предубеждений. Тем не менее командующий 205-й пехотной дивизии 25 мая 1942 года во время проверки батальона отмечал, что «подразделение производило благоприятное впечатление».

29 июня 1942 года в Витебск для пополнения батальона прибыло 560 человек. Некоторое время до этого туда же прибыл новый командир 550-го батальона — майор Барге. У него была репутация человека острого на язык. В Германии про таких говорят: «У него шерсть на зубах». В тот момент 550-й батальон вместе с 205-й пехотной дивизией был переброшен под Велиж. Пополненный батальон должен был удерживать участок фронта вместе с 368-м пехотным полком. Otto M., на тот момент один из новичков, после войны вспоминал: «Батальон располагался на правом берегу Дюны, заняв небольшие деревушки Верхнее и Нижнее Красное. С правого и левого флангов находились русские части. После разгрузки в Витебске нас ожидал марш-бросок. Уже во время марша мы получили первое представление о том, что нас ожидало впереди, так как из-за прямых попаданий русской артиллерии у нас появились первые убитые и раненые. После утомительного марша, потные и грязные, мы достигли передовой, где нас разбили на роты».

Как раз в тот момент, когда батальон был пополнен свежими силами, которые, как следовало из сопроводительного письма майора Хюнербрайна, «по большей части еще не были готовы к применению в полевых условиях», когда шло деление на роты, Красной Армией была предпринята танковая атака. Судя по всему, советская разведка узнала о пополнении батальона новичками.

Сначала на участке фронта шириной в 400 метров, который как раз удерживал 550-й батальон, появился 21 советский танк. Они тут же прорвали линию фронта (позже виновным за это сделают командира третьей роты). Ценой неимоверных усилий и громадных потерь батальону все-таки удалось исправить обстановку. За один день батальон потерял 80 человек, а Красная Армия недосчиталась восьми танков. Майор Барге поспешил тут же сделать организационные выводы: «Оценка боевого духа: там, где имелись молодые, энергичные и предприимчивые командиры, как, например, в 1-й роте, способные контролировать солдат, те обходили танки сбоку и занимали новые позиции, возвращаясь на старые, как только данные танки были подбиты. Русская пехота, сопровождавшая танки, уничтожалась активным оборонительным огнем. Танки, прорвавшие линию обороны, подрывались фанатами. Кроме этого, большая часть 3-го взвода 2-й роты предприняла контратаку, которую успешно осуществила. Однако командир роты и многие командиры отделений оказались уж слишком робкими. В отношении симулянтов и тех, кто трусливо покинул позиции, мною будет проведено строжайшее расследование и предприняты соответствующие меры… Общее впечатление. Несмотря на свежее пополнение и проблематичную структуру рот там, где они имеют строгое руководство, с задачей справились. Нужно провести воспитательную работу и специальную подготовку». В штабе 59-го армейского корпуса одобрили идею сотрудничества 550-го батальона с противотанковыми частями, которое должно было уменьшить успех танковых атак Красной Армии. В течение нескольких последующих месяцев 550-й батальон совершил несколько удачных операций. 18 октября 1942 года в журнале боевых действий 205-й дивизии мы находим запись: «С целью осмотра позиций в колхозе командующий дивизией лично посетил этот участок фронта. Состав 550-го пехотного батальона производит очень хорошее впечатление. Генерал сказал, что каждое сообщение должно содержать слова: «У меня приказ при любых обстоятельствах удержать эти позиции», чтобы воля к защите вошла в плоть и кровь каждого солдата».

7 ноября 1942 года во время стремительной ночной атаки советских штрафбатов 550-му батальону удалось достигнуть определенного успеха, за что была выражена благодарность от командующего дивизией. Хайнц Хелмс, принимавший участие в этой контратаке, так вспоминал эти ужасные события: «Ночью к нам ворвались русские. Там был только лишь один старый котлован, где мы и залегли в 50 метрах от русских. Мы могли видеть, как они махали руками, чтобы немного согреться. Мы всю ночь пролежали в этом котловане и лишь утром предприняли контратаку. Русские не рассчитывали на это. Именно тогда я понял, как правильно должна действовать артиллерия. Артиллеристы точно знали наше бывшее месторасположение.

Каждый выстрел попадал на наши бывшие позиции, занятые русскими. Когда русские бросились бежать, в дело вступили мы. Огонь переносился. Это была ужасная картина. Тогда я получил осколок в бок. Лежа в котловане, я дал зарок: если я выживу, то по возвращении домой каждое воскресенье буду ходить в церковь».

Итог этого сражения содержался в сообщении от 7 ноября 1942 года: «Во время утренней вражеской атаки 550-й гренадерский батальон тут же перешел в контрнаступление. Враг понес огромные потери. Из того, что удалось обнаружить: 144 погибших, 26 взятых в плен, 2 пулемета, 41 граната и множественное количество винтовок».

В последующие, более спокойные месяцы 550-й батальон провел под Велижем несколько удачных наступательных операций. За это он заработал благодарность командующего 83-й пехотной дивизии. В журнале боевых действий мы могли бы прочитать:

«22 января 1943 года. В районе Болошки силами ударной группы из состава 550-го батальона несмотря на вражеский огонь уничтожена долговременная огневая точка с десятью вражескими солдатами.

2 февраля 1943 года. Разведывательный взвод 1-й роты 550-го батальона рано утром в лесу у колхоза уничтожил вражеский бункер. При этом было убито 10 русских и взят язык… Разведывательные взводы 1-й и 2-й рот 550-го батальона в качестве поощрения получили по 200 г шоколада на человека.

7 марта 1943 года. Командующий дивизией в своем приказе выражает благодарность 550-му батальону, участвовавшему в наступательной операции».

Данные оценки свидетельствуют только об одном — в 83-й дивизии 550-й батальон рассматривался как вполне надежное «испытательное подразделение». Практика особых нарядов полиции была прекращена со второй половины 1942 года.

В начале февраля 1943 года Верховное командование сухопутных сил располагало первым «Отчетом о деятельности 560-го пехотного батальона особого назначения», в котором был обобщен некий опыт действий этого формирования. Напомним, что в конце 1942 года 560-й батальон был переброшен на южный участок Восточного фронта. Хотя за столь короткое время военных действий с участием «испытательных батальонов» вряд ли было возможно составить полную картину, их общую оценку в целом можно назвать положительной. Майор Зальцер сообщал: «27 декабря 1942 года батальон был введен в состав 6-й румынской кавалерийской дивизии, базировавшейся тремя километрами южнее Ильинской. Многочисленные разведывательные группы уже по прошествии короткого времени смогли предоставить штабу румынской дивизии сведения о точном месторасположении противника. Дивизия, опираясь на эти сведения, успешно провела наступательную операцию. При отражении наступления мощных вражеских ударных групп, которое сопровождалось сильной артиллерийской поддержкой, особенно отличился батальон. Это подтверждает благодарность командующего 97-й егерской дивизией генерал-майора Руппа. Отношение испытуемых со своими командирами и унтер-офицерами корректное, по-солдатски товарищеское. Выявлены отдельные «неисправимые», от которых в ближайшее время избавятся. Из рядов батальона их направят в особые полевые батальоны. Большая часть «испытуемых» проявляет неподдельную волю к прохождению испытания, что выражается в добровольном стремлении войти в состав ударных или разведывательных групп. Ротные командиры смогли даже поставить «испытуемых» на некоторые командные посты. Сформированные подобным образом группы выделяются удалью, безрассудной смелостью в разведке, но особенно отличаются при отражении вражеских атак».

На основании подобных сообщений и на собственном опыте, почерпнутом во время посещений батальонов, одним из генералов на данном докладе была поставлена резолюция: «До сих пор очень хорошие отзывы!» Начатое 24 января 1943 года усиление 500-х батальонов пехотными и противотанковыми орудиями может рассматриваться как результат этого

доклада, а стало быть, признания высшим руководством Вермахта 500-х «испытательных частей».

Глава 2
Кровавое отступление 1943–1944 годов

56-й пехотный батальон особого назначения оставался на южном участке Восточного фронта с учетом небольших перерывов более полутора лет. В это время он был приписан к 97-й егерской дивизии. Эти отношения развивались подобно связям 500-го батальона и 101-й егерской дивизии. 97-я егерская дивизия входила в число самых эффективных частей 17-й армии (начиная с октября 6-й армии). В обоих случаях можно было говорить о хороших взаимоотношениях между командованием дивизии и командиром батальона. Иногда оба испытательных батальона воевали даже на одном и том же участке фронта.

Первое тяжелое испытание ожидало 560-й батальон в феврале 1943 года, когда во время отступления на Кубанский плацдарм он получил приказ занять местечко Ястребовское, а затем участвовать в захвате Бережного. О тогдашней борьбе батальона сообщал его командир: «В тяжелых уличных боях, ожесточенных рукопашных стычках, несмотря на потери, к 7 часам утра местечко полностью перешло в наши руки. В местах боев мы насчитали 431 убитого русского. Еще 150 трупов мы обнаружили непосредственно восточнее Ястребовского. Затем подразделение получило приказ о наступлении на

Бережной. 3-й усиленной роте после установления связи с атакующей с юга ударной группой удалось, несмотря на потери, проникнуть в северную часть Бережного и отбить вместе со 2-й ротой все последующие атаки русских, которые предпринимались с юга и юго-востока… Командующий 97-й егерской дивизией, генерал «лейтенант Рупп неоднократно выражал батальону признательность за боевые успехи и отличное поведение. Боевую готовность и поведение испытуемых солдат, за исключением отдельных выявленных асоциальных элементов, можно охарактеризовать как отличное. Испытуемые хорошо сражались как в обороне, так и в нападении, некоторые совершили героические поступки».

В журнале боевых действий 97-й егерской дивизии о тогдашних боях значится:

«1 марта 1943 года. Майор Зальцер: сообщение о потерях сегодняшнего дня. Раненых 1-й и 3-й роты удалось вынести с поля боя. Боевой состав батальона — 250 человек. Батальон сражался исключительно, каждый человек дрался как лев. Выражается благодарность за борьбу против превосходящих вражеских сил».

В течение следующих месяцев 560-й батальон прикрывал отход 97-й дивизии на Кубанский плацдарм, откуда немецкие части были выбиты в сентябре 1943 года. В ходе этих сражений перед 560-м батальоном ставились приблизительно такие же задачи, как и перед другими частями дивизии. В некоторых операциях отдельные дивизионные формирования даже поступали под командование майора Зальцера. При чтении журнала боевых действий не оставляет впечатление, что он точь-в-точь похож на журнал боевых действий 101-й егерской дивизии, в котором сообщалось о 500-м батальоне. В обоих случаях батальоны получали весьма схожие приказы: осуществление наступательных операций, прикрытие отступления. Они постоянно были на самых сложных участках фронта. Основное отличие от регулярных частей заключалось в частоте и сроках использования батальонов на критических участках. То, как это выглядело на практике, можно реконструировать, сравнивая потери в батальонах и формированиях егерских дивизий в период с апреля по август 1943 года. Если посмотреть на сведения о потерях, то мы увидим, что с 3 апреля по 28 августа 1943 года 560-й батальон потерял 954 человека. А как же обстояли дела в егерских батальонах? Получалась, что за этот период среднестатистический егерский батальон терял около 551 человека. Как видим, потери в испытательном батальоне были значительно выше. Они составляли около 73 % боевого состава.

Пребывая вплоть до июня 1944 года в составе 97-й егерской дивизии,~56-й батальон нес большие потери во время отступления из Крыма на Никопольском плацдарме (октябрь 1943 года). В апреле 1943 года он оказался на западном берегу Днестра в районе Тирасполя. Не имеет смысла описывать подробности этих боевых операций, так как они весьма похожи друг на друга. Примечательно, что после длительных боев, связанных с большими потерями, тогдашний командир батальона давал такую оценку его состояния: «Настроение в батальоне очень хорошее». И это в условиях, когда формирование недосчитывалось 586 человек, а боевой состав по состоянию на 1 июля 1944 года был ограничен 406 людьми.

В конце июля 1944 года 560-й пехотный батальон особого назначения был окончательно выведен из состава 97-й егерской дивизии. Причина этого решения станет очевидной, если познакомиться с мнением разыскной команды Красного Креста, которая занималась судьбой пропавших без вести немецких солдат: «22 июня 1944 года части Красной Армии предприняли генеральное наступление, которое привело к краху группы армий «Центр» на отрезке между Витебском и Бобруйском. В то же самое время группа армий «Юг» занимала оборонительный рубеж между Ковелем и 120 километрами юго-восточнее Брест-Литовска и польско-румынской границы в Черновцах. Чтобы сдержать продвижение противника в направлении Варшавы, уже в начале июля немецкие части, в том числе 560-й гренадерский батальон особого назначения, заняли участок в 65 километрах северо-западнее Бреста. В середине июля немецкие части в районе Брест-Литовска попали под советское танковое наступление. Красной Армии удалось форсировать Буг. Разбитые части отступили от Бреста в район Бильска[17] Советские части проникли в Бильск с севера и отрезали немецким частям путь на запад. При попытке пробиваться на запад в направлении Варшавы 560-й батальон особого назначения в районе Черемхи, что лежит в 55 километрах на северо-запад от Бреста, вступил в кровопролитные бои. Неся огромные потери, остаткам батальона удалось пробиться на юго-запад от Черемхи, где они 22 июля вышли на железнодорожную линию Волоковыск — Зидлиц. Только немногим удалось достигнуть окрестностей Варшавы, где вновь пришлось вступить в бой».

13 августа 1944 года, то есть почти две недели спустя после начала Варшавского восстания, командование 9-й армии отдало приказ о направлении остатков 560-го и 500-го батальонов из Скерневице в Варшаву, где из них должна была быть сформирована новая «испытательная часть». Три недели спустя, 3 сентября 1944 года, новый 56-й батальон был готов к использованию. Отныне он числился в группе армий «Центр», в которой во время ожесточенных боев на Восточном фронте 500-й батальон «хорошо себя зарекомендовал».

После того как фронт, удерживаемый группой «Центр», был прорван Красной Армией, советские части уже в августе 1944 года достигли Вислы. На тот момент им даже удалось форсировать реку чуть северо-западнее Радома и в районе Сандомира. 9-я армия располагалась по сторонам от польской столицы, в которой тем временем бушевало восстание. В то время немецкий оборонительный рубеж проходил к югу от Варшавы по западному берегу Вислы. Севернее Варшавы располагались 4-й танковый корпус СС и 19-я танковая дивизия, которые с трудом контролировали территории чуть восточнее Вислы, в районе ее слияния с Бугом. Именно в этом районе батальон был передан в распоряжение эсэсовской дивизии «Викинг». В истории этой эсэсовской части, написанной после войны западногерманским исследователем, значились такие строки: «После сокрушительного артиллерийского огня, который велся более часа по всей дивизии, враг нас снова атаковал 3 сентября 1944 года в районе двух часов ночи. В Борках располагался 73-й моторизированный полк, который уступал наступающим русским в три раза. Несмотря на численное превосходство, Советам лишь к полудню удалось проникнуть в восточную часть города Борки. Однако около 20 часов испытательный батальон Ритера[18] проник в город.

О последующем сражении, которое продолжилось 4 сентября 1944 года, говорилось: «Юго-восточнее устья Буга и Нарева закрепились русские. В 6 часов утра была начата операция «Викинг», в ходе которой предстояло уничтожить врага. В ней принимали участие

батальон Ритера и часть танковой дивизии СС». Красную Армию удалось выбить с этого плацдарма. 11 сентября 1944 года в журнале боевых действий значилось: «В районе боевых действий в утренние часы русские прорвали линию фронта. Батальон Ритера предпринял контратаку и отбросил врага».

24 сентября 1944 года изрядно потрепанный 560-й батальон был направлен в резерв 9-й армии. Однако 29 сентября его вновь бросили в бой. В это время в Варшаве ликвидировались последние очаги восстания. Рейнхард Шульце, который был ранен, а потому его боевое использование в качестве «испытуемого солдата» длилось всего лишь 4 часа, вспоминал: «В последнем районе Варшавы поляки так окопались и так отчаянно сражались, что немцы просто-напросто не могли его освободить. Тогда кто-то из командования Вермахта сказал: так, мы выводим обыкновенные части и запускаем туда испытательный батальон». После артиллерийской подготовки при поддержке танков 560-й батальон начал штурм варшавского района Золибор. 30 сентября 1944 года остатки сражавшихся сдались. За завершение операции по ликвидации Варшавского восстания командир 560-го батальона майор Ритер 20 октября 1944 года был награжден Рыцарским Крестом.

За период с весны 1943 года по сентябрь 1944 года в документах не нашлось ни одного упоминания о «ненадежности» «испытуемых солдат». Были, конечно, попытки дезертировать с фронта. Кого-то из дезертиров расстреливали, кому-то давали 10 лет тюрьмы. Впрочем, дезертирство в тот момент стало набирать обороты. В записках того времени содержатся такие слова: «Из высказываний складывается впечатление, что большую часть беглецов и дезертиров составляют солдаты 560-го и 500-го батальонов». До сих пор остается загадкой, сколько «испытуемых» добровольно сдалось в плен Красной Армии. О том, что подобные случаи были, можно было узнать из листовки национального комитета «Свободная Германия», которые раскидывались в октябре 1943 года над немецкими позициями в Мелитополе. В листовке говорилось: «При наступлении русских не стреляйте и не убегайте. Как только вы их заметите, поднимите высоко руки и сдавайтесь в плен. Так поступили солдаты 560-го батальона Курт Пентен, Генрих Пенц, Герхард Шмит и многие другие». По всей видимости, добровольная сдача в плен не была настолько массовой, чтобы поставить под угрозу внутренний порядок в «испытательном батальоне». Но то, что подобные процессы шли, отмечалось в соседних с 560-м батальоном частях. В частности, сохранилось сообщение от 22 апреля 1944 года, которое вышло из недр 1-го моторизированного батальона 5-й полевой дивизии Люфтваффе: «К югу от батальона назначенная часть моторизированной роты по прошествии некоторого времени отказалась идти в бой. Все попытки потерпели неудачу. Солдаты бросили оружие и в полном беспорядке покинули позиции. Когда главный врач общевойскового соединения хотел вновь послать их вперед, те объяснили, что никогда не возьмут в руки оружия. Когда он выдал карабины, которые принадлежали раненым и попросил их идти в атаку, то они вновь выбросили оружие и направились в сторону Крымской. Когда 4 апреля 1943 года взвод численностью в 22 человека получил приказ вступить в бой, то на передовую выдвинулось только 15 человек, так как семеро остались на своих позициях. Очевидно, что этих людей нельзя было сдвинуть со своего места, только с применением силы. Отступление в полном беспорядке — это ясный признак того, что моторизированная рота вообще не имеет воли для продолжения борьбы. Единственной задачей для этих людей является спасение собственной жизни».

Когда 560-й батальон в августе 1944 года вел ожесточенные бои, в штаб дивизии приходили следующие документы: «В силу многочисленных случаев дезертирства из 786-го турецкого батальона требую срочно убрать его с фронта». В журнале боевых действий 9-й армии можно было прочитать и о 73-й немецкой пехотной дивизии, в которой не наблюдалось «устойчивости»:

«12 сентября 1944 года. Все еще сильный в численном отношении пехотный полк 73-й дивизии отказывается вступать в бой. Первый же натиск отбросил полк с позиций.

Разбежавшихся солдат удалось собрать в Праге только при помощи жандармерии. Военно-полевые суды выносят один приговор за другим.

19 сентября 1944 года. Этот день станет решающим в судьбе 73-й пехотной дивизии. Фюрер отказался его распустить. Солдат, повинных в трусости и бегстве, по законам военного 'времени надо расстрелять. Особый суд станет проводить расследование под началом генерал-майора Зикениуса, командующего 391-й охранной дивизией. Вся дивизия находится в оцеплении, которое будет пребывать до того момента, как ее пошлют пройти «испытание». Однако ничего похожего в 560-м батальоне мы не наблюдаем.

Если говорить о 500-м батальоне, то до конца мая 1943 года он являлся частью 101-й егерской дивизии. Затем батальон в режиме «пожарной команды» перебрасывался в самые различные части, например, 13-ю танковую дивизию, 79-ю пехотную дивизию, 98-ю пехотную дивизию, 304-ю пехотную дивизию, 306-ю пехотную дивизию, 335-ю пехотную дивизию. При этом в конце мая 1944 года он вновь был возвращен в состав 101-й егерской дивизии. Документы о боевых действиях батальона сохранились только на лето 1943 года. В июне 1943 года командир 500-го батальона сообщал в Верховное командование сухопутных сил: «Остатки батальона — боевой состав 30 солдат — после ожесточенных оборонительных боев в начале июне на кубанском плацдарме западнее Крымской продолжают удерживать этот участок фронта. Несмотря на огромные потери, испытуемые солдаты продолжают демонстрировать отличный боевой дух. Складывается впечатление, что во время оборонительных боев остатки батальона прониклись идеей своего особого предназначения и верят в прохождение испытания. После того как уже бои во время зимнего отступления дали множество шансов для испытания, лучшим способом для искупления провинностей была попытка прорыва русских позиций на кубанском плацдарме».

После того как в июле батальон был пополнен свежими силами, которые согласно документам были «послушными и готовыми к использованию», о боях периода августа — сентября 1943 года сообщалось следующее: «После огромных потерь в ходе боев 13 сентября 1943 года батальон был направлен в резерв. 13 сентября была отдана команда: в тот же самый день вывезти его воздушным транспортом. Обоз батальона должен был быть перевезен по железной дороге. 28 сентября 1943 года русские несколько раз атаковали батальон. Однако все нападения были отбиты. 30 сентября русские силами трех армейских корпусов при поддержке 240 танков начали мощное наступление. Однако русским не удавалось прорвать участок фронта, удерживаемый батальоном. После кровопролитных боев русские прорвали фронт у соседней части. В итоге враг попытался атаковать батальон с тыла силами пехотного полка и 30 танков. Несмотря на то, что батальон был атакован превосходящими силами противника с трех сторон, солдаты не покинули своих позиций. Только когда натиск стал чересчур сильным, батальон был вынужден отступить. В этой героической борьбе солдаты батальона в основной массе проявили себя как смелые воины».

Таким образом, данные документы указывают на то, что 500-й пехотный батальон особого назначения можно было рассматривать как наиболее надежное воинское формирование, что постепенно придавало ему характер некоей «элитарной части». Интересен «Отчет о деятельности батальона», который датирован 9 октября года. В нем указываются очевидные признаки предполагаемого изменения внутреннего климата в 500-м батальоне. «У испытуемых команд возникает впечатление, что их используют как «пушечное мясо». Это также подтверждается русской листовкой, которую сбросили с воздуха на 500-й батальон, когда тот в августе вел тяжелейшие бои на кубанском полигоне. В листовке 500-й батальон обозначался как «формирование смертников», в котором человек ничего не значит».

В самом деле, кажется, в сентябре 1943 года в 500-м батальоне начинаются серьезные проблемы с так называемым «самообладанием». 7 декабря 1943 года предпринята попытка дезертирства. Сбежавший был схвачен жандармерией. 23 января 1944 года появляется приказ об аресте некоего Фридриха У., который обвиняется в «подрыве боеспособности и

недозволенном оставлении части». Всего за год (с декабря 1943 года по декабрь 1944 года) солдатам 500-го батальона было вынесено семь смертных приговоров. В четырех случаях дезертиров приговорили к 12 годам тюрьмы. 29 сентября 1943 года произошел первый случай сдачи в плен Красной Армии. Эту попытку предприняли «испытуемые солдаты» Рихард Б. и Энгельберт Г., Рихард Б. в свое время за кражу был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения, которое было заменено службой в 500-м батальоне. Ротный командир обращал на него внимание, дав следующую характеристику: «Рихард Б. обладает скрытным характером, весьма сдержан, держится особняком. Среди сослуживцев пользуется дурной славой. В духовном плане — очень тяжелый человек. Физически слабый и медлительный. Его поведение во время тяжелых боев за Ленинское (8–12 сентября 1943 года, кубанский плацдарм) оценивается как отличное».

Но судя по всему, инициатором перехода на сторону Красной Армии был Энгельберт Г., который был ознакомлен с советской пропагандой. Уже во время августовских боев он пытался убедить некоторых сослуживцев добровольно сдаться в плен. При этом Энгельберт Г. демонстрировал как житель Верхней Силезии хорошее знание польского языка. Его политическая мотивация могла быть продиктована особым польским самосознанием. В прошлом же Энгельберт Г. был осужден за «самовольное оставление части» и приговорен к двум годам тюрьмы.

Нет никакого сомнения в том, что описанные инциденты не исчерпывают всех случаев «подрыва боеспособности», «трусости», «дезертирства», «перехода на сторону врага». Но это только те случаи, которые были зарегистрированы в документах. Тем не менее в 500-м батальоне не было никаких признаков того, что часть полностью могла выйти из повиновения. Во всяком случае, она продолжала считаться надежной и готовой для применения на фронте.

Если подобные инциденты и случались, то они касались других подразделений 6-й армии, куда на тот момент входил 500-й батальон. Пожалуй, в большей мере это относится к 999-му XV пехотному батальону, который, как следует из номера, был одной из «999-х испытательных частей». Это формирование сменило 31 декабря 1944 года 500-й батальон на Днепровском плацдарме в районе Берислава, что находился к северо-западу от Херсона. В январе 1944 года из 999-го батальона на советскую сторону перешло множество солдат — главным образом немецкие коммунисты. По этой причине уже 8 февраля 1942 года офицер контрразведки 6-й армии был вынужден консультироваться с контрразведкой группы армий «А». Было принято решение, что 99-й батальон не был предназначен для использования на фронте. Батальон отозвали с передовой в силу его абсолютной ненадежности. Для того чтобы получить контроль над батальоном и прекратить подрывную пропаганду, в состав 999-го батальона был внедрен специальный агент тайной полевой полиции. После того как агент стал делать донесения, при драматических обстоятельствах были арестованы и разоружены все «политические» из состава данного 999-го батальона. Тот же самый процесс несколько позже повторился в 999-х батальонах XIV и XVII. В итоге в марте 1944 года в Германию для проведения более подробного расследования было направлено около 450 человек, бывших «политических» солдат 999-х батальонов. Уже после нескольких недель использования на Восточном фронте военное командование получило наглядные доказательства полной противоположности 500-х и 999-х батальонов. Попытка заменить одни другими закончилась провалом. Интересным и показательным является, какие воспоминания остались после короткой встречи 500-х батальонов с 999-ми, которая состоялась весной 1944 года. Эрвин Барц в 1956 году опубликовал в ГДР свои мемуары, в которых говорилось: «Мы сменяем 500-е формирование. 500-е — это солдаты, которые позволили себе совершить нарушение воинской дисциплины, за что и были подвергнуты наказанию. Среди них находится много бывших фельдфебелей и унтер-офицеры, и даже разжалованные офицеры. «Испытание», которым пугают солдат регулярных частей, является беспощадным.

Обоз этого воинского формирования напоминает торговый караван. На машинах, к которым привязан скот, громоздятся столы, кровати, картины. Каждое отделение создает свой собственный склад провизии и товаров. Лучше всего приходится поварам. 500-е сердятся, что их спокойная окопная жизнь подходит к концу.

«Вам несказанно повезло, — бросает один из них, — можете быть спокойны, Иванам нет до вас никакого дела. Вообще здесь живется неплохо. Иногда, конечно, из-за недостач будут потрясать пистолетом перед носом. Главное время от времени перепрятывать то, что вы умыкнули».

Без сомнения, в оценке, которую 999-м дал Иоганн Фрике, служащий уставного персонала 500-го батальона, читались многочисленные предубеждения: «Нас сменили 999-е, и мы сразу же покинули позиции. Мы уже были на марше для выполнения нового задания, когда поступил приказ повернуть. 999-х выбили с позиций. Мы относились отрицательно к 999-м хотя бы потому, что они сдали позиции, которые мы удерживали. Они не были нашими приятелями. Отношение к ним было плохое, так как они как раз и были преступниками. 999-е не были хорошим формированием».

Подобное взаимное восприятие 999-х и солдат 500-х батальонов проливает свет на специфические взаимоотношения между двумя видами «испытательных формирований». Если принимать во внимание расширение действий антифашистского сопротивления, то можно объяснить негативное отношение к 999-м. В то время как история 999-х батальонов была неразрывна связана с антифашистской деятельностью «политических», то подобные действия в 500-х батальонах были единичными. Это было продиктовано тем, что данному формированию неуклонно пытались придать некий «элитарный характер». По мнению Иоганна Фрике, 500-й батальон приобрел подобный характер где-то летом 1944 года. Относительно этого времени он говорил: «Мы были «пожарной командой». Если иваны где-то прорывали фронт, то нас тут же посылали туда. Можно сказать без лишней гордости, что нам удавалось справиться с задачей. Когда иваны узнавали, что нас перекидывали на их участок фронта, то они переставали атаковать. Пока мы существовали, то все могли спокойно спать, так как все тяжести были позади. Может быть, это звучит несколько помпезно, но это было именно так. По крайней мере так было в первые годы. Нам не удалось выбить Иванов из России. Но мы всегда были вынуждены двигаться вперед, там, где другие отступали. Боже упаси, я не хочу сказать, что другие ни на что не годились. Но мы всегда удерживали наши позиции».

Несмотря на пафос бывшего вояки и раздутое самомнение он в принципе очень точно описывал ситуацию, сложившуюся вокруг 500-го батальона. Особую гордость у него вызвало обстоятельство, что «хронист» 100-й егерской дивизии отметил успешную контратаку 500-го батальона, предпринятую в октябре 1944 года. В тот момент батальон находился в Карпатах, где Красная Армия, неся громадные потери, предприняла операцию по деблокированию Словацкого национального восстания. О тогдашних боях в горах можно было прочитать: «3 октября на левом фланге[19] дивизии 500-й батальон пошел в наступление. После длительного и обманчивого затишья между боями батальон без артподготовки внезапно напал на позиции неприятеля в Окраглике. В 11 часов эта высота была захвачена. Русские сразу же предприняли контратаку с запада. Они оттеснили[20] к Земпленороци. 550-й батальон собрал все резервы и вновь атаковал русских с юго-востока. В 15 часов Окраглик был отвоеван обратно».

Если мы обратимся к истории 550-го батальона, то мы увидим, что с марта 1943 года по июнь 1944 года, то есть до момента крушения группы армий «Центр», он вел бои по пути отступления от Велижа к Витебску. При этом (как и во всех остальных случаях) батальон кидали на самые сложные участки фронта. О ситуации в марте 1943 года рассказывал бывший солдат батальона: «Испытательный батальон занимал самые скверные и бесперспективные позиции, имея задание удерживать путь от Дюны и Велижа. Русские занимали противоположный берег Дюны и имели численное преимущество на всех позициях. Единственным путем для подвоза припасов и продовольствия была Дюна, которая находилась

под постоянным русским обстрелом. Именно этим объяснялось плохое снабжение и явный недостаток продовольствия. Так плохо я не питался еще ни в один из военных дней».

В конце апреля 1943 года 550-й батальон был переброшен на новое место. В журнале боевых действий 83-й пехотной дивизий было написано: «11 апреля 1943 года. Перед перебрасыванием 550-го батальона в новое место ходатайствую о трехдневном отдыхе. Командир объясняет, что данного срока достаточно для подготовки к ведению боевых действий на весьма сложном участке фронта под Кривкой».

В общей линии фронта под Кривкой образовался выступ, который атаковался сразу с нескольких сторон. В тот момент это был самый горячий участок в районе Велижа. 31 мая 1943 года 550-й батальон здесь испробовал на себе мощное советское наступление. В документах 3-й танковой армии о нем говорилось: «В 19 часов 30 минут после сильной артподготовки в районе Кривки предпринято наступление силами 300–400 солдат и 4 танков. В 22 часа 30 минут предпринята контратака. Потери неприятеля — 96 убитых и 5 взятых в плен. Собственные потери — 5 убитых, 28 раненых. Особо надо выделить 550-й испытательный батальон, сражался очень смело».

1 июня 1943 года командование 330-й пехотной дивизии дает батальону следующую оценку: «Батальон полностью пригоден для обороны и очень хорошо сражается при локальных наступательных операциях. Для более крупных наступлений не хватает навыков. В ходе нескольких ударных операций батальон доказал хорошее состояние духа». Такие ударные операции продолжались еще несколько месяцев. Когда в конце августа 1943 года в батальон прибыл транспорт с пополнением, «состояние батальона сохранялось на высоте». Затем батальон был переброшен из 330-й пехотной дивизии в 87-ю пехотную дивизию, где также получил положительные отзывы. «Так называемый 550-й испытательный батальон, который отличился при обороне «кривского выступа», в будущем может оказаться пригодным в рамках 87-й дивизии».

В ходе «выравнивания фронта», предпринятого в сентябре 1943 года, батальон поначалу пытался атаковать, однако в ноябре 1943 года ушел в глухую оборону в 20 километрах восточнее Витебска. В ноябре 1943 года и в феврале 1944 года немецким частям с трудом удалось отразить два наступления Красной Армии, направленных на освобождение города.

Основной удар пришелся на 206-ю пехотную дивизию, в которую и был переброшен 550-й батальон. В немецкой историографии считается, что зимние сражения в районе Витебска были «бесспорным триумфом в истории 206-й пехотной дивизии». «То, что во время этих сражений дивизия дважды упоминалась в сводках Вермахта, отчетливо показывает, что она особо выделялась среди прочих воинских формирований. Зимой 1943–1944 годов Витебск был форпостом немецких частей на Восточном фронте, о который разбились самые крупные наступления противника. В то же время на других участках Восточного фронта все отчетливее проявлялись признаки военной катастрофы». В ходе этих сражений 550-й батальон был почти полностью уничтожен, но об этом не сохранилось почти никаких упоминаний. Уже в окрестностях Кривки с сентября 1944 года он нес грандиозные потери. Когда 24 сентября 1944 года командующий 3-й танковой армией указывал генералу-фельдмаршалу Бушу на высокие потери и явный недостаток резервов, то он в качестве примера приводил именно 550-й батальон, в котором оставалось едва ли больше половины боевого состава. Хотя в ноябре — декабре 1943 года в батальон не раз доставлялись транспорты с пополнением, но в ходе зимнего сражения за Витебск он был настолько потрепан, что в феврале 1944 года его первая рота состояла всего лишь из 11 солдат.

В конце апреля 1944 года остатки батальона на несколько дней были отведены с передовой. Тогда прибывало очередное пополнение. По мнению одного из офицеров военно-полевого суда, «550-й испытательный батальон являл собой замечательное оперативное формирование». Причину этого он видел в надлежащем подборе «человеческого материала», что касалось и уставного персонала, и «испытуемых солдат». В частности, пбсле войны он

заявлял: «Я в течение года курировал 550-пехотный батальон особого назначения. Я был свидетелем, как в это время он успешно использовался на самом опасном участке фронта, ограниченном Витебском— Велижем—Демидовом».

Уже в начале мая 1944 года 550-й батальон ожидало новое задание. Он был брошен на ответственный участок фронта, юго-восточнее Витебска. В своих мемуарах «Мой путь с 45-й пехотной дивизией» Рудольф Гшёпф писал: «Самым уязвимым местом на Восточном фронте был выступ, образованный позициями группы армий «Центр», который так и напрашивался, чтобы взяли его в клещи и окружили». В те дни 550-й батальон сначала входил в состав 14-й, а затем 299-й пехотной дивизии.

Когда 22 июня 1944-го началось генеральное наступление Красной Армии, в ходе которого была разгромлена группа «Центр», то 550-й батальон был одним из первых, кто принял бой. Выживших почти не осталось. Немногие оставшиеся в живых оказались в числе 57 тысяч немецких военнопленных, которых 17 октября 1944 года провели по улицам Москвы. Одним из таких «счастливчиков» был Иоахим Т., который попал в батальон в апреле 1944 года. Из его воспоминаний следует, что в мае — июне 1944 года 550-й батальон соблюдал все ту же «мужественность», что и ранее: «Нас бросали туда, где пахло жареным. Сейчас можно смело утверждать, что наверху с самого начала предполагали, что у нас будут огромные потери. Они наверняка полагали: раз это осужденные, то мы лучше пожертвуем ими. Но при этом они также знали, что у нас был свой кодекс чести, и что мы в отличие от прочих были рады испытаниям».

Последний в отличие от Хайнца Ферлайха не принадлежал к «Красной капелле». Ферлайх, берлинский коммунист, судя по всему, прибыл на фронт под Витебск в том же самом эшелоне, что и Иоахим Т. Он не намеревался показывать чудеса героизма и гибнуть за гитлеровскую Германию, а потому Хайлц Ферлайх в первом же бою добровольно сдался в плен советским войскам. Судьба Ферлайха не была простой — в январе 1944 года он оказался в тюрьме Вермахта в Торгау, откуда его перевели в тюрьму Дибург, а уже именно оттуда после перепроверки он попал в «испытательный батальон». Накануне отправки на фронт он встретился с женой, заявив ей, что в «любом случае переедет на советскую сторону». Это был рискованный шаг, но Ферлайх пошел на такое признание, дабы супруга не волновалась, если бы ей пришла похоронка или сообщение, что он пропал без вести.

В самом деле Хайнц Ферлайх уже давно находился в советском плену, когда к нему домой пришло официальное извещение о его гибели. Впрочем, принадлежность Ферлайха 550-му батальону вызвала определенные подозрения, что являлось препятствием его привлечению к антифашистской работе, а позже возвращению его на родину. Недоразумение было устранено, когда из Германии пришли списки активистов КПГ, которые были заверены функционерами СЕПГ.

После полного уничтожения летом 1944 года 550-го батальона в Скерневице его сформировали заново. Поначалу новичков направили на западный берег Вислы, в местечко, находившееся в 40 километрах к югу от Варшавы. Именно там располагался один из плацдармов Красной Армии. 1 августа 1944 года новый 550-й батальон был придан для усиления 1132-й гренадерской бригады. Именно тогда был получен первый боевой приказ.

«Приказ командования 1132-й гренадерской бригады.

Враг попытается расширять захваченный плацдарм в устье р. Пилица, нанеся удар в южном и юго-западном направлении. В ночь с 1 на 2 августа началось строительство моста.

Усиленной 1132-й гренадерской бригаде в первую очередь перекрыть плацдарм по линии Магнушев — Минск — Мазовецки, и уничтожить врага после прибытия подкрепления. Начало наступления — 2 августа 1944 года.

Атаку предпринять силами 2-го батальона 1132-й гренадерской бригады, 1-й батареи, 550-го ударного батальона, 2-го батальона 73-го моторизированного полка».

До нас не дошло сведений о том, как себя проявил 550-й батальон в боях под Варшавой. Во всяком случае, известно, что советский плацдарм так и не был взят. Александр Шель, бывший служащий упоминавшегося выше усиленного 73-го моторизированного полка, позже вспоминал о 550-м батальоне: «550-й батальон поначалу имел неплохую репутацию. Именно поэтому его поставили между батальонами 1132-й гренадерской бригады, что не было органичным построением… В то время для 550-го батальона еле-еле нашли офицеров. Поэтому командование батальона оказалось в безнадежном состоянии. Его боевая численность была крошечной. Ротой командовал какой-то фельдфебель. Он был выбран на эту должность своими сослуживцами. Впрочем, он умел навести порядок.

Основные силы 19-й танковой дивизии подтягивались два дня — 4–5 августа 1944 года. Именно в это время враг атаковал батальон. Красная Армия прорвала его оборону, так как у батальона явно не хватало сил сдержать натиск… После прибытия 19-й танковой дивизии батальон стал подчиняться полковнику Шлипперу. Его позиции постоянно атаковали. Временное отсутствие командования еще более ухудшало ситуацию. Лишь только уверенное командование капитана Шувирта и стойкость 73-го моторизированного полка позволили продержаться эти два дня».

В конце августа 1944 года 550-й батальон вместе с частью 19-й танковой дивизии передислоцируется на север от Варшавы, где Красной Армии удалось сначала форсировать Буг, а затем и Нарев. Батальон переходит под командование 5-й танковой дивизии СС «Викинг», которая пытается остановить советское наступление. Там батальон вновь отличается во время двух наступательных операций. Источники указывают, что 550-й батальон до конца лета 1944 года ни в чем не уступал другим «500-м испытательным частям». В этой связи особый интерес представляет оценка офицера военно-полевого суда, мнение которого уже приводилось выше. «По итогам моего годового курирования 550-го батальона я могу заявить, что в него поступало не больше осужденных преступников, чем в другие фронтовые части». Это высказывание можно проверить, так как сохранились «штрафные листы» 206-й пехотной дивизии, которые охватывают период с ноября 1943 года по апрель 1944 года. В этот период 550-й батальон как раз числился в составе этой дивизии. За указанный период было засвидетельствовано вынесение 339 судебных процессов, в том числе таких, которые закончились оправдательным приговором. В 67 из 339 случаев (что составляет приблизительно 20 %) речь шла о служащих 550-го батальона. Если посмотрим на боевую численность батальона, то увидим, что это было едва ли больше 10 % его личного состава. Тем не менее данные цифры говорят, что в батальоне взыскания выносились не в пример чаще, нежели в других армейских частях. При этом надо подчеркнуть, что наряду с достаточно «безобидными» преступлениями (кражами, непослушанием, запрещенным ношением чужих наград) большую часть занимали тяжкие вйинские проступки. 33 случая (то есть половина) касались дезертирства. По этому поводу было проведено два Заседания военно-полевого суда, по итогам которого пятеро провинившихся были казнены, а четверо были приговорены к большим срокам тюремного заключения/. Оставшиеся 25 дел были переданы в другие суды. Причем в 18 случаях это был военно-полевой суд 225-й полевой комендатуры (Скерневице). 12 дел относилось к «самовольному оставлению» части — в данных случаях приговор был вполне снисходительным. Только в одном случае обвиняемый был приговорен к восьми годам тюрьмы — но здесь речь шла о проявлении «трусости». Самым громким процессом был суд над тремя солдатами, которые обвинялись в «подстрекательстве к бунту». Двое из них были казнены.

Эти цифры показывают, что начиная с конца 1943 года в 550-м батальоне, как и во всех 500-х батальонах, наблюдался рост нарушений дисциплины, что военным руководством рассматривалось как «потеря самообладания». Можно найти самые различные причины этого. Во-первых, общая для всего Вермахта усталость от войны. Во-вторых, это высокие потери в батальонах, что играло, наверное, самую важную роль в расшатывании дисциплины. С конца 1943 года прохождение «испытания» для большинства солдат из батальонов становилось фарсом. Шансы на выживание были настолько минимальны, что о реабилитации уже никто не думал. А стало быть, никто не думал о возвращении в прошлые части, что имело негативные последствия. И, наконец, нужно исходить из того, что свою роль играла советская пропаганда. В первые годы войны она была весьма примитивна. Но по мере военных успехов Красной Армии к пропагандистским акциям стали привлекаться немецкие антифашисты из числа пленных. Их работа значительно повышала эффективность антигитлеровской агитации. Среди дезертиров все чаще и чаще стали попадаться солдаты, которые намеревались перейти на сторону Красной Армии или добровольно сдаться в плен. Если говорить о 550-м батальоне, то сохранились следующие сведения. 23 ноября 1943 года на сторону Красной Армии перешел Вальтер Ф. 26 января 1944 года это сделал Вильгельм М. 17 февраля 1944 года добровольно в плен сдались Штефан Э. и Рудольф П. 8 апреля 1944 года их примеру последовал Рудольф 3. Сохранились биографии этих «перебежчиков». Большинство из них были собраны во время расследования гестапо, которое решало, какие меры принять к семьям «предателей».

В случае Вальтера Ф. гестапо удалось собрать следующее досье: «Перешедший на сторону Советского Союза Вальтер Ф, кофейный плантатор, родился 20 февраля 1914 года в Брюсселе в семье дипломированного инженера. С политической точки зрения никак не дискредитировал себя. С конца 1932 года по начало 1933 года временно состоял в СА. Факты, которые позволяют говорить о настоящем или прошлом негативном отношении к национал-социализму, не известны. Напротив, Ф. в прошлом может характеризоваться как авантюрист.

После 8 лет посещения средней школы и 2 лет обучения в сельской школе не получил никакого профессионального образования. В 1933 году без разрешения матери направился путешествовать в Рим, а затем на свой страх и риск эмигрировал в Восточную Африку, где, пребывая в немецкой общине, якобы два года трудился кофейным плантатором. Объехал все окрестности, пытался быть охотником. Некоторое время нищенствовал. Из Танганьики вернулся обратно в немецкий рейх.

Из следующего сообщения уполномоченного начальника охранной полиции и СД по Бельгии и Франции следует, что Ф. уже 29 декабря 1940 года дезертировал из своей части (индекс полевой почты 38 061 D) в незанятую немецкими войсками часть Франции. Позже он выдвигал невероятную версию о том, что был послан туда по служебным делам. Мать Ф. пользуется в районном комитете НСДАП хорошей репутацией. Не удалось установить сведений о прошлом или нынешнем негативном отношении к партии, что могло бы повлиять на дезертирство ее сына или его последующий переход[21]»

Рожденный в Чехословакии и выросший там «фольксдойче» Штефан Э. явился для гестапо «трудным орешком». Его мотивацию не удалось установить. В 1941 году он был приговорен к 5 годам тюрьмы за «самострел». При этом суд пришел к выводу, что действия Штефана Э. не были продиктованы антигосударственными установками. Он хотел изобразить свое ранение как акт участников французского Сопротивления, дабы, с одной стороны, заработать признание, с другой стороны, получить отпуск и уладить по возвращении на родину кое-какие семейные дела. Из объявленного 3 октября 1941 года приговора мы узнаем биографию дипломированного коммерсанта Штефана Э. «В Чехословакии он не мог найти себе никакой работы, так как был немцем. В 1927 году он получил первую судимость. В Братиславе он остался должен хозяйке квартиры 220 крон, за что был приговорен к 11 дням ареста. В феврале 1927 он был призван в чехословацкую армию, где прослужил 18 месяцев. После демобилизации в 1928 году он смог устроиться бухгалтером, но был уволен с работы, так как

его уличили в растрате 200 крон. За этот проступок он был приговорен к 4 месяцам тюрьмы. После отбытия этого заключения ему не удалось найти подходящего занятия. Поэтому он странствовал с бродячими театральными труппами, в которых он выполнял роль декоратора, подсобного рабочего и расклейщика афиш. В 1931 году он временно устроился на должность второго бухгалтера в фирму «Сименс и Шукерт» (Братислава). Оттуда он был уволен якобы по болезни. После этого он вновь присоединился к актерской труппе, которая странствовала от деревни к деревне, что позволяло ее участникам зарабатывать скудные средства. Так как летом актерский бизнес не приносил особых прибылей, он нередко нанимался батраком к крестьянам. Так как пьесы, в которых он принимал участие, противоречили законам, в 1931 году он вновь оказался в тюрьме… В 1932 году он был приговорен к штрафу в 5 шиллингов[22] за неразрешенное ношение оружия, которое, по его утверждению, было всего лишь театральным реквизитом. 12 сентября 1934 года он был приговорен к 3 месяцам тюрьмы, так как попытался подделать паспорт на имя Отто Бергнера… Весной 1938 находился подсудимый в

Вельсе (Австрия), где пытался найти подходящую работу на бирже труда. Но это было маловероятно, так как он был гражданином Чехословакии, у которого не было никаких рекомендаций. По этой причине он подделал рекомендательное письмо, в котором он назвал себя членом НСДАП и ветераном СА. Кроме этого, он указывал, что был осужден за политическую деятельность и якобы именно из-за этого потерял работу в «Сименсе». Далее в письме утверждалось, что подсудимый был рекомендован имперским министром доктором Франком. На основании этого письма подсудимый 1 апреля 1938 года смог устроиться в комендатуру авиационной базы в Вельсе в качестве бухгалтера по начислению заработной платы. При ближайшей проверке документов был обнаружен подлог и 14 апреля 1938 года подсудимый был вновь задержан. Несколько недель спустя он был освобожден из тюрьмы, так как он подпадал под действие амнистии». Подобной справки вполне должно хватить, чтобы сформировать образ этого Штефана Э, который в 1938 году присоединился к Судетско-немецкой партии (прогитлеровская организация в Чехословакии), а после начала войны пошел добровольцем в Вермахт.

14 февраля 1944 года Штефан Э. первый раз обратился с советской стороны через громкоговорители к своим бывшим сослуживцам из 550-го батальона. Стрелок Вильгельм А. вспоминал об этом: «Поначалу из пропагандистского динамика русских лилась музыка. Когда она закончилась, я услышал: «Внимание! Специально для первой роты 550-го батальона. Это говорит стрелок Штефан Э. В нашем батальоне погибло более 300 человек. Что еще нужно для нашей борьбы? Переходите к русским. Здесь отличная еда! Нас направят для работы на промышленные предприятия, обеспечат сытным пайком и дадут возможность поспать ночью. Нам даже позволят встречаться с женщинами. Первая рота состоит из 11 человек, 9 из которых ищут еду. Как в этих условиях можно наступать? И еще одно, я с удовольствием увидел бы вновь унтер-офицера Шпигеля!» Я не уверен, что дословно воспроизвел его речь. Но содержание я передал очень близко к тексту. Упомянутые Штефаном Э. 11 человек из 1-й роты были абсолютной правдой… Унтер-офицер Шпигель был ранен и с трудом мог выйти к своему отделению из блиндажа. Это был суровый баварский вояка, который любил рубануть в глаза правду-матку».

Рудольф 3., который 8 апреля 1944 года перешел на сторону Красной Армии, был лишь известен тем, что весной 1944 года был приговорен к тюремному заключению за членовредительство. В тюрьме он воспользовался возможностью и пошел в 550-й батальон. Пробыв в батальоне всего две недели, он сбежал. Ротный командир так объяснял поступок Рудольфе 3.: «На деле он оказался ненадежным и трусоватым. Его даже не могли охарактеризовать в роте, в которой он пробыл всего-то ничего».

Но если с осени 1943 года наблюдался рост случаев дезертирства, «предательства», «морального разложения», то эти процессы все равно не достигали того уровня, чтобы

поставить под угрозу внутреннее устройство батальона. Это можно доказать примером того, что в соответствующих актах не содержится негативных оценок 500-х батальонов. «Негативные» проявления были присущи всем фронтовым частям. Можно привести несколько примеров. 21 июня 1943 года штаб 3-й танковой армии стал отмечать «признаки разложения» в казачьих частях. А 22 июля 1943 года в документах той же части мы встречаем запись: «Полевая учебная дивизия на одну треть состоит из эльзасцев, жителей Лотарингии и Люксембурга. В их перлюстрированных письмах выявлены тревожные нотки. В многочисленных случаях они исходят не из германофильской позиции, а из необходимости тесной связи с Францией. Они радуются потерям, которые Германия несет в этой войне. Они ликуют по поводу каждого поражения. Во время высадки на Сицилии они в большинстве своем подчеркивают, что наконец-то вскоре закончится война». Похожие опасения звучали и в августе 1943 года: «Эльзасцы, жители Лотарингии и Люксембурга в значительной мере политически ненадежны. Поэтому направление этих частей на фронт является попыткой установить над ними жесткий контроль». Как показывали последующие документы, эта «попытка» закончилась полным крахом. 27 мая 1944 года дезертирство среди «западных» добровольцев достигло поразительных размеров. В документах 9-й армии, к которой в сентябре — октябре 1944 года был приписан 550-й батальон, содержится оценка различных инонациональных частей Вермахта и Ваффен-СС. «1-й и 2-й восточно-мусульманские полки СС, азербайджанские части и 3-й казачий полк, в равной степени, как и 501-й егерский батальон СС в силу изменившейся обстановки на фронте ослаблены настолько, что нет никакой гарантии, будут ли они выполнять отданные приказы».

Искать нечто подобное в 550-м батальоне — пустая трата времени. Единственный «неприятный» инцидент произошел лишь в марте 1943 года. Опишем его предельно подробно, так как этот единичный случай дает интересный материал для размышлений. В частности, он позволяет ответить на вопрос: в какой мере 500-е батальоны были задействованы в антифашистской деятельности.

27 марта 1943 года в журнале боевых действий 83-й пехотной дивизии появилась запись: «В 550-м батальоне бывший осужденный за грабеж застрелил своего командира отделения и трех солдат, а также тяжело ранил несколько человек. Так как убийца скрылся с места преступления, то все полевые комендатуры уведомлены о проверке подозрительных личностей». Тогда преступнику, которым был некий Фриц К., удалось скрыться. Его поймали уже после войны. В 1951 году за убийство четырех людей он был приговорен к 10 годам тюремного заключения. В документах Вермахта осталось лишь сухое упоминание о прошлом грабеже. Это слишком тусклая характеристика для жизни бывшего деревообделочника Фрица К. Сам он так описал обстоятельства грабежа, который он совершил в оккупированной Франции, будучи солдатом Вермахта: «В январе 1942 года во время увольнительной я и несколько моих сослуживцев шлялись по гостиницам. Мы были довольно сильно выпивши, когда обнаружили, что у нас закончились деньги. Мы располагались в одной из гостиниц Лилля. Так как, кроме нас, в гостинице не было никаких других постояльцев, то решили утащить деньги из кассы. Пока мой приятель держал хозяина гостиницы на мушке пистолета, я вынимал деньги из кассы. Всего там набралось около 35 марок». Когда суд приговорил Фрица К. не к 5 годам тюрьмы (как полагалось за грабеж), а всего лишь к 2 годам, то стало понятно, что 21 — летний юноша даже по представлениям суровых нацистских судей никак не попадал в категорию закоренелых преступников. После того как Фриц отбыл 8 месяцев тюремного заключения, он был направлен в батальоны. В январе 1943 года он должен был проходить «испытание» в 550-м батальоне. При распределении его зачислили в 3-ю роту. По высказыванию одного из солдат, у 3-й роты был самый отвратительный командир, так что попадание в нее уже само по себе было наказанием. Фрицу К. сложнее других удавалось привыкнуть к новой жизни. Он был недоволен плохим питанием, жестоким обращением, считал себя несправедливо осужденным, а потому все команды выполнял неохотно, если вообще

выполнял. Фриц К. неохотно общался не только с «уставным персоналом», но и сослуживцами из числа «испытуемых». Он постоянно ходил с грустным выражением лица. Неудивительно, что вскоре он прослыл в батальоне «белой вороной», человеком, который не хотел делать то, что делали другие. Его считали ненадежным солдатом. Его первый командир отделения 26 февраля 1943 года занес в записную книжку: «Не выполняет приказы, постоянно носит теплое пальто, замкнутый, сложно повести за собой». Сослуживцам действия Фрица казались бессмысленными, так как они не могли понять, как можно было так сильно мерзнуть. Во избежание конфликтов Фрица К. перевели в соседнее отделение. Но там проблем у него не убавилось. Новый ротный командир отказывался мириться с выходками «чудака». В то время как остальные воспринимали свою службу как нечто само собой разумеющееся, Фриц считал ее чудовищной. Возможно, военная служба вообще претила ему, как человеку с сильно выраженным чувством собственного достоинства. В любом случае, жизнь в роте он находил невыносимой. 26 марта 1943 года новый командир отделения набросился на него с угрозами. Как говорили очевидцы, «сукин сын», было самым мягким из ругательств, обрушенных на Фрица К. Суть сводилась к тому, что унтер-офицер грозился отослать Фрица туда, откуда он прибыл. Поводом для ругани послужил отказ Фрица направляться на колку дров. Он мотивировал это тем, что была не его очередь. В 1951 году он заявлял, что очень испугался угроз унтер-офицера: «Угрозы ввергли меня в депрессию. Можно сказать, что я был на грани отчаяния. Меня угнетал тот факт, что пришлось бы вернуться в тюрьму или еще больше времени провести в батальоне».

Ночью произошла трагедия, подробности которой полностью не выяснили даже после войны. Когда Фриц К. возвращался из караула в блиндаж, то, по его словам, произошло следующее: «Я смотрел, как командир моего отделения и еще двое или трое человек лежали на кроватях. Меня охватило отчаяние. Когда я увидел командира отделения, то вспомнил, что он сообщил мне. Мне стало как никогда плохо. Я поднял винтовку, прицелился и выстрелил ему в голову. Я сам не знаю, как это произошло. Унтер-офицер после выстрела так и остался лежать на кровати. Я видел, что пуля попала ему в висок. Только теперь до меня дошло, что я совершил. В тот же самый миг я увидел, как с кроватей стали вскакивать мои сослуживцы. Я начал стрелять в них. Я делал это, так как боялся, что они могут схватить меня. Я не могу точно сказать, сколько раз я стрелял в них. Однако я могу припомнить, что в третьего, который лежал на верхнем ярусе, я выстрелил, когда тот попытался спрыгнуть. Неожиданно в блиндаже стало тихо и спокойно. Я должен сказать, что в тот момент я просто потерял голову. Я распахнул дверь и рванулся наружу. В этот момент я увидел, что два солдата намеревались войти в блиндаж. Я отпрыгал обратно к стене. Мне удалось выстрелить первому. Один солдат тут же рухнул. Затем я выстрелил в другого солдата. Я не знал куда бежать — мысли путались. Тогда я метнулся на берег Дюны. Речку покрывал лед, так что мне удалось перебраться на другой берег. Там я заметил большой лес. Я бежал по нему. Как долго, я не помню. Я бежал, пока мог бежать. Затем я упал в густой кустарник, где пролежал до наступления темноты. Весь день я думал, как мне быть дальше. Сначала я задумал направиться домой. Однако позже я понял, что это невозможно. Так как мне негде было спрятаться, то я решил перейти на сторону русских. Когда стемнело, то я выбрался на дорогу и добрался до русской части».

То обстоятельство, что после расстрела сослуживцев Фриц К. вначале безрассудно побежал в глубь немецкого тыла, позволяет предположить, что у него не было проработанного плана бегства. А стало быть, его действия не были умышленными. Правильнее было бы вести речь о совершении преступления в состоянии аффекта. В документах 550-го батальона значилась лишь короткая запись: «Очевидный повод: разногласия с командиром отделения». Но был ли «очевидный повод»? К решительным действиям Фрица подтолкнул страх за свою жизнь, которой в тот момент угрожал унтер-офицер. Командир 3-й роты, в которой служил Фриц К., был обязан сообщить родственникам погибших о происшедшей трагедии. В письмах он ограничился словами: «Причины столь ужасного поступка остались неизвестными.

Преступник руководствовался своей кровожадностью». Понятие «кровожадность» скорее выражает беспомощность ротного командира, который не мог подобрать слов. Однако заявлять о «кровожадности» применимо к Фрицу К. было бы нелепо, скорее надо говорить об акте неприкрытого отчаяния в экстремальной ситуации, когда человек полагается лишь на инстинкты. Такие выводы подтверждаются «прощальным письмом», которое в 1951 году Фриц К. написал женщине, с которой за год до своего ареста успел сочетаться браком. Письмо проникнуто осознанием собственной вины и чувством человечности, что, наверное, недоступно кровожадному убийце:

«Моя дорогая Фридель!

Ты часто замечала, что меня что-то гнетет. Это тени прошлого, которые ожили и выдвинули против меня обвинение. Нет никакой надежды, так как данное обвинение вполне справедливо. Теперь я должен поплатиться за 5 минут своей жизни, когда потерял контроль над собой и позволил эмоциям взять верх над разумом. Мне тяжело оттого, что ты будешь страдать. Но, увы, я не смогу тебе помочь, хотя мне очень хотелось бы это сделать. Я благодарен тебе, Фридель, за то добро, что ты сделала для меня. Прости меня, пожалуйста, если я тебя расстроил, но я люблю тебя как собственную маму. Сегодня настал наш час расставания. В утешение я могу тебе сказать лишь одно, так как я понесу заслуженное наказание, то Бог не оставит тебя, и Он вознаградит тебя за любовь, за доброе сердце. Он дарует тебе спокойствие и сделает тебя вновь радостной и счастливой. Дорогая Фридель, не злись, пожалуйста на меня и не обижайся. Ты была самим дорогим, что у меня было в мире, но теперь я должен освободить тебя. Если нам будет суждено встретиться в будущем, то я буду сломанным стариком. Но ты и наш ребенок должны жить счастливо, дабы я не чувствовал себя еще более виновным».

Драматические события утра 27 марта 1943 года были всего лишь одной из человеческих трагедий, вызванных войной. Как видим, переход Фрица К. на советскую сторону не был ни в коей мере связан с его антифашистскими убеждениями. Он не состоял в Сопротивлении. Но все изменилось, когда несколько месяцев в советском плену он участвовал в организации национального комитета «Свободная Германия». Там он говорил, что готов к активной борьбе против фашизма, гак как «понял, что продолжение войны было безумием».

А что же происходило в этот период в 561-м батальоне? В апреле 1943 года на Восточный фронт прибыла последняя из пяти «испытательных частей» — 561-й батальон. Он был придан группе армий «Север», непосредственно подчиняясь командованию 18-й армии. В самой армии батальон был введен в состав 28-й егерской дивизии. Это почти элитное формирование весной 1943 года располагалось в болотистой местности к северу от Мги, поблизости от изгиба Невы. Подчинение 561-го батальона именно этой дивизии было вызвано предположением, что «по окончании распутицы русские должны были предпринять крупное наступление». Генеральное наступление русских, запланированное на май 1943 года, которое должно было снять блокаду с Ленинграда, являлось прекрасным поводом, который давал кучу «возможностей для прохождения испытания».

Однако ожидания офицеров из немецкого Генерального штаба не оправдались. До конца июня 1943 года на участке, куда был переброшен 561-й батальон, было относительно спокойно. Тогда генерал Верховного командования сухопутных войск по особым поручениям Ойген Мюллер в сопровождении адъютанта и имперского судебного советника 8 июня 1943 года прибыл на командный пункт 28-й егерской дивизии, дабы на месте обсудить оперативные вопросы «использования формирования», а заодно осведомиться об использовании «испытательного батальона». Собранные офицеры смогли привести в пример лишь одну небольшую операцию. 19 мая 1943 года в журнале боевых действий 28-й егерской дивизии было записано: «Разведгруппа 561-го батальона при соотношении сил 1:6 ликвидировала вражеский ДОТ, по собственной инициативе углубилась за линию фронта, уничтожила вражеский блиндаж и без потерь возвратилась назад, прихватив в качестве трофеев пулемет

и два автомата». К этому «военному успеху» добавлялся тот факт, что стрелок Адольф Б., рожденный на Украине, использовал относительное затишье и 9 мая 1943 года перешел на сторону Красной Армии. Несколько дней спустя с советских позиций из пропагандистского динамика на ломаном немецком языке стали доноситься следующие воззвания: «Немецкие солдаты! Ваш сослуживец Адольф Б. уже более двух недель находится у русских. Он работает по его профессии. Товарищи! Переходите на нашу сторону целыми группами. У нас вы ежедневно будете получать 600–900 г хлеба и трехразовую горячую пищу. Вы будете жить в теплых бараках. У нас имеется даже библиотека. Каждое воскресенье вы сможете посещать баню. Немецкие солдаты, прекращайте это безумие. Товарищи, идите к нам!»

В то время как 28-я егерская дивизия была направлена в резерв, 561-й батальон был переведен в состав 215-й пехотной дивизии, которая занимала позиции к юго-западу от Ленинграда под Красным селом. 23 июля 1943 года, когда в батальоне стали проявлять беспокойство, он был брошен на марш. За день до этого началось предполагаемое советское наступление, которое было нацелено прежде всего на захват Синявинских высот (мы упоминали о них в предыдущих главах). Для усиления располагавшейся в Синявино 11-й пехотной дивизии был послан не только 5612-й батальон, но и 28-я егерская дивизия. В этой связи командующий 18-й армией направлял следующее предупреждение к генералу Велеру из 26-го армейского корпуса: «Особое внимание уделите 561-му батальону и 28-й егерской дивизии, так как они еще не были в сражениях». Впрочем, данное предупреждение было излишним, ибо 561-й батальон смог показать себя в кровопролитных оборонительных боях. В конце июля и начале августа 1943 года 561-й батальон был переброшен на левый фланг 11 — й пехотной дивизии. Сразу же после прибытия на находящийся под угрозой участок фронта 561-й батальон занял позицию на так называемом поворотном треугольнике, с которого солдаты 23-й пехотной дивизии того гляди сбежали бы, «как зайцы». «Испытуемым солдатам», которые «сражались, как берсеркеры», удалось восстановить прежнюю линию фронта. О ходе этой фазы «третьей битвы за Ладогу» в западногерманской историографии сообщалось: «30 июля стало днем начала величайшего сражения. В 8 часов 10 минут на немецкие позиции в Синявино обрушился артиллерийский огонь… 4 августа после часового ураганного огня 2-му гренадерскому полку и 561-му пехотному батальону на левом фланге удалось отбить все волны наступающих. В некоторых случаях приходилось вступать в близкий огневой контакт».

13 августа 1943 года генерал Вел ер сообщал по телефону командующему 18-й армии: «561-й пехотный батальон особого назначения дрался очень хорошо». А за сутки до этого звонка, 12 августа 1943 года, Красная Армия предприняла решающее наступление совершенно в другом месте. В тот момент 11 — я пехотная дивизия была направлена на высоту 43,3. После того как предпринятые силами дивизии две контратаки захлебнулись в крови, на высоте был сконцентрирован 561-й батальон. При поддержке артиллерийской батареи и пяти огнеметов саперного батальона уже изрядно потрепанный батальон должен был отбить у Красной Армии высоту 43,3. Об этом эпизоде сохранилось следующее свидетельство: «Около полуночи советское наступление удалось остановить. В тот день 11-я пехотная дивизия второй раз за год фигурировала в сводках Вермахта. Сам командир дивизии издал приказ по части: отдельную благодарность выражаю 561-му пехотному батальону. Дивизия обязана им, которые благодаря смелым действиям в течение последних дней смогли ликвидировать кризисную ситуацию».

Как следовало из документов, после этой операции в батальоне осталось 110 человек, а 19 августа 1943 года их ждала очередная контратака. После нее боевой состав батальона сократился до 45 человек. После этого один офицер из штаба 18-й армии сообщал в 26-й армейский корпус: «Командующий хочет, чтобы 561-й батальон как можно быстрее отвели с передовой, пока его полностью не уничтожили». Оказавшись в резерве, в августе 1943 года 561-й батальон был пополнен 450 людьми.

Именно в это время стали появляться первые «заявления о помиловании» и первые решение о реабилитации. В то время батальону достался достаточно спокойный участок фронта, который был ограничен берегом Невы. Тем временем советским войскам удалось захватить высоту 43,3 и высоту 50,1, углубившись в немецкие позиции. Что это значило для стратегического положения 18-й армии, описывал Бернхард Кранц: «Круто возвышающаяся над болотами с севера высота позволяла просматривать всю территорию вплоть до Ладожского озера. В случае ее утраты сам собой решался вопрос Синявинских высот. Полная потеря этой территории имела для немецкой обороны катастрофические последствия. Всю обратную сторону фронта можно было просматривать с господствующей высоты 50,1, которая, правда, не давала возможности контролировать берег Ладожского озера. К западу от высоты 50,1 был создан оборонительный рубеж. Однако существует опасность того, что при последующих атаках он будет прорван, а высоты утрачены… Вражеское наступление на высоту 50,1 постоянно усиливается. Лавины бомб, обрушенные на передовую, не вызывают сомнения, что прорыв обороны является всего лишь вопросом времени. Чтобы не дать противнику такой возможности, с флангов предпринята контратака, которая должна устранить угрозу для высоты 50,1. Она должна выпрямить фронт и открыть новые возможности для обороны».

Для этой контратаки, которая должна была состояться в ночь с 23 на 24 сентября 1943 года, был выбран 561-й пехотный батальон. В ожесточенной борьбе батальону все-таки удалось разжать клещи Красной Армии и отбросить ее с высоты. Это была последняя «немецкая победа на Синявинских высотах». А тем временем в приказе по 28-й егерской дивизии подчеркивалось: «Еще в темноте после сильнейшей огневой подготовки превосходящие силы противника с двух сторон начали наступление на высоту 50,1. Атака была сломлена артиллерийским огнем. Ворвавшиеся на высоту части неприятеля были уничтожены или взяты в плен. К этой успешной обороне в равной степени причастны 49-й, 83-й егерские полки, 28-й разведывательный батальон, 561-й пехотный батальон особого назначения, а также артиллерийские части. В решительном контрнаступлении 561-му пехотному батальону, частям 49-го егерского и 151-го гренадерского полков удавалось устранять опасную фланкировку высоты 50,1. Несмотря на мощь атак, вражеское наступление так и не достигло своей цели. Враг, который в широко задуманном наступлении по всему фронту южнее Ладожского озера хотел захватить решающую высоту 50,1, был уничтожен. Моя личная благодарность выносится 561-му батальону, участвовавшему в контрнаступлении».

Командир батальона Метцгер так и не был награжден Рыцарским крестом. Впрочем, большинству боевого состава достались обыкновенные березовые кресты, установленные на их могилах. Сам командир батальона отметил это в дневнике короткой фразой: «После этого сражения батальон недосчитался многих солдат». По состоянию на 1 октября 1943 года в батальоне было 445 «вакантных» мест. Однако некоторые из них занимали раненые, которые, выздоровев, возвращались из полевых госпиталей. Вильгельм Викциок, который, будучи унтер-офицером, принимал участие в событиях лета 1943 года, в тот момент констатировал, что «солдаты испытательного батальона готовы для самого различного использования». Спустя 50 лет он выражал несколько иную точку зрения: «В то время, как мы уже после битвы пересчитывали наших мертвецов, другие, страшно далекие от войны, подсчитывали барыши. Они хотели извлечь выгоды любой ценой, даже ценой жизни хороших людей».

После окончания третьего оборонительного сражения к югу от Ладожского озера 561-й пехотный батальон был вновь временно отозван с передовой. Он был направлен в Вайю, куда в первой половине октября 1943 года должно было прибыть пополнение. Несмотря на то, что во всех документах Вермахта 561-й батальон характеризовался исключительно хорошо, 8 октября 1943 года в Вайе был казнен один из «испытуемых солдат». В армейских верхах решили, что этот приговор, приведенный в исполнение перед всем батальоном, должен послужить «устрашению и подъему духа в испытательных командах». К смерти был приговорен Эдуард Р., которого уже в свое время судили за дезертирство и преднамеренную порчу

казенного имущества. На этот раз ему повторно инкриминировалось дезертирство и трусость во время боя. В юридическом заключении о поведении этого солдата сообщалось, что он не проявлял никакого интереса к прохождению «испытания» и вместо принятия «геройской смерти» предпочел скрыться с поля боя: «Вечером 30 июля во время тяжелых оборонительных боев, которые вел испытательный батальон в районе Синявино, подсудимый должен был оказаться на передовой. Вместо этого искусными уговорами он послал вперед своего сослуживца, а сам вместе с несколькими приятелями направился в тыл, чтобы принести горячую пищу и продуктовый паек. На обратном пути он отказался от получения пайка. Под этим предлогом он направился к дороге, где поймал грузовик, идущий до Лесья. От Лесья он направился в Нетшеперт, где встретил ефрейтора из испытательной строительной роты. Он признался ефрейтору, что самовольно оставил часть и пробирается домой. Ефрейтор присоединился к подсудимому».

Воспитательным дополнением к «ужасному спектаклю», которым являла собой казнь, стали многочисленные Железные кресты, которые вручались уставному персоналу и «надежным» солдатам. Приложением к наградам стали первые «заявления о помиловании». В документах 18-й армии сохранилось около 60 подобных заявлений от солдат 561 — го батальона. Почти все они датированы июлем, августом или сентябрем 1943 года. Но если посмотреть на количество погибших, то обнаружим, что одно «заявление о помиловании» приходилось на девять-десять убитых «испытуемых солдат».

В середине октября 1943 года 561-й батальон был переброшен на Волховский фронт. Там он опять попал в состав 28-й егерской дивизии. Ему предстояло удерживать участок в 15 километрах на север от Новгорода. Тем временем в ноябре 1943 года в батальон подвезли пополнение. Это был редкий случай, когда батальон был переполнен — в нем стало числиться 1300 человек. 11 декабря 1943 года батальону предстояла крупная наступательная операция. Хорст Войт, бывший тогда командиром 4-й роты, писал, что минометным огнем предполагалось подавить русские позиции. «28-я егерская дивизия должна была уничтожить русские укрепления в деревне Теремец, после чего 561-й батальон должен был продолжить наступление. Операцию предполагалось провести силами 120 солдат и унтер-офицеров. Добровольцев, желающих участвовать в операции, оказалось больше, чем требовалось. Тактическое руководство операцией, в которой принимали участие две ударные группы, было возложено на штаб 28-й егерской дивизии. Первую группу возглавил командир 1-й роты лейтенант Куссмауль, командование второй группой было поручено опытному унтер-офицеру из состава егерской дивизии… Операция была успешной. Во время ее не было больших потерь. О ней даже было упомянуто в сводках Вермахта. Новый командир дивизии, генерал-майор Шпет, выразил свою признательность участникам операции».

Сохранились сведения и о потерях во время этого наступления: «Силам советского укрепленного пункта, который был накрыт огнем во время принятия пищи, нанесен огромный урон. Оборона была сломлена во время близкого огневого контакта и последующей рукопашной схватки. Было разрушено около 30 блиндажей. После молниеносной атаки ударные группы восстановили прежнюю линию фронта». Поскольку количество добровольцев, изъявивших желание участвовать в этой операции, было очень большим, то этот факт, без сомнения, свидетельствует о высокой боеготовности, присущей большинству солдат гарнизона. Между тем подобные оценки выглядят полной противоположностью на фоне сообщений о советской наступательной операции по освобождению Новгорода, которая началась 14 января 1944 года. Город был взят в клещи, причем наступление с севера пришлось именно на 28-ю егерскую дивизию. О начале сражения, которое началось с ураганного огня, открытого Красной Армией, в журнале боевых действий 18-й армии сообщалось: «14января 1944 года. Майор В. докладывает обстановку. На побережье озера Ильмень около 1000 человек движутся на север в направлении Новгорода. 1-я саперная рота при поддержке штурмовых

орудий выходит на восточный фланг вражеской группировки. 561-й батальон сражается отвратительно».

Впрочем, Хорст Войт «опровергает» подобные оценки, называя их в своих статьях «беспардонной наглостью». Бывший ротный командир в качестве доказательства приводит лишь высказывания своих выживших солдат — сам он во время этого сражения находился в отпуске. Обобщая их, он приходит к выводу: «На самом деле прорыв нашей обороны произошел при многократном превосходстве русских. К тому же в том бою был убит командир 2-го батальона 83-го егерского полка капитан Этцель. Наши 1 — я и 2-я роты занимали высоту 18,7, когда на дороге из Подберезья появились иваны. Батальон по команде был отозван назад. Хотя наверху решили, что подобного приказа не было».

Хотя в рамках этой книги совершенно неважно, была ли информация Войта правдивой, или же он просто пытался защитить честь мундира. Куда более важно установить, было ли возможно, что в начале 1944 года один из 500-х батальонов оказался небоеспособным. Попытаемся ответить на этот вопрос далее по ходу нашего повествования.

Об истинности утверждений Хорста Войта в определенной мере говорит журнал боевых действий 18-й армии. В нем говорится об атаке с севера из Заполья. В 18 часов путь наступающим советским частям преградил 2-й батальон 83-го егерского полка. Нет никаких сомнений, что удар пришелся и по позициям 561-го батальона, но тем не менее оценка «сражается отвратительно», кажется небесспорной. Вильгельм Викциок, который попал в советское окружение, подобно Хорсту Войту оценивал запись в журнале боевых действий как «редкостную дерзость». Частичное отступление батальона он объясняет многократным превосходством наступающих советских частей: «Русские двигались такой лавиной, что стрелять было просто бессмысленно. Можно было убить некоторых из них, но это единственное, что можно было сделать в той ситуации. Это была человеческая стена. В 1944 году мы больше не могли противостоять такой мощи. Мы видели, что война была проиграна».

Не менее трезвое изображение тогдашних событий дается в документах разыскной службы Немецкого Красного Креста. В них говорилось о судьбе пропавших под Новгородом без вести солдат 561-го батальона: «14 января 1944 года советские части нанесли мощнейшие удары по немецким позициям к северу от озера Ильмень. В течение следующих дней им удавалось прорвать немецкий оборонительный рубеж в нескольких местах и соединиться с частями Красной Армии, продвигающимися на юг. В это время 561-й пехотный батальон был направлен на Волховский фронт в окрестности Подберезья, в 6 километрах на запад от которого располагалась дорога из Новгорода в Чудово. Когда 14–15 января противник в районе местечка Витка форсировал замерзший Волхов и направил удар на северо-запад, то батальон оказался перед угрозой окружения. После тяжелых боев этой угрозы удалось избежать. Бои шли в расположенных у Волхова деревнях Муравьи и Германово, а также на покрытой лесом территории между деревнями Уголки и Водское, и западнее насыпной дороги у села Большеводское, в 4 километрах южнее Подберезья. 16 января противник занял эти территории. Ослабленный высокими потерями батальон отступил по дороге в сторону Витки и Кольмево, а затем частично был переброшен по железной дороге от Новгорода в сторону Луги. Когда 20 января Новгород пал, части 38-го армейского корпуса были вынуждены отступить на 60 километров на запад в сторону Луги. При этом батальон прикрывал пути отхода в районе Березового и Вашково, лежащих в 15 километрах западнее Новгорода. При этом самому батальону было затруднительно выбраться из окружения. В начале февраля до Луги добрались лишь его остатки. В ходе этих боев 561-й батальон недосчитался огромного количества солдат».

Как видим, некоторые из «испытуемых солдат» позже воссоединились с частями Вермахта. Многие из сослуживцев, видя превосходство Красной Армии, предпочли сдаться в плен без боя. Так, Вильгельм Викциок сообщает о солдате Эрихе С., который перешел на советскую сторону, когда началось наступление. Он просто бросил оружие и поднял руки.

«Никто не мог бы его осудить, так как батальон был почти полностью уничтожен». В одном случае сообщение о перебежчике дошло аж до Берлина. Речь шла о Фрице Х., который прибыл в батальон 27 января 1944 года. На тот момент батальон состоял из 24 человек. Реально оценив ситуацию, 30 января Фриц Х. добровольно сдался в плен красноармейцам. Наконец, Вильгельм Викциок упоминает, что непосредственно перед советским наступлением «испытуемым солдатам» перестали доверять. «В то время из секрета исчез один из наших людей. С этого момента ни одного из испытуемых солдат не направляли в караулы». Исчезнувшим солдатом мог быть берлинский житель Ганс Г., который в списках потерь батальона значился 24 декабря 1943 года как «вероятный перебежчик».

Несколькими неделями раньше один из солдат 1-й роты прострелил себе ногу, чтобы покинуть передовую. Как ни странно, обвинение против него было выдвинуто не по статье «членовредительство», а по статье «подрыв боеспособности». В то же самое время из батальона дезертировал солдат Валентин Б. Его поймали и казнили так же, как и двух других солдат-дезертиров.

Указанные случаи сами собой наталкивают на мысль о том, что с конца 1943 года боевой дух в 561-м батальоне был подорван. А указанные эпизоды были лишь признаками «разложения части». Тем не менее в своих книгах Ганс-Петер Калуш приходит к выводу о том, что потери, которые батальон нес в январе 1944 года (убитые, раненые, дезертиры, добровольно сдавшиеся в плен и т. д.), никак не повлияли на настроения в батальоне, точнее, не изменили их коренным образом. А потому 561-й батальон, несмотря на многократное превосходство советских войск, продолжал мужественно обороняться.

Размах зимнего наступления 1944 года привел не только к снятию блокады с Ленинграда и освобождению всех примыкающих с юга к городу территорий, но и вызвал изменения в структуре группы армий «Север», что в свою очередь привело к тому, что остатки 561-го батальона были направлены из 18-й в 16-ю армию.

В феврале 1944 года обломки некогда самого из многочисленных 500-х батальонов были сняты с фронта. Их перевели в глубокий тыл, в Латвию, куда прибывало очередное пополнение из Скерневице. Для того чтобы полностью восстановить штатную численность батальона, потребовался не только месяц, но и перевод в 28-ю егерскую дивизию, которая стояла в Невеле. И лишь в середине апреля 1944 года подлатанный 561-й батальон был направлен в район Криухи. Хост Войт пишет об обстановке в батальоне на тот момент: «Так как продолжалось вражеское наступление к северу от Невеля, особенно в истоках реки Великая, что ставило под угрозу связь между севером и югом, командование 28-й дивизии решило передислоцировать 561 — й батальон в место наиболее вероятного наступления близ города Пустошка… по мере улучшения погоды началась ожесточенная борьба за отдельные высоты, которая велась, прежде всего, силами 1-й и 2-й рот 561-го батальона. Так как батальон принял пополнение, то он без проблем справился с поставленной задачей… в 5 часов утра 23 апреля 1-я рота атакует русских, а к 6 часам захватывает одну из высот. Так как с этой высоты как на ладони видны все вражеские позиции, то неприятель не может смириться с ее потерей. Около 8 часов утра русские предприняли контратаку, им удается отвоевать эту позицию… Окопы и траншеи перекапываются тяжелой артиллерией. На их месте возникает поле, состоящее из одних воронок. Русские и немцы нередко лежат в соседних воронках, так что можно добросить до врага не только гранату, но даже слышать разговор. Ежедневные и ежечасные бои выматывают солдат. Особенно плохо они действуют на психику… 21 и 22 мая особенно врезались в память. Командование 23-й дивизии потребовало взять высоты, дабы устранить угрозу для фронта. Имея определенный опыт, командир батальона пытается отговорить от этого приказа, так как имеющимися силами захватить высоту невозможно. Его доводы не принимаются в расчет. Батальон начинает подготовку к операции. 1 — я рота разработала неплохой план по захвату высоты. Русские отброшены. Их потери, кажется, не позволяют предпринять контратаку… Но на следующее утро русские обрушили на три роты ураганный

огонь артиллерии и пустили в дело тяжелые пехотные части. Несмотря на героическую оборону, высоту отстоять не удалось. Снова огромные потери — 75 убитых и множество раненых». В этом сообщении ни одного слова не сказано о том, что многим из солдат надоела эта бойня, и они добровольно сдались Красной Армии, предпочтя закончить свою войну. 7 мая 1944 года на советскую сторону перешел солдат Йоханнес С. 22 мая его примеру последовали Рудольф С., Иоганн Кв. и Йозеф М. Примечательно, что как минимум двое из троих перебежчиков были так называемыми фольксдойче и происходили из земель, оккупированных гитлеровской Германией. Также 3 июня и 15 августа 1944 года были казнены Фридрих Р. и Йозеф Г. Тем не менее надежность батальона не была поставлена под сомнение. Впрочем, это не исключает того, что большинство солдат перестали испытывать прежний энтузиазм. Они видели безвыходность сложившейся ситуации, которая нередко сопровождалась проявлениями панического страха перед советским наступлением. Еще не было известно, что вызвало в их душах больший ужас: приговоры военно-полевых судов или возможность попадания в советский плен. Однако воспоминания офицеров 329-й пехотной дивизии, в которую в тот момент входил 561-й батальон, говорили о том, что батальон оставался вполне действенной боевой единицей. Очевидные «признаки разложения» не мешали ему вести летом 1944 года тяжелые бои, когда немецкая группировка отступала из Латвии. Нижеприведенное суждение разыскной службы Немецкого Красного Креста является документом, который дает хорошее представление об общей обстановке, ходе этих боев и судьбе пропавших без вести: «В ходе летнего наступления 1944 года Красной Армии удалось в середине июля нанести удар по Плескау, а также прорвать немецкую линию обороны южнее Острова в направлении Опочки. Прорыв был совершен одновременно в нескольких местах, и 18-я армия оказалась отрезанной от примыкающей к ней с юга 16-й армии. Чтобы избежать окружения, 561-й пехотный батальон в тяжелом бою под Барановчиной, что лежит в 50 километрах на юг от Опочки, 17 июля 1944 года был вынужден отступить и начать движение на запад. Сначала он занял позицию в Зилупе, но это длилось только день. Арьергард, который южнее Росенау удерживал путь на Зилупе, смог отбить у партизан одну из областей. 20 июля позиции батальона были перенесены на север от озера Нирца. Но уже на следующий день при поддержке тяжелой артиллерии и танковых и летных частей противник атаковал по направлению от Нирцы к Лудзе. Ночью линия фронта отодвинулась к Столерово. Следующий бой был принят 26 июля у Ратиников, что лежат к югу от Резекне. Когда силы 4-й гвардейской дивизии глубоко вторгались в немецкие позиции, то батальон был вынужден ночью оставить свои позиции и форсированным марш-броском миновать горящий Резекне, заняв новые позиции на краю болота у Тайка». Западногерманские авторы писали об этих боях: «При обороне от наступавшей 4-й советской гвардейской дивизии 20–21 июля особенно отличился 51-й батальон, который пытался противостоять наступлению. Солдаты этого формирования имели большой боевой опыт». Однако если верить сводке командования 18-й армии, то к сентябрю от всего 561-го батальона осталось только 15 человек.

А теперь обратим свой взгляд на 540-й батальон, который в январе 1943 года был почти полностью уничтожен на Синявинских высотах. Остатки батальона были возвращены под Ленинград уже после окончания «второго сражения за Ладогу», в марте 1943 года. Пополненный батальон бросили на плацдарм в Грузино, который во всех немецких частях к 1943 году вызывал тихий ужас. 540-й батальон удалось доставить на место лишь ночью при помощи надувных лодок, которым надо было преодолеть около 300 метров водной поверхности. Герберт Т, который в августе 1943 года как офицер резерва был направлен в 540-й батальон, так описывал условия пребывания в этом «пропащем месте»: «Командир 4-й роты совершил вместе со мной обход позиций батальона. Главное было не делать резких движений. Весь плацдарм состоял из трех небольших холмов. Все они были удалены от берега едва ли на расстояние в 100 метров. По своей форме плацдарм напоминал эллипс. Можно без проблем было даже высчитать его площадь. Обер-лейтенант Хо предусмотрительно сказал

мне, что все, что говорилось на одной стороне, эхом долетало до другой стороны позиций… На северо-востоке, там где стыковались 2-я и 3-я роты, на колючей проволоке висели останки советских солдат. Эта ударная группа должна была отбить собственные траншеи, но была брошена на произвол судьбы… В центре холма находились глубокие укрепления, в которых можно было прятаться во время артиллерийских обстрелов… Мне говорили, что русские простреливали весь плацдарм. Стоило шевельнуться, как тебя могли подстрелить… Батальон лежал на плацдарме у Грузино, пользующемся самой дурной славой на всем Волховском фронте, более одного года. Перерыв наступал лишь в январе 1943 года, когда батальон был перекинут для отражения советского наступления на Синявинские высоты. Там он был почти полностью уничтожен».

То, какую «кровавую цену» заплатил батальон на холмах у Грузино, можно высчитать посредством изучения документов. После того как 1 февраля 1943 года в батальоне недоставало 435 человек, 1 апреля 1943 года это количество было сокращено до 49 человек. Недостаток был восполнен транспортом с выздоровевшими солдатами, которые в начале весны прибыли из Скерневице. В течение последующих месяцев транспорты с пополнением приходили не один раз, но это не меняло ситуацию — потери росли, а численность батальона так и не могла полностью восстановиться. По состоянию на 1 июня 1943 года в батальоне недосчитывалось 130 человек, 1 августа 1943 года количество «вакансий» выросло до 283 человек. Герберт Т. в своих мемуарах писал, что несмотря на огромные потери и трагедию на Синявинских высотах солдаты батальона производили хорошее впечатление, они были дисциплинированны и готовы к «прохождению испытания». «В окопах ходили только в касках, но при этом отдавали честь, соблюдали субординацию. Крепкая часть. Несмотря на маленькое пространство, занимались строевой подготовкой (!) На годовщину Октябрьской революции солдаты 1-й роты установили перед русскими позициями флаг со свастикой. Установить его было не так уж сложно, но забирать обратно было опасно. Политика здесь, политика тут! Вообще я хочу сказать, что солдаты очень серьезно относились к прохождению испытания. За все предыдущее время я не познакомился ни с одним человеком, про которого можно было сказать, что он мог бы перебежать на сторону врага. Теперь же мы валялись в грязи Восточного фронта, и русские периодически зазывали нас на свою сторону… Медленно, но неуклонно приближался момент зимнего наступления русских. Тех, кто вспоминал прошлый год, охватывало беспокойство. У Грузино мы лежали под градом пуль и постоянно несли потери. Но любовь к родине в какой-то мере нас защищала. Но мы чувствовали, что война накрывает нас своим забвением. Эта неизвестность вскоре отступила. 8 января 1944 года нас сняли с этого проклятого плацдарма».

Перевод батальона был непосредственно связан с ожидаемым советским зимним наступлением, которое должно было снять блокаду с Ленинграда. Как уже случалось в январе 1943 года, год спустя, в январе 1944 года, 540-й батальон был вновь направлен на Синявинские высоты. От Чудово до Мги транспортировка шла по железной дороге, а затем на грузовых автомобилях. Об этом последнем отрезке пути Герберт Т. писал: «Я сидел в кабине водителя, а потому видел наш путь. Слава богу, наши воины многого не видели. Тот, кто когда-нибудь ездил по этой гати на передовую, никогда не забудет этой дороги. Солдатское кладбище сменялось другим солдатским кладбищем. И так по обеим сторонам дороги. Деревянный крест следовал за деревянным крестом! Фантазия рисовала ужасные картины будущего. Вдруг в кузове за мной раздался выстрел. Было ранено три солдата. Их выгрузили. Я не знаю, был ли это «самострел» и попали ли они под трибунал. Последние километры пришлось двигаться пешком».

Уже на передовой солдаты 540-го батальона обнаружили, что они располагались отнюдь не в окрестностях Синявино. Это произошло потому, что советское наступление, в отличие от прошлых лет, не было фронтальным, нацеленным именно на Синявинские высоты. Красная Армия наступала с двух сторон, намереваясь взять в клещи немецкие части. По этой причине

армейское руководство решило направить 540-й батальон наодин из самых опасных участков, который располагался юго-западнее Ленинграда. Именно сюда пришелся 14 января удар 2-й советской ударной армии, которая наступала из Ораниенбурга в южном направлении, и 42-й армии, которая из Ленинграда начинала атаку на левом фланге 18-й немецкой армии. Уже знакомая нам разыскная команда Немецкого Красного Креста сообщала в одном из документов: «Основные бои шли у местечка Кипен, которое располагалось в 30 километрах юго-западнее Ленинграда. Оно защищалось силами 126-й пехотной дивизии и направленного сюда 540-го батальона. 19 января в пяти километрах на север у Ропши произошла встреча двух наступающих советских армий, 126-я пехотная дивизия и подчиненный ей 540-й гренадерский батальон оказались в окружении. Следующей ночью в тяжелом бою немецким частям удалось прорвать кольцо и вырваться на юг в направлении Гатчины и Вохонова. Вернувшиеся в Германию сообщали об этом эпизоде: «Это был самый тяжелый бой, который только удалось пережить. Все роты продвигались по отдельности и гибли в наступлении. Самые большие потери были в 15 километрах от Гатчины. До конца месяца в тыл в Нарву смогли добраться лишь остатки дивизии». В ходе этих боев самые большие потери нес 540-й батальон».

Из документов 18-й армии следует, что 540-й батальон за какие-то полторы недели потерял более 500 человек. По состоянию на 21 января 1944 года в нем числилось всего лишь 40 человек. Сообщение Герберта Т. позволяет заключить, что столь высокие потери были именно следствием ожесточенных боев, а не результатом добровольной сдачи в советский плен. Бывший солдат 4-й роты 540-го батальона после войны написал: «Мы на протяжении трех дней меняли свое местоположение, пока, наконец, не пересеклись с фельдфебелем Швабом. Мы намеревались поискать в блиндажах хоть какие-нибудь припасы, а затем дальше направляться в путь. Но на полпути нас накрыла русская артиллерия. Мы, подобно дикарям, панически бросились обратно в траншеи. Центр удара пришелся правее, где располагалась 3-я рота. Здесь русские просто сровняли с землей все укрепления. А затем пошла русская пехота. Мы пытались отстреливаться, но русские смяли нашу оборону. Тогда наша артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. Мы пошли в контратаку, в ходе которой был убит ротный командир. Русские без труда отбили наше наступление. Мы оказались в собственных окопах, где все смешалось. Почти все мои сослуживцы были убиты. Кто-то лежал в блиндаже, а кто-то перед ним. Я никогда не забуду безумного взгляда выживших солдат, чья белая зимняя униформа была бурой от грязи… На нашем участке русским так и не удалось достичь крупного успеха, но фронт под Ленинградом рухнул. Первыми драпанули летчики. В те дни 2-ю полевую дивизию Люфтваффе у нас называли не иначе как 2-й беглой дивизией. Когда после двух дней ожидания ничего не произошло, мы стали отступать».

В течение месяца почти полностью уничтоженный батальон был пополнен. Последнее пополнение пришло в начале июня 1944 года. А несколько дней спустя, 12 июня 1944 года, из штаба 18-й армии пришел приказ: «Было бы целесообразно отложить использование 540-го на 10 дней, после чего направить его в состав одной из действующих частей». Важное задание для батальона было найдено сначала в составе 83-й, а затем 21-й пехотных дивизий. Батальон опять бросили на самый сложный участок, поэтому не было удивительным, что в августе его опять отозвали с фронта для пополнения. На этот раз в качестве пополнения выступили остатки двух «испытательных батальонов» Люфтваффе. После этого 540-й батальон фактически всегда оставался на передовой. В то время батальон являлся неким «заградительным отрядом», который принимал быстротечные бои. В сентябре 1944 года в одном из документов Немецкого Красного Креста говорилось: «В августе 1944 года превосходящие советские силы оттеснили 18-ю армию на запад Латвии. В сентябре 1944 года она вынуждена отступить в Ригу. Положение группы «Север» настолько критическое, что обе армии вынуждены отступить из Риги в Курляндию. В ходе этого отступления 20-й армейский корпус в составе 2-й дивизии и 540-го гренадерского батальона, который является оперативным резервом, должны были занять окрестности Тёрва-Валька, когда противник

атаковал восточнее Эмбаха, в районе озера Вриц и Валька. Советским пехотным и танковым частям, которые постоянно пополняются свежими силами, удалось прорвать фронт в нескольких местах. К югу от Тёрвы 540-й гренадерский батальон, избегая угрозы окружения, был вынужден отступить в Эргеме, что лежит в 15 километрах на северо-запад от Валька. В ходе тяжелых боев 19–20 сентября 1944 года батальон был разбит. Связь между остатками отдельных рот потеряна».

В октябре 1944 года было принято решение, что остатки 540-го батальона будут преобразованы в 285-ю «испытательную команду». В ноябре 1944 года из обломков этой команды и 560-го батальона будет создана 539-я «испытательная команда».

В конце 1944 года разложение батальонов стало необратимым процессом. Если посмотреть на документы, то мы увидим, что за период начало 1942 года — середина 1944 года в квартал регистрировалось от одного до трех случаев дезертирства. В конце 1944 года по этой статье в квартал выносилось не менее 15 приговоров. За первый квартал 1945 года количество приговоров дезертирам достигло 27. «Процессы разложения» выражались и в неуклонно растущем количестве перебежчиков, что было присуще всем батальонам. Все это вело к снижению боеспособности батальонов.

Когда 29 августа 1944 года генерал-полковник Шёрнер, назначенный командующим группой «Север», отдал приказ о расстреле двух унтер-офицеров и семи солдат из состава 563-й народно-гренадерской дивизии, то это показательное мероприятие имело своей целью сохранить дисциплину в данной части. Не менее жесткие меры принимались и в отношении Испанского легиона, элитного формирования, которое было известно под названием «Голубая дивизия». Испанцы стояли как раз по соседству с 561-м и 540-м батальонами. Поведение испанцев, которые постоянно находились в резерве, неприятно поражало немцев. В одном из документов открыто подчеркивалось: «Принимая во внимание политические события, кажется необходимым особо обратить внимание на поведение испанцев». Уже 5 января 1944 года командование 18-й армии сообщало о состоянии Испанского добровольческого легиона: «После отзыва испанской добровольческой дивизии с фронта более 100 человек необходимо отправить обратно в Испанию. В основной массе это люди, которые имели дома определенные трудности, а поэтому в качестве выхода они решили вступить в легион. Среди них затесались ненадежные элементы. В прошлом отбор добровольцев осуществлялся более тщательно. Есть надежда, что под решительным руководством полковника Наварро Испанский легион будет очищен от ненадежных элементов. Вне всякого сомнения, легион не дорос до уровня, чтобы применять его в боевых действиях, сопровождающихся мощной артподготовкой, а также в оборонительных боях против танковых частей».

А две недели спустя генерал Матцки, командующий 28-м армейским корпусом (в который на тот момент входил 540-й батальон) сообщал: «Испанцев не надо использовать в боях. Прошу об их удалении из корпуса». Эта просьба подтверждалась журналом боевых действий 18-й армии: «26 января 1944 года. Армия сообщает в штаб группы о намерении эвакуировать Испанский легион в Плескау, где предоставить его в распоряжение штаба группы армий. Причина этого кроется в том, что вопреки ожиданиям офицеров, из легиона не удалось воспитать сплоченную боевую часть. В результате 3-недельного использования у испанцев были выявлены лишь недисциплинированность и ненадежность. По мнению штаба армии, дальнейшее использование легиона может привести к тяжелейшим военным последствиям».

В итоге было решено заменить испанцев 500-ми батальонами, которые несмотря ни на что продолжали считаться надежными, боеспособными формированиями, которые в некоторых случаях даже приобретали специфический «элитный» характер. Хотя в батальонах с самого начала имелись такие солдаты, которые по разным причинам стремились к тому, чтобы избежать участия в боях. Но даже при безусловном росте «подрывных настроений» они не могли серьезно угрожать дисциплине в батальонах.

Глава 3

Изменения в системе наказаний

20 июля 1944 года непосредственно после провала покушения на Гитлера, организованного Клаусом фон Штауффенбергом, Генрих Гиммлер по приказу фюрера был назначен командующим армией резерва. В западной и отечественной историографии нередко подчеркивают, что назначение Гиммлера на пост командующего армией, на котором он сменил причастного к заговору генерал-полковника Фромма, было следствием провалившегося заговора, трагической ошибки, которая спасла жизнь Гитлеру. В этой связи делался акцент на утверждении, что интересы армейских кругов расходились с интересами НСДАП и подчиненных партии СС. Но почему-то никто не учитывал тот факт, что именно армейские круги настаивали задолго до покушения на Гитлера на новом назначении рейхсфюрера СС. Принимая во внимание неуклонно растущие потери на Восточном фронте, 30 июня 1944 года начальник генерального штаба Цайтцелер настоятельно рекомендовал фюреру назначить Гиммлера на должность «диктатора», в сферу деятельности которого входило командование армией резерва и проведение повальной мобилизации, которая, по мысли генерала, могла способствовать успеху «тотальной войны». Назначение Гиммлера на новый пост значительно расширяло возможности немецкого репрессивного аппарата. Это фактически означало стирание грани между тремя столпами Третьего рейха: НСДАП, СС и Вермахтом. Стоит напомнить, что одновременно с назначением Гиммлера новый пост получил и Геббельс, который стал Имперским уполномоченным по ведению тотального военного использования. В их задачи входила предельная мобилизация всех имеющихся в Германии сил.

Как и стоило предполагать, не обошли стороной изменения и в военной системе исполнения наказаний. Перемены произошли в сентябре 1944 года по личной инициативе Гиммлера. Первое мероприятие, касавшееся осужденных военными судами, относилось к управлению Эмсовскими лагерями. 5 сентября 1944 года Гиммлер отдал приказ военным судам армии резерва. В нем говорилось, что исполнение наказаний без каких-либо исключений должно быть ориентировано на ведение войны.

«1. Солдаты и военнослужащие, которые были приговорены к тюремному заключению или приравненному к нему наказанию, ведущему к потере гражданских прав, отныне не должны передаваться для приведения в исполнение наказания в руки общей юстиции. В будущем они должны передаваться

а) либо в арестантские роты полевых арестантских подразделений,

б) либо переводиться тайной государственной полицией в концентрационные лагеря для отбывания трудовой повинности.

Решение о виде приведения в исполнения наказания выносится соответствующим командующим или судьей.

Осужденные, ранее переданные в руки общих органов власти, должны безотлагательно вручаться командованию военных округов».

Хотя процитированный выше приказ поначалу относился только к частям армии резерва, постепенно его действие распространилось на все воюющие части сухопутных сил, а позже части Люфтваффе и военно-морского флота. Впредь все осужденные солдаты и офицеры направлялись не в Эмсовские лагеря, где у них была возможность завербоваться в 500-е батальоны, а в заново созданные полевые арестантские подразделения, которые, как видно из приказа, состояли из арестантских рот. Подобный шаг позволял с самого начала использовать арестантов в военных целях. Теперь у осужденных не было перспективы прохождения «испытания». Новый вид наказания в документах значился как «промежуточное заключение II». Это правило касалось фактически всех заключенных Эмсовских лагерей. «Задним числом» они могли быть зачисленными в арестантские роты или переведены в концентрационные лагеря. Чтобы выработать общие позиции у всех заинтересованных сторон: армии резерва, полевых частей, морского флота, военной авиации, военной промышленности и Министерства юстиции — в октябре 1944 года в Верховном командовании Вермахта было подписано

соглашение. В нем значилось: «Чтобы ввести общие понятия относительно того, каких из осужденных солдат и военнослужащих полевых и резервных частей направлять в исправительные формирования, в арестантские роты полевых арестантских подразделений и концентрационные лагеря для трудовой повинности, Верховное командование Вермахта предполагает проверить всех находящихся в заключении в Эмсовских лагерях». Данную проверку должны были проводить на местах судьи, работники судов и органов юстиции. То есть Имперское министерство юстиции брало на себя ответственность «рассортировать» всех заключенных на три группы.

Данное согласие министра юстиции зависело, кроме всего прочего, оттого, нуждались ли в Эмсовских лагерях в «болотных солдатах», то есть требовались ли специальные арестантские команды для дальнейшего осушения болот и рытья каналов. В то же время Шпеер, имперский министр вооружений и военной промышленности воспользовался тем, чтобы в одночасье ему было предоставлено около 2000 заключенных, которых он «употребил в военных целях» на предприятиях авиапромышленности «военного назначения». Но в то же время Геринг и Дёниц оказались поначалу не готовы к выполнению гиммлеровского приказа. По этой причине Гиммлера ожидало некоторое разочарование, так как количество привлеченных к решению военных задач заключенных не соответствовало его ожиданиям.

В любом случае меры, принятые в сентябре 1944 года, привели к увеличению численности 500-х «испытательных батальонов». Судьи, оказавшиеся в Эмсовских лагерях, в первую очередь обращали внимание на тех заключенных, которых можно было послать в «испытательные формирования». Далее шли потенциальные «обитатели» арестантских рот. И лишь в последнюю очередь дело доходило до будущих «трудовых заключенных» концентрационных лагерей. Этот очевидный рост численности «500-х испытательных формирований» привел не только к тому, что в 500-й, 540-й, 550-й, 560-й и 561 — й батальоны тут же потянулись эшелоны с пополнением, но и к тому, что новые служащие стали поступать и в другие «испытательные части». Согласно приказу Гиммлера от 5 сентября 1944 года многих солдат теперь отправляли в батальоны даже без какого-либо отбытия срока, что ранее было само собой разумеющейся нормой. Путь «испытуемого солдата»: суд — лагерь — батальон, сократился до двух обязательных «пунктов назначения» суда и собственно 500-го батальона. В частности, в приказе Гиммлера говорилось: «Если решение не будет иметь негативных последствий для дисциплины в воинской части, то судья вправе в качестве наказания сразу же назначить направление в испытательную часть». Верховное командование Вермахта решило не отставать от командующего армией резерва и 1 февраля 1945 года приняло схожий приказ. Теперь любые нарушители дисциплины, получавшие не более 6 недель заключения, автоматически посылались в 500-е батальоны. Подобные административные действия привели к фактическому отказу от критериев отбора «испытуемых солдат». С одной стороны, это положительно отразилось на численности батальонов, но с другой стороны, негативно сказалось на духе солдат и их готовности «проходить испытание». Об этом говорит хотя бы сообщение Курта Кольшеса, который в ноябре — декабре 1944 года находился в Ольмютце в казармах Гинденбурга. Кольшес в свою бытность был осужден за «самовольное оставление части». Причем он усугубил свою «вину» политическими заявлениями, за что в итоге получил три года тюрьмы. Срок он отбывал в форте Торгау, а затем в арестантской роте. Он так описывал те события: «В роту прибыло 2100 человек[23] Во время построений нам становилось известно, что каждый день кто-то пытался бежать на свободу. Командир роты каждый раз указывал на то, что при малейшем сопротивлении осужденный будет наказан тут же, в казармах. Но на следующий день снова кто-то пытался совершить побег. Ночью многие из криминальных элементов совершали из казарм разбойные набеги на окрестности. Это привело к тому, что на построения стали приводить чехов, которые должны были указывать на тех, кто совершал разбои». Не исключено, что упоминание ежедневных побегов является

преувеличением, но в любом случае эти факты указывали на то, что попавшие в конце 1944 года в Ольмютц или Брюнн «испытуемые солдаты» были совершенно ненадежными.

Прежде чем мы вернемся к батальонам, надо остановиться на одной проблеме, а именно вопросе, в какой мере сентябрьские изменения 1944 года сказались на судьбе бывших солдат, попавших в концентрационные лагеря. Тот факт, что новая категория заключенных концлагерей в документах обозначалась аббревиатурой САВ, наводит на мысль о продолжении «традиций» особых подразделений Вермахта. Однако в данном случае речь шла об «особой акции Вермахта». В первой части книги мы рассказывали о том, что начиная с 1938 года по сентябрь 1944 года в лагеря попало от 600 до 1 ООО солдат. Причем почти две трети из них прибывали из особых подразделений и полевых штрафных лагерей. Однако из документов лагеря Заксенхаузен следует, что в начале 1945 года количество САВ-заключенных выросло втрое. В декабре 1944 года их насчитывалось всего 100 человек. В январе 1945 года их уже 357. У подобного роста может быть две причины. С одной стороны, само собой напрашивается, что это было последствием деятельности Гиммлера, а именно, его приказа. Но, с другой стороны, в лагерном журнале мы могли бы найти следующую запись: «Январь 1945 года. Быстрое продвижение Красной Армии и западных союзников привело к тому, что в Заксенхаузен постоянно прибывают эшелоны с заключенными из других лагерей». Не исключено, что в этих транспортах прибыли и другие САВ-за-ключенные, что и вызвало резкий рост в одном конкретном лагере.

Вместе с тем в феврале и марте в Заксенхаузене мы могли бы наблюдать обратный процесс — количество САВ-арестантнтов столь же резко падало, как и росло в январе. К началу весны их осталось не более сотни. Их отнюдь не уничтожали и не посылали на фронт. Дело в том, что эсэсовское руководство приняло решение о сборе всех армейских «преступников» в Бухенвальде. Именно там должны были быть сконцентрированы все, кому предстояло отбывать «промежуточное заключение II». В феврале — марте это касалось тех, чей срок заключения не превышал одного года. В данной схеме Заксенхаузен был всего лишь промежуточной станцией, так сказать, «перевалочной базой». Именно в Бухенвальде «старые» САВ-заключенные стали отличаться от «промежуточных заключенных II». Из документов музея этого концентрационного лагеря следует, что первые «промежуточные» стали прибывать сюда поздней осенью 1944 года. К марту 1945 года их насчитывалось около 800 человек. Почти все они были расположены в Дора-Миттельбау.

Дора-Миттельбау был внешним лагерем Бухенвальда. Там существовало подземное производство, которое до 1 октября 1944 года было обществом с ограниченной ответственностью. Там производилось вооружение и боеприпасы. В нечеловеческих условиях труда здесь даже производились легендарные ракеты «Фау-2».0 положении «промежуточных» писал восточногерманский исследователь Гетц Дикманн, который ошибочно назвал их «заточенными в крепость»: «В конце 1944 года руководство СС решило направить на работу в лагерь Дора группу арестантов, от которых оно не ожидало никакого организованного сопротивления. Речь шла о «промежуточных заключенных II», которые в прошлом были военнослужащими Вермахта. Они носили на робе красный, «политический» треугольник, который был обращен вершиной кверху. Кроме этого, на нем была написана буква Z. По мнению эсэсовцев, они оптимально подходили для этой работы, так как она откладывала их заточение в крепости, к которому их приговорили военно-полевые суды. Свой срок они должны были отбывать после окончания войны. Им не грозило восстановление в рядах Вермахта или досрочное освобождение. При этом речь шла не только о немцах, но и о представителях иных наций, которые добровольно вызвались служить в Вермахте или СС. Первые Z-арестанты стали прибывать в Дору в ноябре 1944 года. Они располагались в особой зоне лагеря, поблизости от лазарета. Несмотря на то, что они носили арестантские робы, им не запрещалось отращивать волосы». Как видим, «промежуточным» в концентрационных лагерях предоставлялись некоторые «льготы».

Когда в конце марта 1945 года в лагерь Дора-Миттельбау перестали поступать «промежуточные заключенные», то это было в первую очередь связано с транспортными трудностями и хаосом, творившимся на железных дорогах Германии. Это подтверждается телеграммой, которая была направлена 22 марта 1945 года бременским гестапо в управление полиции Гамбурга: «Полученные от Вермахта арестанты должны быть направлены в Бухенвальд. Ввиду транспортных трудностей в настоящее время это невозможно. Запрашиваем концентрационный лагерь Нойенгамме, смогут ли они принять эту партию заключенных». В ответ 30 апреля 1945 года инспектор охранной полиции и СД Гамбурга запрашивал: «О каком количестве заключенных идет речь?»

Намерение во что бы то ни стало поставить исполнение наказаний на службу проигранной войне, вынудило Генриха Гиммлера ввести в практику «промежуточное заключение I». Под этим шифром скрывались приговоренные к смерти солдаты, но которые тем не менее еще могли выполнять полезную работу, для чего их переводили в концентрационный лагерь Маутхаузен. Прежде всего туда попадали солдаты, которые владели техническими профессиями. В большинстве случаев до войны они были слесарями, электриками, механиками. Поводом для этого шага стало состояние дел, когда приговоренные к смерти военнослужащие могли пройти «особое испытание» в 500-х батальонах, однако в силу ряда причин это не было возможно. Первая практика подобного рода была применена еще до того, как Гиммлер был назначен командующим армией резерва. 17 июля 1944 года Верховное командование сухопутных сил направляет запрос, нужно ли приводить в исполнение смертный приговор в тех случаях, когда возможно прохождение «особого испытания». Ответ из СС был следующим: «В случаях, когда отмена смертной казни не подрывает дисциплину воинской части, а сохранение самого солдата в силу своей работоспособности является целесообразным, тогда возможна его передача в руки местного СД».

Первые «промежуточные заключенные I» стали появляться уже в августе 1944 года. В основном это были дезертиры и солдаты, уличенные в «подрыве боеспособности части». В единичных случаях они все-таки попадали в 500-е батальоны, но в большинстве случаев применение им находили в Маутхаузене. В отношении заключенных из числа «рейхсдойче» статистика выглядела так: октябрь 1944 года — 45 человек, ноябрь 1944 года — 71 человек, декабрь 1944 года — 113. Если же брать общее количество «промежуточных первого класса», то соответственно эти цифры выглядели следующим образом: 93, 116,156. При этом надо исходить из того, что за последние семь месяцев войны в концентрационные лагеря было направлено около тысячи бывших военнослужащих Вермахта, то есть приблизительно столько, сколько за период с 1938 года по сентябрь 1944 года.

Глава 4

Роспуск 999-й резервной бригады

В то время, как Генрих Гиммлер оставил фактически без изменений систему особых подразделений Вермахта, в сентябре 1944 года он в роли рейхсфюрера СС провел массу мероприятий, которые касались «999-й испытательной части». В предыдущих главах мы уже показывали, что возникновение 999-го формирования было неким компромиссом между СС и Вермахтом, который был достигнут в октябре 1942 года во имя «окончательной победы». Но несмотря на достигнутое соглашение, Генрих Гиммлер всегда с подозрением относился к данной затее, так как, повторюсь, он терял контроль над 30 тысячами заключенных, которые являлись его «классической клиентурой». В СС возобладало мнение, что в Вермахте недооценивали опасность этих людей, а потому обращались с ними «недолжным» образом. Утрата контроля над множеством политических противников и уголовных элементов ставила СС перед угрозой определенной потери власти и престижа, что для рейхсфюрера СС Гиммлера было недопустимым. Но он не намеревался делиться своими полномочиями с Вермахтом.

Теперь, по прошествии двух лет после создания 999-го формирования, Генрих Гиммлер как командующий армией резерва отдал 14 сентября 1944 года приказ распустить 999-ю

резервную бригаду, которая в тот момент располагалась на полигоне Баумхольдер. Вместе с этим он всячески препятствовал направлению транспортов с резервами для полевых 999-х батальонов. Поводом для подобных мер стали действия «политических» 999-х, которые летом 1944 года решились на подготовку вооруженного восстания. В то время, как в глазах командования Вермахта 500-е батальоны представали как вполне оправданный эксперимент, то 999-е батальоны выглядели совершенно по-иному. 10 июля 1944 года командующий группы армий Е, которому тогда были подчинены примерно 85 % всех существующих полевых 999-х батальонов, сообщал: «Из сообщений командования группы армий Е следует, что сохранение 999-х батальонов в юго-восточном регионе в силу их крайней ненадежности является нецелесообразным».

Тот факт, что «крайняя ненадежность» стала результатом деятельности «политических» 999-х, следует из письма командования 41-й крепостной дивизии, в составе которой находилось четыре 999-х батальона (II, III, IV, VII). Командующий дивизией указывал на то, что «пока в составе 999-х батальонов будут находиться политические заключенные, распространяющие коммунистические идеи отказа от борьбы, их боевое применение является рискованным». Недостаток в боевых силах не позволил пойти на окончательный роспуск этих батальонов. Армейским чинам приходилось довольствоваться арестами, казнями, а также жестким контролем над 999-ми, который сопровождался идеологической обработкой. Впрочем, это были далеко не условные меры. На Пелопоннесе дошло до того, что там отобрали 250 «наиболее ненадежных элементов» из состава 999-х батальонов и переправили обратно в Германию. Насколько эти обстоятельства были трагическими, рассказывал один из бывших 999-х: «В августе 1944 года я как-то получил команду предстать перед командиром взвода в Ахейе. Там я с другим сослуживцем по имени Рихард Гирц был погружен на машину, которую сопровождали лейтенант и несколько фельдфебелей. В машине уже сидело около десяти человек. Перед погрузкой мы должны были сдать наше оружие. Нас привезли на побережье, в расположение 6-й роты 999-го батальона, где вместе в 80 другими солдатами запихнули в огромную штольню. Выход из нее был перегорожен колючей проволокой, справа и слева от него находилось по фельдфебелю, у каждого из которых был пулемет. В метре-полутора от выхода из штольни была брошена рельса. Нам сказали, что каждый, кто переступит ее, будет застрелен на месте. Мы находились там несколько дней. За это время нам лишь однажды принесли чан с водой и выдали по куску хлеба. Затем нас погрузили на железнодорожный состав, в котором были только одни товарные вагоны с решетками на окнах. За нами заперли дверь. Мы услышали сквозь нее, что нас везли обратно в Баумхольдер».

Попав в Баумхольдер, 250 человек из этого эшелона оказались закрученными в вихре событий, которые были связаны с последовавшим через несколько дней приказом Гиммлера о роспуске 999-й бригады. Остановимся и разберем их поподробнее, так как анализ случившегося явит интересную точку зрения на всю систему «испытания», которую солдаты проходили в Вермахте и Ваффен-СС.

В числе 250 человек, отобранных на Пелопоннесе, был коммунист Бастель Хоффеман. Он писал: «По нашему прибытии тамошний капитан Кастнер объяснил нам, что мы совершенно отбились от рук и нас направят в концентрационный лагерь. Несколько недель спустя капитан Кастнер вернулся и заявил, что мы получили еще один шанс оказаться пригодными. Все это время мы были заперты в бараках. Мы покидали их только для принятия пищи, но даже тогда нас конвоировали». По воспоминаниям социал-демократа Хельмута Дица, в течение нескольких дней 999-х допрашивали. В ходе допросов он отрицал все выдвинутые против него обвинения: «Перед нашим бараком находился пост. Нас стали вызывать одного за другим и подвергать допросам. Нас пытались обвинить в трусости и связях с партизанами». Вальтер Кёстер, еще один из 999-х, был немало удивлен тем, что никто из прибывших не был наказан. «Не было вынесено даже самого скромного дисциплинарного взыскания». Потом стало очевидно, что всех их готовили для показательного процесса, передачи в руки полиции и

направления в концентрационный лагерь. Нечто подобное уже происходило весной 1944 года, когда на южном участке Восточного фронта было разоружено 450 «политических» 999-х, которых сразу же после этого направили в Баумхольдер. Но так как за исключением единичных случаев против этих 450 солдат не удалось выдвинуть никаких конкретных обвинений, все они были вновь направлены для «прохождения испытания». По мере того как командиры полевых 999-х батальонов стали прибегать к целенаправленным смертным казням, которые были некими «общими мероприятиями по зачистке», все чаще стали раздаваться упреки в адрес резервных частей, которые подбирали солдат. Но в итоге после войны упоминавшийся выше капитан Кастнер с облегчением говорил, что ему «удалось сохранить два эшелона с политическими арестантами из южной России и Греции, которые он должен был передать в руки полиции». Кроме «списанных» из Греции ненадежных солдат, в Баумхольдере находилось еще две группы 999-х. С одной стороны, это были недавно провинившиеся солдаты, которые проходили подготовку. Им вскоре предстояло попасть в 999-е полевые батальоны. С другой стороны, это были раненые 999-е, которые больше не могли нести службу. У Карла Кастнера об этом сообщалось следующее: «Последний крупный призыв в 999-й учебно-резервный батальон состоялся 1 сентября 1944 года. Тогда к нам поступило около 100 мужчин в возрасте от 40 до 55 лет. Когда американские и английские части стали приближаться с запада к германским границам, подготовка нашего батальона внезапно была прекращена. Из работоспособных мужчин было сформировано два оперативных батальона. В середине сентября их направили на Западный фронт для строительства укреплений. Оставшиеся люди были назначены ко мне в роту»

Здесь нужно отметить, что создание предусмотренного для строительства укреплений 999-го оперативного батальона проходило отнюдь не нормальным путем, как это описывается у Карла Кастнера. Появление первого 999-го оперативного батальона произошло посредством банального разоружения 999-го саперно-строи-тельного батальона. Для этого был выбран большой лесной участок. Как вспоминал, один из участников этих событий: «Там мы должны были построиться и сдать оружие. Офицеры собрали его. У наших больше не было винтовок. Оружие было лишь у офицеров и унтер-офи-цероц. Всего на роту приходилось 18 винтовок и два легких пулемета. Когда мы входили в лес, то полагали, что нас там расстреляют». Второй упоминавшийся Кастнером оперативный батальон несмотря на громкое название был всего лишь сборищем строителей, которые работали под конвоем. Неудивительно — в 999-е попадали «ненадежные элементы». Однако в истории остается одно темное место. До сих пор непонятно, произошло ли разоружение 999-х батальонов по приказу Гиммлера или же это была инициатива армейских чинов.

Собственно 2-й 999-й оперативный батальон был сформирован из солдат, которые еще проходили подготовку. Герберт Кисслинг, служивший в 3-й учебной роте, вспоминал: «Мы два часа находились на стрельбах, когда прибыл приказ — вернуться в казармы. Мы сразу же направились назад. Но на этот раз нас сопровождало большое количество стрелков. Когда нас построили, то стали выкликать людей. В большинстве своем вызываемые в прошлом были политическими заключенными. Моего имени не назвали, так я расстался с моими друзьями. Не назвали именно очень многих политических. Что же произошло? Вызванные получили приказ не ходить на обед. Когда я вернулся из столовой, меня вызвал старшина. Он сидел за письменным столом и листал мое дело. За его спиной стоял командир роты и тыкал пальцем в некоторые страницы. Наконец, старшина сказал мне, что я должен оставаться в казармах, а после отбоя по роте присоединиться к людям, чье имя выкрикнули на построении. Тогда мы узнали, что приблизительно 400 человек переводят в другую часть».

Скорее всего, Герберт Кисслинг принадлежал к тем солдатам, из которых была составлена рота капитана Кастнера. При этом в сообщении настойчиво подчеркивалось, что в качестве критерия отбора выступала не только работоспособность и уровень ненадежности. О дальнейшей судьбе этой роты, которая в итоге превратилась в 999-й сборный пункт, Карл

Кастнер сообщал: «20 сентября 1944 года в моем кабинете неожиданно появились два офицера гестапо: Моше и Вегенер. Они сообщили мне, что у них приказ: отобрать 300 трудоспособных человек и отправить их в Бухенвальд. Я направил их к командиру 999-й резервной бригады, полковнику Мозеру. Я сообщил моему командиру, что служащие 999-го сборного пункта больны и нуждаются в отдыхе. У части из них уже были подписаны ходатайства о повторном присвоении статуса «достойного несения службы». А вопрос о направлении их в концентрационный лагерь Бухенвальд никогда ранее не ставился. Полковник Мозер придерживался той же самой точки зрения, а потому сразу же набрал по телефону командование XII военного округа в Висбадене, пытаясь убедить отменить данный приказ. Несмотря на это, он получил ответ, что приказ о направлении 300 человек в Бухенвальд спущен сверху, а потому он должен быть выполнен безотлагательно. Так как я увидел в данном приказе нарушение всех инструкций относительно «испытательных частей», то потребовал для осуществления этой неслыханной санкции письменного приказа, которую в итоге я получил от командира 999-й бригады».

В самом деле, в сентябре 1944 года для 999-х батальонов были приняты «Особые предписания». Именно на основании их 300 человек были направлены в Бухенвальд. В предписаниях говорилось:

«а) на основании тщательного наблюдения выявить неисправимых солдат с антигосударственным образом мышления или преступными склонностями, вывести их из активной службы и передать в руки полиции и органов юстиции. Если же не существует предпосылок для дисциплинарных взысканий и судебных наказаний, то срок наблюдения за солдатами должен составлять не менее трех месяцев;

б) если имеются солдаты, которые вследствие ранения, заболевания или аварии являются годными к нестроевой службе или вообще непригодными к воинской службе, то нужно проверить, есть ли возможность повторно подать ходатайство об их реабилитации и восстановлении в статусе «достойных несения службы». Если нет поводов для их реабилитации, а они не отбыли полностью свой срок, то они должны передаваться в руки органов юстиции. Если им более не надо отбывать наказания, то они должны вернуться к своим гражданским профессиям. Если же при этом они оказались политически неблагонадежными, то их следует передать в руки полиции».

4 сентября 1944 года генерал по особым поручениям при Верховном командовании сухопутных сил делает пометку: «Передать полиции с целью использования их для тяжелых и опасных работ вплоть до проведения демобилизации. Достойные несения службы солдаты 500-х и 999-х батальонов, которые, несмотря на письменные предостережения, были вновь подвергнуты дисциплинарному взысканию, рассматриваются как неисправимые, а стало быть, неприемлемыми для Вермахта».

Когда Гиммлер как командующий армией резерва 5 сентября 1944 года отдал приказ, то в нем уже не говорилось ни о тщательном трехмесячном наблюдении, ни о повторном дисциплинарном взыскании, ни о письменном предостережении. В этом документе, адресованном в военные суды, содержались слова о том, что «осужденные за преднамеренные действия в испытательных частях должны наказываться в судебном порядке посредством лишения свободы или признания невоспитуемыми, после чего они должны передаваться судьями в руки тайной государственной полиции для препровождения в концентрационные лагеря».

Вероятно, трактуя этот приказ, 16 сентября 1944 года командование XII военного округа (Висбаден) решило распустить 999-ю резервную бригаду. Теперь у находящихся в Баумхольдере 999-х, которые не смогли пройти «испытание», а потому до сих пор считались «недостойными несения службы», было две возможности: либо оказаться в разоруженных оперативных батальонах, либо попасть в Бухенвальд. Последний путь был заказан всем больным и «политическим».

В то же время кажется маловероятным, что подобная акция была проведена командованием XII военного округа по ошибке или недосмотру. Насколько известно, после того как в дело вмешался капитан Кастнер, майор Редер, отвечавший в штабе военного округа за взаимодействие с 999-й резервной бригадой, дал ясно понять полковнику Мозеру, что это был приказ сверху. Однако есть основания полагать, что это было обыкновенное самоуправство. На такой вывод наталкивает письмо адвоката Рихарда Каспари от 6 августа 1946 года, когда рассматривалось дело 999-й резервной бригады: «После 20 июля 1944 года резервная бригада была распущена Гиммлером. Однако о служащих бригады не было принято никакого решения. В связи с этим командование военного округа в Висбадене решило, что одних, самых пригодных, надо направить на запад для укрепления линии Зигфрида, а всех остальных — в концентрационный лагерь Бухенвальд».

Заявленная выше позиция, что в качестве критерия отбора выступала именно трудоспособность, а не политическая благонадежность, говорит о том обстоятельстве, что в Бухенвальд, кроме «политических», возвращенных из Греции, были направлены больные и раненые. Впрочем, кажется маловероятным, что в данном вопросе не учитывались политические критерии. Столь же маловероятным является, то, что «годных к нестроевой службе», вдруг направили на строительство «линии Зигфрида». С определенной долей вероятности можно утверждать, что политическая составляющая выступала здесь на первом месте. Это подтверждается приказами, в которых командование полевых 999-х батальонов уведомлялось о предстоящем «мероприятии». В датированном 15 сентября 1944 года письме коменданта «восточной Эгеи», которому подчинялись множественные 999-е батальоны, сообщалось: «По сообщению адъютанта командира 999-й резервной бригады (Баумхольдер) в ближайшее время будут переведены в особые штрафные подразделения или направлены полицией в концентрационные лагеря. Возможность передачи Организации Тодта или другие учреждения более не рассматривается».

Карл Кастнер писал об отправленных из Баумхольдера в направлении Бухенвальда. «24 сентября 1944 года уехал первый транспорт с 280 людьми под руководством оберлейтенанта Ёртеля. За ним 2 октября последовал второй эшелон со 160 людьми под руководством фельдфебеля. Первый транспорт сопровождался упоминавшимися мною офицерами гестапо Моше и Вегенером. По прибытии в концентрационный лагерь Бухенвальд они вновь вернулись во Франкфурт и послали сообщение из своего отдела. В кабинете бригадного командира мне передали, что все люди в кратчайшие сроки были доставлены в лагерь, где были распределены по военному предприятию. Так как я не знал, что в Бухенвальде производилось оружие, то я убеждал своих солдат, что их посылают в лагерь ненадолго. Оттуда их распустят по домам. Но в лагере солдат побрили наголо, переодели в арестантские робы, то есть полностью приравняли к заключенным, хотя они несколько месяцев были на фронте в южной России и Греции, а некоторые даже подхватили там малярию. Оберлейтенант Ёртель позвонил мне из Веймара и дал точное описание злосчастного положения наших людей. По телефону я пытался связаться с адъютантом коменданта Бухенвальда и добиться освобождения моих солдат, но все было тщетно. Он лишь сообщил мне, что после полугодового пребывания солдат в лагере может быть проведена «перепроверка» с целью отбора достойных прохождения особого испытания. Об освобождении без команды сверху не могло быть и речи. Накануне отбытия солдат из Баумхольдера я обещал солдатам свободу и скорейшее возвращение к семьям, но они снова оказались за колючей проволокой, где их ждал тяжелейший труд на оборонном предприятии».

Чем руководствовался капитан Кастнер, когда давал политическим 999-м обещание свободы, остается непонятным. В любом случае подобные посулы были безосновательными. Первый транспорт с солдатами достиг Бухенвальда 27 сентября 1944 года, что следует из сообщения Макса Фельша, который был выдворен буквально за несколько дней до этого из роты выздоравливающих с предписанием «две недели сохранять постельный режим». В

бухенвальдской лагерной картотеке сохранилась та же самая дата прибытия 999-х, которые были обозначены как «арестованные полицией», что указывает на значительное вмешательство в это дело франкфуртского гестапо. Об этом также упоминается в сообщении Макса Фельша: «27 сентября мы прибыли в Бухенвальд и были переведены в лагерь. Нас направили в карантинный блок, который наполовину был заполнен изголодавшимися венгерскими евреями. При каждой перекличке выяснялось, что один или несколько из них умирали. Там я встретил множество старых приятелей, в том числе Вальтера Бартеля из Берлина[24] На мой вопрос, почему нас сюда направили, он сказал, что точно не знает, но говорили, что мы были направлены в лагерь по предложению франкфуртского гестапо».

Немецкий коммунист Вальтер Бартель руководил в концлагере Бухенвальд подпольной интернациональной организацией, с которой в контакт быстро вступил Фридрих Питруска. Фридрих Питруска подобно Максу Фелыпу прибыл в лагерь на первом транспорте. До этого он находился в Баумхольдере, где проходил курс лечения после ранения, полученного на фронте. После выздоровления он попал не в регулярную часть, а в лагерь. Он писал о своем прибытии в Бухенвальд: «Нас построили перед административным зданием. Помню, ужасно дымил крематорий, и мы задыхались в этом чаду. В темноте нас привели в душевую, где мы пробыли трое суток. О нас никто не вспомнил. Мы были вынуждены спать на каменном полу. Товарищи, которые уже несколько лет провели в лагере, смогли вытащить меня оттуда. На меня тут же посыпался град вопросов: как я попал сюда? как там, снаружи? когда закончится это дерьмо? готово ли население к сопротивлению? И многие другие. Товарищи пытались снабжать нас едой, но то, что они доставали для 270 человек, было очень мало. Первое, что товарищи сообщили мне: здесь в лагере был убит Эрнст Тельман.

В один день нам приказали раздеться и построиться во дворе. У нас забрали все личные вещи. Мне выщали брюки и куртку с большой красной звездой Давида на спине. Никакой рубашки, никаких носков, никаких ботинок, только куртка с красным треугольником и номером 73 366. Нас разместили в так называемом карантинном блоке № 43. В качестве постельных принадлежностей мы получили по бумажному пакету, похожему на мешок из-под цемента, только более длинный. Товарищи, которые заметили у меня куртку со звездой, тут же организовали для меня другую одежду. Мне даже вручили рубашку. Нам приходилось спать впятером на одной кровати».

Фриц Бергер, другой солдат, прибывший в том же эшелоне, говорит о группе «политических» из 258 человек, которая в шести вагонах была направлена из Баумхольдера в Бухенвальд. Он вспоминает, что несколько дней приходилось работать в разрушенном лагере Густлофф, который примыкал к Бухенвальду. Это спасло их. Есть сведения от солдата из второго, более мелкого эшелона. Это воспоминания ганноверского коммуниста Вили Руфа, который в конце сентября 1944 года после ранения во время воздушного налета был направлен на лечение в Баумхольдер. Когда он пошел на поправку, то предпринял все возможное, чтобы не возвращаться на фронт. Он симулировал болезнь желудка. «Когда я вновь вернулся в Баумхольдер, то мне было приказано сдать все — даже противогаз и ремень. Больше не было никакой службы. Среди моих приятелей царило странное настроение. Мы должны были сдать даже книжки продовольственного довольствия. Однажды вечером, во время построения, один из сослуживцев спросил капитана Кастнера: «Герр капитан! Я слышал, что нас направляют в концентрационный лагерь». «Нет, — ответил офицер. — Вас отправляют к семьям, так как вы уже отдали свой долг Отечеству. Если кто-то еще раз брякнет про концлагерь, я того посажу на гауптвахту». Прошло еще несколько дней, когда после обеда нас вновь построили. Капитан Кастнер провозгласил: «Вы направляетесь в Веймар на сборный пункт, там вы будете распущены». Он бодро отдал команду: «Направо! С песней марш!» Но никто не стал петь, так как увидел, что прибывала хорошо вооруженная группа фельдфебелей. Они довели нас до вокзала Баумхольдера, где нас погрузили в армейский эшелон. Тогда мы думали, что охрана была придана, чтобы никто не свалил с поезда. И мы поехали — я помню, нас было около 200

человек, — навстречу цели, о которой даже не предполагали. Из Баумхольдера до Веймара мы добрались за полтора дня. Там нас встречал лагерный оркестр — в нем играли одни заключенные. На воротах поблескивала вывеска: «Каждому свое». Нас провели в душевую. Там мы повалились на пол и заснули от усталости… Нас одели как заключенных фашистского концлагеря. Мы были одеты как оборванцы: куртка, брюки, пара ботинок и кепи заключенного. Прежде чем мы прибыли в наш барак, то увидели, как он убирался. Мы видели умиравших с голоду существ, которые напоминали людей. Их выводили из барака и сажали в грузовик. Одежда на них висела. У нас тоже не было ни лишнего грамма жира, но эти люди уже не могли сами ходить — к грузовику их подводили два других заключенных. Нам рассказывали о других арестантах, которые уже долго были в Бухенвальде. Речь шла о еврейском госпитале, в котором мы должны были поселиться. Поговаривали, что этих заключенных травили газом, а тела сжигали… Теперь мы встретились с приятелями из числа 999-х, которые обитали здесь уже две недели. Нам не поручалось никакой работы. Мы лишь должны были утром и вечером строиться на перекличку. Еды для жизни там было слишком мало, но в самый раз, чтобы умереть. Мы спали и смотрели, как один день сменял другой».

Приведенные выше сообщения показывают, что капитан Кастнер благодаря начальнику эшелона оберлейтенанту Ёртелю был верно информирован о судьбе бывших 999-х. Дальнейшие действия капитана скорее являются нетипичными. Он сам описывал их в одном из документов: «Герр майор Мозер, так как после отправки второго эшелона в Бухенвальд вы взяли четырехнедельный отпуск, а бригадный адъютант был вынужден ухать в Мюнхен, то я как старший по званию офицер в течение нескольких дней являлся комендантом. Так как я чувствовал себя виновным за судьбу 440 солдат, которые по приказу Гиммлера или одного из его сотрудников были направлены в концентрационный лагерь Бухенвальд, то 2 октября 1944 года я продиктовал ефрейтору приказ об их увольнении из Вермахта и направил его в Бухенвальд. Согласно этому приказу все отправленные на эшелонах солдаты должны быть отпущены на свободу, так как они были демобилизованы. Обер-лейтенант Ёртель должен всех вернуть в Баумхольдер. Я собственноручно подписал этот приказ и снабдил его печатью бригады. Одновременно с этим я подписал приказ о выделении демобилизованным денег, дабы они могли вернуться домой. Эти средства вместе с приказом были переданы оберлейтенантом Ёртелем коменданту Бухенвальда. После получения приказа комендант согласился на освобождение наших людей. 999-х собрали со всех концов, одели в военную форму и после соответствующих инструкций оберлейтенанта Ёртеля они были отпущены на волю. С небольшой командой солдат и конвоем эшелона в середине октября 1944 года оберлейтенант Ёртель прибыл обратно в Баумхольдер».

Подобное развитие событий подтверждается в основных пунктах рассказами бывших бухенвальдских заключенных. Вечером 5 октября в Бухенвальде через громкоговоритель раздалась команда: «Завтра рано утром все военнослужащие из Баумхольдера строятся перед воротами». Макс Фельш вспоминал: «Когда рано утром мы в полосатом арестантском тряпье собрались у ворот, то подошел оберлейтенант и удивленно хмыкнул: «Вас выпускают на свободу, а вы все еще не переодеты». Мы были поражены — неужели это правда!»

В воспоминаниях Фридриха Питруски говорилось о том, что за несколько дней до этого их построил комендант Бухенвальда. «Однажды всех 999-х построили перед воротами. Мы встали между административным зданием и клеткой для медведя. Он вышел в кожаном плаще и захотел узнать, что мы сожрали. Он орал: «Явились сюда агнцами божьими, но хотел бы я знать, как вы сюда попали?» Мы стояли несколько часов. Во второй половине дня вновь вышел комендант, все так же одетый в кожаный плащ, в сопровождении двух эсэсовцев. «Мы узнали, что вас сюда направили по ошибке. Впрочем, местный климат хорошо бы подошел, чтобы вновь сделать из вас приличных людей». С возвышения он кричал, что все покинут лагерь, что за эту милость мы должны благодарить фюрера».

Как 6 октября 1944 года проходило освобождение, в своих мемуарах очевидец описывает: «Выкрикивали имя и номер. Мой номер на рубашке был 26 238. Вызываемые должны были отойди налево. Из 258 людей из первого эшелона сначала было названо 78 имен. Все они были набраны в лагерях и тюрьмах. Они в сопровождении охраны промаршировали вниз вдоль колючей проволоки. Всем остальным выщали билеты и выпустили на свободу. Я даже не помню, выдали нам какие-нибудь деньги или нет. Я помню, что нам кричали: прочь, прочь! 9 октября я вновь оказался в городе».

Приведенное выше описание, данное Фрицем Бергером, относится не только к солдатам, прибывшим в лагерь с первым транспортом, но и всем 999-м из Баумхольдера. Это подтверждается картотекой Бухенвальда и воспоминаниями Вилли Руфа, который по ошибке называл оберлейтенанта «конвоиром». «В первой половине нас внезапно построили перед воротами. Старший лейтенант из конвоя объяснил нам: «Все те, чьи имена я назову, покинут лагерь. Все остальные вернутся в Баумхольдер. Вы вновь получите военную униформу и поедете к себе на родину, откуда вас призвали в армию. Сейчас 11 часов дня, торопитесь, чтобы успеть на вокзал. Тот, кто останется в лагере после 14 часов, рискует задержаться здесь надолго». Мы быстро скинули арестантские тряпки и надели военную униформу, так как никто не хотел оставаться в концентрационном лагере. Кто-то торопился так, что хватал два левых или два правых армейских ботинка. Но на это никто не обращал внимания. Главное было покинуть лагерь. Прочь из этого проклятого места! На вокзале все оказались в половине второго, каждый запрыгивал в первый же попавшийся поезд. Неважно, куда он шел, главное, чтобы подальше от Веймара и этого ужасного лагеря. На следующий день я прибыл в Кляйн-Беркель в окрестностях Гамельна. Именно туда эвакуировали всю мою семью. На следующий день я направился в Ганновер, дабы в казармах сдать свою униформу. У меня был документ о демобилизации. Дата, штемпель, сборный пункт II, Веймар. И никаких упоминаний о Бухенвальде!».

О дальнейших событиях в Баумхольдере, куда направились некоторые из вызволенных из лагеря солдат, а также оставалось еще около сотни прочих 999-х, рассказывал капитан Карл Кастнер: «Последующим попыткам направить моих солдат в Бухенвальд я препятствовал тем, что разбивал их на небольшие группы оперативного батальона или вообще просто отпускал домой. Так как отпущенные 999-е должны были оказаться у себя на родине в паспортном столе, то очень скоро ко мне посыпались запросы, почему эти солдаты были демобилизованы, хотя были призваны в Вермахт только 1 сентября 1944 года. Мне удалось успокоить этих бдительных вояк, так как отвечал, что речь шла об особой акции, которая предполагала роспуск лагеря в Баумхольдере. В то время почта шла неделями, а моя служба в феврале 1945 года была перенесена в Торгау, а в апреле 1945 года в Вельден в Баварии, потому я мог быть спокоен за судьбу моих солдат».

В самом деле, в Баумхольдере оставалось только два оперативных 999-х батальона и пара небольших строительных рот, которые в основном состояли из уставного персонала. О судьбе же оставшихся в концентрационном лагере 999-х ничего не известно.

ЧАСТЬ 4

Конец «испытательных частей»

Глава 1

500-е батальоны в новых условиях

Когда в сентябре 1944 года Генрих Гиммлер распорядился распустить 999-ю резервную бригаду, речь велась уже не о том, чтобы получить контроль над «недостойными несения службы», которые оказались в рядах Вермахта, а о том, чтобы перевести их в сферу деятельности СС. Обстановка вынудила Гиммлера самому прибегнуть к практике «Прохождения испытаний». В данной ситуации подразумевалось особое формирование Дирлевангера, которое стало «испытательной частью» в рамках Ваффен-СС. Предтечей

приказа о роспуске 999-й бригады стало распоряжение о переводе около 20 тысяч заключенных не в состав 500-х батальонов, как это делалось ранее, а именно в бригаду Дирлевангера. Произошло это в конце августа 1944 года. А в начале сентября к Дирлевангеру потянулись транспорты с заключенными из тюрем Вермахта и эмсовских лагерей. Намеченная цель подробно излагалась в письме от 31 декабря 1944 года, которое эсэсовский судья штандартенфюрер СС Бендер адресовал начальнику главного управления по персоналу СС: «Направление военнослужащих в специальную часть Дирлевангера происходит на основании приказа рейхсфюрера СС, который гласит, что бригаду Дирлевангера надо рассматривать как «испытательную часть СС». Я исхожу из того, что, как было мною замечено во время переговоров с Верховным командованием Вермахта, испытательные армейские батальоны должны быть влиты в состав бригады Дирлевангера».

Но, судя по всему, эти переговоры не достигли намеченной цели. Затея о роспуске 500-х батальонов и вливании их состава в бригаду Дирлевангера закончилась провалом/Армейские круги весьма противились этой идее. В итоге Гиммлер должен был довольствоваться тем, что имеет доступ к осужденным военнослужащим из армии резерва и части 999-х, которые после роспуска бригады остались «недостойными несения службы». В целом это было около 400 человек, которые были направлены к Дирлевангеру в конце 1944 года. В единичных случаях в карательную бригаду попадали 999-е, которым; минуя Бухенвальд, удалось временно оказаться на свободе. Один из них был коммунист Эрнст Задовский из Шверте, который 1 сентября 1944 года оказался в Баумхольдере, но в сентябре того же года был направлен в концентрационный лагерь. Он вспоминал: «В октябре 1944 года я как солдат покинул Бухенвальд. Однако 27 декабря 1944 года я вместе с двумя жителями Шверте оказался на моравском полигоне СС, где был зачислен в боевую часть Дирлевангера. В марте 1945 года я был направлен в окрестности Нидерлаузитца к реке Нейсе».

Однако роспуск 999-й бригады не решил окончательно проблемы штрафников. В течение нескольких последующих месяцев был сформирован 999-й сборный пункт, куда попали многочисленные 999-е из полевых частей, кто в силу ранения был направлен на лечение обратно в Германию. Их не было смысла посылать обратно в 999-е батальоны, которые оказались отрезанными на островах Эгейского моря, либо не решались пробиваться в Германию через контролируемую партизанами Югославию. В этой ситуации армейские чины решили, что 999-й сборный пункт, который в феврале 1945 года был переведен из Баумхольдера в форт Торгау, надо влить в состав 500-х батальонов, которые в то время формировались в Брюнне и Ольмютце.

Постепенно в 500-е батальоны влилось около сотни 999-х. В штабе 500-го резервно-учебного полка такому пополнению отнюдь не обрадовались. В итоге 999-е были сосредоточены в Ольмютце в казармах Рихтхофена, причем командование пока было в большей степени обеспокоено, как оградить их от служащих 500-х батальонов. Очевидно, что напряженные отношения между двумя группами «испытуемых солдат» существовали еще со времен Фульды. На это указывал ряд сообщений. Вильгельм Лиц, прибывший в конце 1944 года в Ольмютц в качестве 999-го, вспоминал: «Там я повстречал моих старых приятелей. Между Вермахтом и партией наметились существенные разногласия. НСДАП требовала нашего боевого использования, в армии считали, что мы оказываем опасное разлагающее воздействие. В итоге до апреля 1945 года мы так и просидели в Ольмютце». Нечто подобное рассказывал в 1946 году Пауль Беринг, также 999-й из числа политических заключенных: «В Ольмютце нам явилась странная картина. Там пытались объединить 999-х и 500-х. Но поскольку 500-х посылали на опасные участки фронта, то 999-х становилось все больше и больше. Чтобы чем-то занять нас, были сформированы так называемые сводные роты. Эти роты несли службу и готовились к обороне Ольмютца. Время от времени мы должны были в окрестностях города рыть противотанковые рвы и котлованы. В итоге со временем вокруг Ольмютца возник достаточно обширный оборонный рубеж».

Несколько иначе выглядело использование небольшой группы бывших 999-х, которая оказалась в Брюнне. Об этом сообщал Хайнц Хайсс: «Чтобы избежать конфликтов с 500-ми, я при первом же удобном случае вызвался добровольцем возводить противотанковые заграждения на склонах Моравской долины… Здесь я столкнулся с Антоном Комейрком, чешским каменщиком, который был освобожден после трех лет принудительных работ в Берлине. На пару мы начали с похищенного у фельдфебеля пистолета, моей собственной винтовки и украденного ящика гранат. Мы намеревались создать собственную группу красных партизан, в которую бы вошло около 70 человек. Тем временем фашистские части отступали из Словакии назад в Богемию. Некоторые из фронтовых частей продолжали вести арьергардные бои. Первым нам попался этапный штаб. С нашей колокольни на высоте мы заметили его задолго до того, как он приблизился к Моравской долине. Штабисты прибыли с грузовиком, набитым табаком, сахаром, спиртным и девицами. Теперь мы были обеспечены запасами продуктов. Мы заставили штабистов разгрузить продукты в каменоломню, а затем заперли их в подземелье старого замка. Неоднократно в нашу команду приходил старый солдат из ландсштурма. На вид ему было около 65 лет. Он сообщил, что на запад гонятся похищенные в Словакии стада. Копыта коров, которые шли по нескольку дней, были изранены. Мы распределяли скот по крестьянским дворам. Фронт обошел нас. Деревни, которые лежали на горных склонах восточнее Брюнна, в майские дни попали в котел. Красная Армия окружила боеспособную танковую дивизию Вермахта. Каждодневно кольцо сжималось. С 13 чешскими приятелями я смог вырваться из котла и перейти линию фронта на сторону Красной Армии. Но война не окончилась для меня. Я проклял ее и не мог дождаться, когда же она закончится. Я участвовал в штурме Брюнна на стороне Красной Армии. Мне было порученобыть пропагандистом, который вещал в динамик. Красноармейцы выдали мне пропуск, который я храню до сих пор. Он открывал мне беспрепятственный путь домой».

Опасения командования 500-х батальонов, заперших 999-х в казармах, не были беспочвенны. Тем не менее бывшим политическим заключенным удалось создать крупную антифашистскую организацию. Один из них гамбургский коммунист Оскар Мейер уже в мае 1945 года сообщал об этом в специальном письме, подготовленном Коммунистической партией Чехословакии для германских жителей: «Во время пребывания в 500-м резервном полку нам удавалось воспитать идейных борцов и установить связь с Коммунистической партией, наладить работу, конечной целью которой должно было стать вооруженное восстание в Ольмютце по мере приближения Красной Армии к Моравской долине».

Позже Оскар Мейер рассказывал: «В Ольмютце мы быстро установили контакты с бывшими политическими заключенными из числа 999-х. Нам удалось наладить нелегальную связь с чешскими антифашистами, от которых мы получали оперативные сводки и переведенные на немецкий язык листовки коммунистической партии. Наша конспиративная группа насчитывала 32 человека. Наши связи тянулись даже в охрану казарм. Группа имела пароль «Кашау», Кашау — это было местечко, где располагалось временное правительство освобожденных чешских территорий. Трое из этих людей поддерживали постоянную связь с чешскими коммунистами. Оскар Мейер был ответственным за работу с кадрами. Курт Кюлес возглавлял «Маппарат», то есть ведал всеми военными вопросами. Это следует из его сообщения, в котором сообщаются подробности подготовки вооруженного восстания»: «На военные вопросы был поставлен товарищ Кюлес. Связь с Коммунистической партией Республики Чехия была установлена после долгих усилий. После этого был разработан план, который надо было осуществить по мере приближения Красной Армии. Компартия поставила перед нами задачу по подготовке вооруженного восстания в городе Ольмютц. Было установлено, что казарма была окружена крепостным валом, в котором имелись многочисленные подвальные помещения, так называемые казематы. Именно в них был размещен весь арсенал и боезапасы гарнизона крепости. Охрану этих казематов нес специальный взвод, который состоял из 999-х. Товарищ Кюлес был назначен заместителем

командира взвода. Благодаря этому у нас появилась возможность передать весь арсенал в руки восставших. В планы были посвящены некоторые солдаты 15-й усиленной батареи, которая располагалась на территории тех же казарм и примыкающего к ней авиазавода. Восстание должно было начаться с этого завода, с территории которого произошел бы захват казарм. Получив доступ к оружию, восставшие получили бы контроль над городом. Наш тогдашний связник был старшим преподавателем, который жил на Саарландштрассе. Мы договорились, что сигналом к восстанию станет белая полоса, наклеенная на стеклянную дверь банка, что располагался поблизости от городского рынка. Эта полоса значила, что все силы приводились в боевую готовность. Но для этого потребовалось, чтобы один из сослуживцев перешел на сторону Красной Армии. Посовещавшись, мы решили, что это будет товарищ Кюлес. Во-первых, у него не было семьи, во-вторых, он был сведущ в военных вопросах. Мы учитывали, что Гитлер отдал приказ расправляться с родственниками дезертиров и перебежчиков. В начале марта мы передали пароль «Кашау» в распоряжение Красной Армии». До начала апреля все шло идеально, но восстание пришлось отменить, так как 20 апреля 1945 года большинство 500-х и 999-х были внезапно сорваны с места. К этим драматическим событиям мы вернемся немного попозже.

Глава 2

Гренадерские батальоны на Западном фронте

Как уже говорилось выше, к 500-м «испытательным частям» относились 291-й и 292-й гренадерские батальоны, которые были сформированы 10 сентября в Карлсруэ. Месяц спустя они должны были быть уже на передовой в составе 19-й армии. В тот момент командование Вермахта было обеспокоено тем, чтобы удержать Западный фронт по линии Антверпен — Люксембург — Бельфор. Тем временем из хаотически отступающих из Франции немецких частей создавали новые соединения, которые предполагалось использовать для контрнаступления.

В журнале боевых действий 19-й армии, которая удерживала южные участки Западного фронта, первое упоминание 291-го и 292-го гренадерских батальонов датируется 13 октября 1944 года: «64-й армейский корпус и 6-й полевой корпус Люфтваффе уведомлены о том, что для усиления придаются по одному испытательному батальону, каждый из которых состоит из 500 человек». В течение последующих двух месяцев оба батальона нередко находились на фронте в непосредственном соседстве. Поначалу они располагались в западной части Вогез, где 1-я французская и 7-я американская армии приближались к границам рейха. Первым заданием 291-го гренадерского батальона стало отражение совместно со 106-м танковым корпусом наступления союзников чуть южнее ле Бресс. В центре борьбы оказалась стратегически важная гора Хаут ду Фан. О ходе сражения мы можем читать в журнале боевых действий 19-й армии: «19 октября 1944 года. К югу от ле Бресс около 13 часов начато собственное наступление, целью которого является возвращение лесного массива к югу от Мозльота. Благодаря гренадерам и артиллерийскому огню, на некоторых участках удалось углубиться на 2 километра северо-восточнее Корнимона (ду Фан). В остальных местах упорное вражеское сопротивление. На вражеской стороне выступают 4-й и 6-й марокканские горнострелковые полки, которые удерживают участок шириной в 2,5 километра. Возобновление собственного наступления только после сообщения из корпуса, что будет доставлено пополнение, так как у самого корпуса больше нет резервов. В 17 часов 30 минут начинается наступление с высокогорья ду Фан силами батальона. Атака отбита. Собственные солдаты держатся только благодаря артиллерийскому огню. В лесном массиве в 1 километре на север от Вентрона рано утром уничтожена вражеская группа. При этом захвачены 10 пулеметов и 21 гранатомет». В то время как 291-й батальон удерживал пик ду Фан, 292-й батальон участвовал в боях под Вентроном. В этой ситуации не совсем ясна роль 106-й танковой бригады. Как она могла сражаться в горах? В горах можно было использовать только

входивший в состав бригады 2106-й моторизированный батальон. Не исключено, что он вел бои за горные высоты как раз посередине между 291 — м и 292-м батальоном.

Генерал А. Гийом, в тот момент являвшийся командиром 3-го алжирского полка, в своей статье «Сражение за Вогезы» писал о кровавых боях за ду Фан: «17 октября. 6-й французский горнострелковый полк завершил захват ду Фан. Но в долине немцы не отступают ни на пядь земли. Поражает, что они не воспользовались моментом, чтобы нанести по нам удар. Они стянули все находящиеся в их распоряжении резервы, которые только можно было собрать, включая два батальона политических заключенных, которые должны были испытаться (читай: искупить свою вину). Противник начинает массовую контратаку, но она захлебнулась. Ранее не было таких кровавых боев. Во время боев один из нацистских батальонов оставил на склонах гор до 70 % своего боевого состава. 6-й французский горнострелковый полк потерял при завоевании вершины более 100 человек, и около 700 убитых и раненых во время ее обороны. Так как усилился огонь немецкой артиллерии, то каждый залп является смертоносным для наших частей, которые после наступления еще не успели построить укрепления и укрытия. В лесах под Тонтуа группа африканских коммандос потеряла 92 человека».

Так как между немецкими подразделениями здесь фактически не проходило никакой границы, то можно утверждать, что 291-й и 292-й гренадерские батальоны не просто понесли огромные потери, но сыграли решающую роль в этом сражении. Упоминание французского генерала о том, что указанные батальоны состояли из «политических заключенных», вряд ли стоит принимать в расчет, так как он не до конца понимал специфику «испытательных батальонов». Не надо преувеличивать и героический дух «испытуемых гренадеров». Генрих Шеель, связной из 1-й роты 291-го батальона, вспоминал, когда начался массовый обстрел из минометов и гаубиц: «Нам такое и не снилось. Ни у кого не было желания отморозить себе задницу. Наш капитан, командир батальона, вообще не вылезал из окопа. Он подобно нам сдался в плен, решив не принимать геройскую смерть. Мы не хотели цепляться за каждый кусок земли».

Нечто похожее описывал Хайнц Штаховяк, который сражался в 292-м батальоне. «Во время атаки мы оказались между французами. Они боялись не меньше нас.

Они кричали нам: «В этом году война закончится. Отступайте!» И мы отступили. С нами только не было Вальтера Мира. Он остался лежать, и его взяли в плен. Наши потери были большими, но не огромными. Наша боеготовность падала на глазах».

Прежде чем мы предпримем попытку объяснить, почему давались столь противоположные оценки 291-му и 292-му батальонам, надо проследить дальнейший боевой путь этих военных формирований. После нескольких дней, когда немцам удалось добиться определенного успеха, стало ясно, что контрнаступление под ду Фан провалилось. Чтобы избежать крушения фронта, из Норвегии была переброшена 269-я пехотная дивизия, которая получила приказ «как можно быстрее выровнять линию фронта к западу от ле Бресс и к югу от Корнимонта». Гренадерские батальоны в тот момент были слишком слабы, чтобы участвовать в новой операции по захвату горного плацдарма. Теперь оба «испытательных батальона» временно должны были занять оборонительные рубежи, дабы затем перенестись на новый горячий участок фронта.

291-й батальон был переброшен западнее Сен-Дье, где союзники планировали начать новое наступление. Подробности можно узнать из журнала боевых действий 19-й армии: «25 октября 1944 года. Принимая во внимание возможное наступление вражеских сил на Сен-Дье, командование армейского корпуса приказывает подвести имеющиеся в распоряжении части: 4-й полевой корпус Люфтваффе, 291-й гренадерский батальон, а также 106-ю танковую бригаду.

26 октября 1944 года. Сквозь дыру во фронте севернее Руж враг с полудня подтягивает усиленные части. Во второй половине дня передовые отряды противника достигают опушки

леса к югу от Номпатлиза, Бургунса и Сосре. В тяжелой борьбе, связанной с большими потерями, 106-я танковая бригада отрезает противнику путь на север. В ходе контратаки 291-му батальону удается продвинуться на 2 километра севернее Руж. Во второй половине в Руж отражается очередное вражеское нападение».

Когда союзникам 27 октября в районе 11 часов удалось прорвать немецкую оборону в 45 километрах западнее Бургунса, то на этот участок фронта был брошен 292-й батальон. В тот же самый день силами этого батальона была предпринята контратака, которая закончилась в 8 часов утра следующего дня в районе 521 — й высоты, на подступах к которой остался лежать почти весь боевой состав. Высоту удалось все-таки захватить, но это вызвало очередную атаку союзников. Удар пришелся по правому флангу. Казалось бы, измотанный батальон не мог противостоять силам полка. Атаку не только удалось отбить, но и перейти в контрнаступление, в ходе которого батальон углубился на 3,5 километра во вражеские позиции северо-западнее Бургунса. 30 октября 1944 года в журнале боевых действий 19-й армии значилось: «Сегодня в районе 10 часов враг силами батальона с двух сторон обошел ключевую высоту в нескольких километрах от Ружевилля. Чтобы удержать позиции 16-й пехотной дивизии, командование 89-го армейского корпуса перебросило на этот участок 223-й пехотный и 292-й гренадерский батальоны. Вражеская атака была отбита».

Несколько позже отступление стало неизбежным. 929-й батальон, прикрывая отход немецких частей, двинулся в сторону Ширмека. Здесь нацистское руководство в свою бытность создало «лагерь для перевоспитания», который располагался в непосредственном соседстве с концентрационным лагерем Нацвайлер-Штрутхоф. В августе 1944 года заключенных «эвакуировали». Прикрытые с запада эсэсовцы провели массовую казнь французских заключенных из числа участников Сопротивления. Остальных угнали в Дахау. Убитые эсэсовцами происходили как раз из той местности, где приходилось сражаться 291-му и 292-му батальонам. Когда 292-й батальон вошел в Ширмек, то один из его солдат записал в дневнике следующие строки: «Здесь в Ширмеке, франктриеры[25] чуть было не добили нас. Мы поселились в одном из домов, а быков, которые тянули минометы, так как у нас не было тракторов, поставили в один из хлевов. Утром, когда мы вышли из дома, по нам из всех окон и дверных проемов был открыт огонь. Пули сыпались градом, так что быков забрать было нереально. Чтобы спастись, нам пришлось удирать и оставить орудия и минометы. Через полчаса нас обстреляли из собственных же минометов». В октябре — начале ноября 1944 года следы 292-го гренадерского батальона особого назначения фактически теряются. Сохранилось лишь сообщение Хайнца Вайнхольда, который служил в этом батальоне: «Нас послали в новый район боевых действий, где мы оставались несколько недель. Наш штаб располагался в Мюнстере (Эльзас), а командный пункт — в Зульцерне. Там нам удавалось аккуратно выпустить пар… В конце января — начале февраля 1945 года меня направляют в Трои-Эпи, где к западу от Кольмара я был ранен осколком гранаты. Меня направили в военный госпиталь в Эммендинген. Там за мной постоянно следило гестапо. Я ни на минуту не вырывался из-под их контроля. Штаб гестапо располагался как раз напротив моего госпиталя. Именно в госпитале я услышал, что наш батальон временно занял позицию в Ной-Брейза-хе, а командиром назначен комендант города». Прежде чем Хайнц Вайнхольд смог вернуться в свой батальон, его перевели в другой госпиталь, так как в гестапо опасались, что он может перебежать на сторону союзников. В тот момент он узнал, что 292-й батальон расположен в Ларе. О боевой готовности батальона Вайнхольд писал после войны следующее: «Я могу вспоминать один случай. Субъект, которого называли то ли купцом, то ли торговым агентом, во время воздушного налета американской авиации спрятался от страха за зенитным пулеметом, из которого начал стрелять в воздух. Чудом ему удалось сбить штурмовик. После этого он надул грудь колесом. Он ожидал, что за этот подвиг ему дадут помилование. Ему скостили половину тюремного срока. Это был единственный случай, когда кто-то попал под реабилитацию. Я не

могу сказать, что это происшествие было встречено с энтузиазмом. Солдаты продолжали нести службу также, как несли ее раньше».

Поводов для подъема боевого духа в действительности не было. За три-четыре недели боевой состав батальона сводился фактически к нулю. Лишь после этого командование присылало пополнение. Уровень потерь и их разновидности (погибшие, раненые, попавшие в плен, перебежчики, дезертиры, арестованные или казненные солдаты) во многом предопределяли настроения в батальонах. Солдаты устали от войны и были готовы даже на открытый протест. Этому моменту надо уделить особое внимание. Вряд ли присланные пополнения могли полностью восстановить численность батальона. Если говорить о фактах, то из Брюнна большой эшелон с пополнением вышел в марте 1945 года. Предыдущий транспорт уезжал на фронт лишь в декабре 1944 года. Судьба мартовского эшелона неизвестна. Есть только воспоминания солдата из декабрьского транспорта. «Нас погрузили в начале декабря. На длинном транспортном поезде мы ехали по растерзанной родине. В нашем вагоне были лишь деревянные скамьи. Мы жадно занимали места у окон и наполовину раскрытых дверей. У дверных проемов стояла наша охрана, которая в большинстве случаев состояла из унтер-офицеров и фельдфебелей, вооруженных автоматами и винтовками. Наверное, они тоже ехали на фронт проходить «испытание». Оружие: винтовки, легкие минометы и фаустпатроны и боеприпасы к ним — мы должны были получить лишь по прибытии на место. Однако пункт назначения нам не был известен. Мы ехали через Пльзень, Нюрнберг, Штутгарт и Карлсруэ. Ночью строго-настрого запрещалось курить. В Кельне мы медленно пересекли Рейн. И вот остановка. Последовал приказ, отданный почти шепотом: «На выход! Построиться в две шеренги. Получить оружие и боеприпасы. Марш!» Направляющего в колонне мы видели как некий снежный сугроб. В гору вползал странный удав. Команды и приказы все так же отдавались шепотом. Периодически кого-то приходилось вытягивать из глубокого снега. Чтобы зажечь сигарету, приходилось передавать фаустпатрон соседу.

«Hands up! Hands up! Hands up! Hands up!»1 — перед нами стояли двое черных. Раздалась пальба из винтовок и автоматов. Она звучала поблизости, но быстро умолкла. Мы попали в плен американо-французских войск. Мы уютно примостились на ночлег, как раз посреди их позиций. Ночью мы остались среди сугробов. Утром нас отвели в вогезскую деревушку. Там повсюду стояли танки, грузовики и понтоны. Свежая армия была готова к броску через Рейн. Нас допрашивал американский майор. Он отлично говорил по-немецки, наверное, был евреем. Он поздравил нас с пленением, после чего мы получили несколько пакетов с американскими припасами: сухой паек на завтрак, обед и ужин. Кроме этого, нам дали жевательную резинку, сигареты, сухой спирт и подобие спиртовки. Так мы получили возможность попить настоящего кофе в зернах. Затем подъехало три грузовика (студебеккер с открытым верхом), после переклички мы загрузились в них и поехали. Это была страшная поездка по разрушенным деревням и городам. По обе стороны улицы стояли люди, которые выкрикивали в наш адрес угрозы, кидали камни, комья грязи и навоза. Для них мы были разрушителями их страны, убийцами их сыновей, жен и детей. Для них мы были проклятыми немцами, бошами, немчурой. Под вечер 19 декабря (мой день рождения) мы прибывали в лагерь для военнопленных № 29. Это был огромный американский лагерь в окрестностях Шалонсюр-Сол».

Как видим, пленению немецких солдат и их гибели способствовали не только плохая погода, сложная территория, но и неуклонно растущая дезорганизация в работе штабов Вермахта. Все это с особой остротой ставит вопрос о германских потерях на участке ле Бресс — Мортанье — Сен-Дье. Ответ осложняется тем, что списки потерь велись в буквальном смысле «на глазок». Если говорить о 291-м гренадерском батальоне, то списки потерь охватывают лишь период 17 октября 1944 года — 16 февраля 1945 года, причем эти документы относятся не ко всем ротам. Но если посмотреть на эти документы, то видно, что в «гренадерских испытательных батальонах» пик потерь приходился на последние три месяца 1944 года. В 291-м батальоне потери составили 462 человека, причем 270 из них рассматривались как

«пропавшие без вести» или «возможно плененные». В 292-м батальоне за тот же период недосчитались 616 солдат, при этом почти половина воспринималась как пропавшие. Даже если принять в расчет сложный рельеф мест боев, то есть со временем пропавшие могли перейти в категорию «погибших», то все равно количество «недосчитавшихся» (пропавших без вести, возможно, пленных и т. д.) было очень высоким. Это невольно подталкивает к предположению, что «испытуемые солдаты» целыми группами дезертировали или переходили на сторону противника. Впрочем, командующий 19-й армии пытался всячески пресечь подобные подозрения. 1 ноября 1944 года он выпускает приказ № 1, в котором он напоминал, что «машину командования должны приветствовать не только офицеры». Одна из мелочей, которая якобы должна была повысить боевой дух в частях. Другой мелочью стал категорический запрет носить карабины вниз стволом, так как это была «большевистская манера». Но особо строго он взялся за дезертиров: «Растет число солдат, которые переходят на сторону врага или сдаются без боя. Во всех этих случаях будет проведено строжайшее расследование. При необходимости военно-полевые суды будут выносить приговоры заочно».

7 ноября 1944 года вышло еще одно предписание: «Всех солдат нужно сразу же информировать о том, что в случае установленного перехода на сторону врага или позорного пленения ответственность будут нести родственники труса». В самом деле, если принимать во внимание количество «недосчитавшихся» в 291-м и 292-м батальонах, то не исключено, что часть из них добровольно сдались в плен. Это демонстрирует пример Генриха Шееля, который 25 октября 1944 года попал в число тех самых «недосчитанных». Шеель, в прошлом член антифашистской организации «Красная капелла», говорил в мемуарах: «Я не сделал на этой войне ни одного выстрела по человеку. Я всегда стрелял только в воздух. Я не видел ни одной причины, чтобы гитлеровский режим сохранялся хотя бы на секунду дольше, чем ему было суждено… В окрестностях Сен-Дье нас высадили на заснеженном холме и приказали наступать. Но мы даже не знали, где располагался противник. Командир тоже ничего не знал. Поэтому он послал четыре разведгруппы, напутствуя: «Как только заметите передвижение противника, сразу же возвращайтесь и докладывайте обстановку». Я пошел на левый фланг в группе с Эрихом Христианом. Мы были утомлены. К тому же хлестал дождь, и мы промокли до нитки. Мы были никудышными разведчиками, которые ничего не видели. Мы лишь убедились, что путь чист. И тут мы попали под огонь. Пришлось падать в грязь. Одного из нашей группы ранили в плечо, и он постоянно жалобно стонал. Нас было девять человек и один унтер-офицер. Пулеметчик, маленький доносчик, заголосил: «Я им сейчас покажу». Он приподнялся и дал очередь из пулемета. На него тут же обрушился шквал вражеского огня. Он плюхнулся в укрытие и больше не делал ни одной попытки подняться… Унтер-офицер крикнул нам: «Единым рывком отходим назад!» Он досчитал до трех и отпрыгнул назад. Больше никто не пошел, а мы оставались лежать. Унтер-офицера заметили и стали обстреливать. Он лежал неподалеку от нас и спрашивал: «Что же теперь делать? Мы должны вернуться. Может быть, попробуем еще раз?». Мы хором грянули: «А может быть, лучше сдаться в плен?» Толстый Эрих Христиан лепетал: «А почему, собственно, нет?» Никто не решался взять на себя инициативу. Но в конце концов все согласились, что надо попробовать, даже унтер-офицер».

Группе Шееля повезло. Они нашли какие-то палки, повязали на них белые носовые платки. Так «испытуемые» попали в американский плен. 12 декабря 1944 года жена Генриха Шееля получила письмо из 291-го гренадерского батальона. В нем говорилось: «Конечно, Вы уже получали официальное уведомление о том, что Ваш муж, рядовой Генрих Шеель 25 октября 1944 года пропал без вести. Это единственное, что я могут ответить на Ваш запрос. Мне очень жаль, что я не могу сообщить Вам более радостную новость. В лице Вашего мужа мы потеряли очень хорошего солдата, верного своему воинскому долгу. Верю, что после победы Ваш муж непременно отыщется. Хайль Гитлер. Лейтенант Рапе».

Когда 292-й гренадерский батальон оказался в такой же сложной ситуации в лесном массиве близ Мортанье, Хайнц Штаховяк, приговоренный к двум годам тюрьмы «за подрыв

боеспособности», решил воспользоваться шансом добровольно сдаться американцам в плен. «Мы не знали, где мы оказались. Кто-то должен был пойти вперед на разведку». Однако американцы относились к перебежчику с недоверием. Они полагали, что Штаховяк пытался выторговать себе хорошее положение. Были и более вопиющие случаи.

27 октября 1944 года командованию 89-го армейского корпуса стало известно, что один офицер и 30 солдат из 225-го полка 16-й пехотной дивизии с оружием в руках перешли на сторону противника. Пока в течение нескольких дней шло расследование этого инцидента, в штаб приходит еще одна шокирующая новость. «На правом фланге 225-го гренадерского полка 5-я рота под командованием лейтенанта в полном составе переходит к американцам, предварительно обговорив условия сдачи в плен с парламентерами». Эти вопиющие случаи пытаются замять, а потому 16-ю пехотную дивизию переименовывают в Народно-гренадерскую дивизию. Делается это для того, чтобы скрыть подобные случаи от вышестоящего командования. Однако во время расследования инцидента вокруг лейтенанта В. армейский судья 30 октября 1944 года требует ареста командира дивизии генерала Хекеля. Формулировка проста — генерал вовремя не принял энергичные меры, которые могли бы предотвратить подобные происшествия. Однако итог расследования оказался весьма неожиданным. Судья в своем заключении утверждал: «Нет ясных указаний и свидетельств о том, что лейтенант В. и его люди перешли на сторону врага. Складывается общее впечатление, что они попали в засаду». Возможно, резкой перемене настроений способствовало известие, что генерал Хекель был представлен к Рыцарскому Кресту.

Многочисленные факты дезертирства и добровольной сдачи в плен служащих 291-го и 292-го батальонов оставили следы не только в воспоминаниях свидетелей и участников тех событий, но и в официальных документах. Так, например, только за период с 24 по 26 ноября 1944 года военно-полевым судом было рассмотрено 23 дела солдат 292-го батальона. В одном случае речь шла о «подрыве боеспособности», в трех — о дезертирстве, а во всех остальных девятнадцати — о «самовольном оставлении части». Но так как все дела в тот же день были переданы в Брюнн в суд 500-го батальона, можно полагать, что за формулировкой «самовольное оставление» скрывались попытки дезертирства. Это в какой-то мере подтверждается сообщением командования 292-го батальона, которое относится как раз к двум таким происшествиям.

«16 октября 1944 года из 1-й роты 292-го гренадерского батальона, располагающегося в 2 километрах на юго-восток от Корнимона, после вечернего принятия пищи исчезли гренадер Мар. и гренадер Мае. С этого времени оба отсутствуют,[26] Гренадер Мар., в прошлом офицер, который был разжалован и осужден за подрыв боеспособности. В роту он был переведен 9 сентября. Во время службы в роте он постоянно сказывался больным и не проявлял интереса к служебным обязанностям. Он пытался избежать любых поручений и заданий. Характер имел скрытный. Можно предположить, что он перешел на сторону врага. В последнее время гренадер Мар. был подавленным, грустным и бездеятельным.

Гренадер Мае. Был разжалован и осужден за то же самое преступление, что и Мар. Мас. также не испытывал оптимизма от новой службы. В Карлсруэ он неоднократно заверял своих сослуживцев, что ненадолго задержится в батальоне. Следовательно, можно предположить, что он самовольно оставил часть. Подозрительными кажутся отношения Мар. и Мае.»

Из другого источника следует, что призванный 31 июля 1942 года в Вермахт Мае. числился в так называемом «народном списке III»1. Впервые задержан он был 16 мая 1944 года. Как служащий зенитного расчета во Франции, который на треть состоял из «фольксдойче», 21 марта 1944 года послал в «немецкий народный список»[27] письмо, которое содержало «следующие антигосударственные высказывания»: «Сегодня нас два раза поднимали по тревоге, хотя ничего особого не происходило. Я вообще не видел в небе никаких самолетов…Несколько дней назад наш командир запретил нам общаться на польском языке. Он сказал, что посадит под арест каждого, кто произнесет хотя бы еще одно слово по-польски.

Но мы не боимся этого, если он арестует всех поляков, то кто же тогда будет стрелять?» Чтобы устрашить других фольксдойче, ефрейтор Мае., несмотря на хорошие отзывы командира, был приговорен к 1,5 года тюрьмы. Впрочем, после того, как он нашел единомышленника, у него лоявилась возможность навсегда покинуть «Великогерманский Вермахт».

Если бегство этих двух гренадеров, возможно, прошло успешно, то Бернхарду X. повезло меньше — его схватили. За несколько дней до окончания войны он был казнен в Бремене как один из множества пойманных дезертиров.

На фоне всех этих сообщений слова французского генерала А. Гийома о 291 — м и 292-м батальонах как достойном противнике, который ожесточенно сражался, кажутся несколько неоправданными. Хотя солдаты обоих батальонов были вынуждены предпринимать атаки и контрнаступления, но их военные успехи были весьма скромными. Гренадерские батальоны не могли идти ни в какое сравнение с 500-ми батальонами, воевавшими на Восточном фронте. Это выражается и в массовом дезертирстве, и случаях добровольной сдачи в плен. Хотя в данной ситуации надо было учитывать не только общую усталость от войны, которая была присуща и «испытуемым» и «уставному персоналу», но и страх перед советскими лагерями. Так, например, Хайнц Штаховяк на вопрос: перешел бы он на сторону Красной Армии? — однозначно отвечал: «Нет! Ни в коем случае!»

Глава 3

Последние бои 500-х батальонов на Восточном фронте

После участия в боях по подавлению Варшавского восстания 560-й батальон в начале октября 1944 года был переведен на север от Варшавы. Он занял позиции между 19-й танковой дивизией и 3-й танковой дивизией СС «Тотенкопф», сначала подчиняясь первому воинскому формирования, а с 7 октября поступил в распоряжение эсэсовцев. В немецкой литературе приводились следующие сведения о судьбе 560-го пехотного батальона особого назначения. Судя по всему, это были выдержки из журнала боевых действий.

«10 октября 1944 года. Атака вражеской пехоты встречена дивизией во всеоружии. Однако линия фронта была прорвана. Местами русская пехота следует за ураганным артиллерийским огнем, тут же занимая самые передние укрепления. На высоте 96, удерживаемой 560-м пехотным батальоном, русским удалось прорваться на восточном фланге со стороны Розополя.

11 октября 1944 года. После относительно спокойной ночи в ранние утренние часы на стыке 19-й танковой дивизии и дивизии «Тотенкопф» западная часть высоты 96 вновь занята небольшими пехотными формированиями. Предпринятая в то же время контратака из окрестностей Розополя — Бьялолека Двроска по направлению высот 90 и 96 встретила вражеское сопротивление. 10 часов 20 минут. Вражеская артиллерия засыпает снарядами позиции между высотами 96 и 101. Красной Армии силами 185-й и 260-й стрелковых дивизий удалось продвинуться по железной дороге до Плуды. 2-му танковому полку дивизии «Тотенкопф» при пехотной поддержке 560-го батальона удается выстроить линию снабжения вдоль железнодорожной дамбы Плуды, по юго-восточному краю Лапигроца и восточнее Розополя. Полное уничтожение 560-го пехотного батальона в районе Плуды приводит к разрыву в линии фронта. Если это станет известно советской разведке, то возникает угроза, что новая атака на эти позиции позволит русским продвинуться до Вислы. В данной ситуации 19-я танковая дивизия будет отрезана от находящихся на восточном берегу частей. В итоге в ход был пущен единственный резерв 7-го армейского корпуса — учебно-штурмовой батальон. Он должен был быть срочно переброшен на грузовиках из Варки, чтобы закрыть прорыв фронта на месте уничтоженного батальона Риддера».

Как видим, в этом отрывке речь идет о «полном уничтожении» 560-го батальона. Можно говорить, что после этого устойчивость «испытательного батальона» была исчерпана. Максимальные потери, нанесенные превосходящими советскими частями, не могли

компенсироваться срочно собранным пополнением, которое фактически не было готово к ведению активных боевых действий.

В этой связи имеет смысл привести отрывок из дневника Готтфрида Хамахера, который в начале ноября 1944 года был назначен Национальным комитетом «Свободная Германия» ответственным за работу на фронте именно с 560-м батальоном. В те дни после прорыва фронта и перегруппировки немецких войск остатки батальона оказались подчинены 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Сразу же надо отметить, что в ноябре личный состав батальона насчитывал не более 200 человек, хотя еще 21 октября в нем числлось 336 солдат. Так вот, в дневнике Готтфрида Хамахера можно прочитать: «Фронт Нарев. 5 ноября 1944 года. В начале ноября 1944 я получил из штаба армии сообщение, что на передовой появилась немецкая команда, так называемый 560-й «испытательный батальон особого назначения», который состоял из бывших заключенных. За позициями батальона располагалась эсэсовская часть, которая, судя по всему, имела задание препятствовать возможному отступлению батальона. Мне стало ясно, что солдаты «испытательного батальона» считали, что оказались в безнадежной ситуации. Оружие им предлагалось отбить у предполагаемого противника, а в спину им были направлены эсэсовские пулеметы.

От национального комитета я получил задание по возможности сохранить все жизни этих немецких солдат. Они не должны были погибнуть, выполняя безумные приказы Гитлера и Гиммлера. Я должен был указать им, что есть возможность продолжить свою жизнь в иной Германии. Для этого я направился на передовую. Моей целью было разъяснить солдатам 560-го батальона, что у них есть выход — дезертировать из гитлеровского Вермахта, и тем самым вырваться из безнадежной ситуации. Но мне еще предстояло узнать, что уговорить когда-то приговоренных к смерти было не так-то просто.

Первое сообщение о настроениях в 560-м батальоне я получал от унтер-офицера Хуберта Залмхофера, 22-летнего парикмахера из Граца. Залмхофер был захвачен в плен прошлой ночью во время вылазки на позиции Вермахта. Его похитили из окопа и на плечах дотащили до русских позиций… Залмхофер сообщил мне, что он был «испытуемым солдатом», в прошлом приговоренным к двум годам тюрьмы за самовольное оставление части. Он провел в заключении 10 месяцев, после чего был направлен в 560-й батальон. О боевом духе в батальоне не могло быть никакой речи. Единственным чувством, сохранившимся в солдатах, был страх перед русскими. Он считал маловероятным, чтобы кто-то добровольно перешел на советскую сторону. Тем более что все подступы к немецким позициям были заминированы. Поэтому его немало удивило, что русские без проблем перенесли его через минное поле.

«Вопреки этим настроениям, — сказал я ему, — мы должны приложить усилия, чтобы спасти этих солдат». Я полагал, что лучшим решением было дать ему самому поговорить через динамик со своими товарищами. Он должен был вкратце рассказать о пребывании у русских, о том, что с ним хорошо обращаются, а в конце речи добавить, что он встретился с представителем Национального комитета «Свободная Германия». Тогда он должен был добавить, что прежде чем весь батальон погибнет, солдаты еще могут спастись. Они должны перейти на сторону Национального комитета «Свободная Германия».

Залмхофер тут же откликнулся на мое предложение. После наступления темноты мы приблизились к самой передовой, откуда с разных сторон начали транслировать нашу передачу на позиции 560-го батальона. Наша работа шла без сучка, без задоринки. Но у нас не было уверенности, что она попадала в цель.

Фронт. Нарев. 6 ноября 1944 года. Сегодня утром я узнал из штаба полка, что рано утром видели, как шесть немецких солдат, пустив перед собой собаку, оставили немецкие позиции и направлялись в советскую сторону. Бежавшая по полю собака наступила на мину и подорвалась. После этого солдаты вернулись на свои позиции.

Фронт. Нарев. 8 ноября 1944 года. Я с Залмхофером в течение нескольких дней агитировал через динамик солдат 560-го батальона, но, судя по всему, мы не добились успеха. Никаких перемен. После этого Залмхофер должен был направиться обратно в лагерь военнопленных для регистрации, а я вновь остался один.

Фронт. Нарев. 9 ноября 1944 года. Ночью неожиданно все поменялось. Это был прорыв в нашей работе. Утром я получил сообщение, что ночью к русским прибыло два перебежчика из 560-го батальона. Речь шла о солдатах Рудольфе Беклере и Йозефе Зоболле — оба служили во 2-й роте. Они на протяжении нескольких дней слушали наши призывы и решили при первом же удобном случае добровольно сдаться в плен. Этот шанс им представился ночью 9 ноября 1944 года, когда командир роты послал их в дозор. Беклер, 28-летний слесарь-моторист из Берлина, в начале войны был призван в Люфтваффе, где служил механиком. Перед отпуском он похитил несколько радиоламп, которые установил дома на своем радиоприемнике. История вскрылась, и Беклер предстал перед военным судом. За такую мелочь его приговорили к двум годам тюрьмы. Через полгода заключения ему была оказана «милость» в виде прохождения испытания на фронте. В качестве причины, почему он добровольно сдался в плен, Беклер указывал на издевательства офицеров, которые приводили его к духовной и нравственной деградации. Он просто больше не мог мириться со скотским отношением, которое царило в батальоне. Когда он услышал наши призывы, то ему стало ясно, что русский плен был единственным путем к спасению.

Зоболла был младше его на 10 лет. Он был фольксдойче, занимавшимся сельским хозяйством в Яблоке-не (Польша). Он был призван в военно-морской флот, во французский Брест. Здесь он был приговорен к 6 месяцам тюрьмы за то, что дал голодным французам пару буханок хлеба. Ему также предстояло пройти испытание фронтом в 560-м батальоне. На мой вопрос о причинах перехода на русскую сторону он ответил: «Я действительно являюсь фольксдойче, но отнюдь не горю желанием пожертвовать своей жизнью во имя Гитлера. Обращение, с которым я столкнулся в Вермахте, лишь только укрепило мое намерение. Мы сошлись с Беклером в том, что это надо было сделать давным-давно».

Из высказываний дезертировавших служащих батальона становилось очевидно, что в тот момент и речи не могло быть о «воле к прохождению испытания». Однако страх перед советским пленом удерживал большинство солдат от перехода на сторону Красной Армии. Сыграла свою роль многолетняя антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, которая крепко засела в головах солдат, которые опасались возмездия партизан или красноармейцев. Насколько распространенным был этот страх в 500-х батальонах, можно было судить по высказыванию одного стрелка, которое он сделал уже после войны. Он числился в 560-м батальоне с июля по сентябрь 1944 года. Он был осужден за подстрекательские речи. В 1952 году он рассказывал, что в батальоне было известно: «Русские обычно мстили солдатам «испытательных батальонов», так как те смело сражались во всех боях». Он даже вспомнил, как один офицер рассказывал, что русские расправлялись даже с пленными. Вне зависимости от того, был ли в действительности этот факт расстрела этих пленных или это было порождением буйной фантазии офицера, который опирался на измышления о зверствах русских, остается признать, что большинство «испытуемых солдат» не ожидали ничего хорошего от попадания в советский плен. Именно в подобных условиях приходилось работать Готтфриду Хамахеру. Его разъяснительная работа, ведущаяся от лица «Свободной Германии», должна была позволить избежать ненужных никому жертв. Но, учитывая сложившуюся ситуацию, нет ничего удивительного в том, что советская пропаганда не имела особого успеха в 500-х батальонах. В процитированных выше дневниковых записях упоминались минные поля. Они равно, как и проволочные заграждения, простреливающиеся пространства, затрудняли организованные акции по добровольной сдаче в плен. Разумеется, не будь этих преград, число перебежчиков было бы значительно больше, но не стоит считать это единственной и главной причиной их недостаточного числа.

Из дневников мы узнаем, что Йозеф Зоболла и Рудольф Беклер, подобно Хуберту Залмхоферу, выразили готовность обратиться к своим сослуживцам с пропагандистскими призывами. Как в личных обращениях, так и в листовках они признавались в добровольной сдаче в плен и указывали на единственный выход — покинуть немецкие позиции. О воздействии этих пропагандистских акций в дневнике Готтфрида Хамахера было написано:

«Фронт. Нарев. 11 ноября 1944 года. На рассвете к нашим позициям приблизились 9 немецких солдат с поднятыми руками, в которых были зажаты белые платки. Их предводителем был 23-летний солдат Вольфганг Придель, пианист из Берлина. Он убедил своих товарищей в том, что надо перебегать на другую сторону. Приделя к этому подтолкнули бесчеловечное отношение в батальоне, а также уверенность в том, что Гитлер проиграл войну. Поэтому он решил сделать этот решительный и мужественный шаг. Все эти перебежчики читали листовки о Беклере и Зоболле, они также слышали наши передачи. Листовки они несли с собой как пропуска. Вольфганг Придель рассказывал мне, что он в 1943 году во время отпуска пытался скрыться в Берлине, но был отыскан, после чего провел 8 месяцев в тюрьме. Оттуда он был направлен в батальон.

Фронт. Нарев. 12 ноября 1944 года. Сегодня утром несколько частей Красной Армии на нашем участке фронта атаковали немецкую линию обороны. При этом позиции батальона были сметены. Среди захваченных пленников были и солдаты батальона, которые при русском наступлении бросили оружие и сдались в плен без боя. Другие, которые не прислушались к нашим призывам — их количество вряд ли удастся установить — погибли все до единого. Они были убиты в бою наступающими русскими или эсэсовцами, когда пытались отступать.

Это был конец 560-го «испытательного батальона». Около сотни медливших солдат нашли бесславный конец в чужой земле, а еще около сотни более мужественных — начало новой жизни».

Утверждение, что большинство батальона погибло в бою или было расстреляно эсэсовцами, не совсем верно. Точно известно, что «ошметки» 560-го батальона

ноября 1944 года были сняты с фронта, чтобы (как значилось в официальных документах) «пополнить резервы», именно резервы стоящей в Восточной Пруссии 4-й армии. Хотя для того, чтобы стать полноценным резервом, надо было наполнить батальон новыми солдатами. Настроение оставшихся в живых, не в последнюю очередь благодаря агитации Готтфрида Хамахера, было ужасным. По сути новое возникновение батальона произошло к югу от Тушена. 8 декабря 1944 года в журнале боевых действий значилась запись: «Благодаря прибытию 560-го батальона (750 служащих) боевой состав на северном участке фронте превышает 3800 человек».

Следы батальона теряются в начавшемся 13–14 января 1945 года сражении за Восточную Пруссию. Осталось всего-навсего единственное упоминание. Когда в феврале 1945 года 389-я пехотная дивизия предприняла успешную контратаку юго-восточнее Тухеля, была захвачена высота 145. В сводке о потерях говорилось, что в боях за Кониц-Лихнау (Западная Пруссия) 560-й батальон лишился 94 человек (51 убитый и 43 пропавшие без вести). Последние солдаты из этого батальона участвовали в марте 1945 года в боях за крепость Кюстрин. Здесь погиб один из участников Сопротивления, член «Красной капеллы» Андрэ Рихтер, которого приговорили к трем годам тюрьмы за «прослушивание иностранных радиостанций и недонесение о подготовке государственной измены». В батальоне он оказался в ноябре 1944 года, когда был вызволен из Эмсовских лагерей.

Кроме 560-го батальона, в течение последних семи месяцев войны на средней части Восточного фронта сражался также 550-й батальон. После активного использования в боях под Варшавой в октябре 1944 года батальон был переброшен на 40 километров южнее Варшавы, где на западном берегу Вислы находился советский плацдарм Варка (в немецких документах плацдарм Магнушев). Здесь «испытательная часть», в которой на тот момент оставалось всего

494 человека, попала в распоряжение 45-й народно-гренадерской дивизии. Однако 1 ноября 1944 года командование группы «Центр» отдало приказ перебросить батальон в Восточную Пруссию, где он был передан в распоряжение 3-й танковой армии. Вначале он был выдвинут на передовую на участок фронта Шлоссберг — Шильфельде. Там он сначала входил в состав 69-й пехотной дивизии, затем — 548-й народно-гренадерской дивизии, а в начале января 1945 года — 69-й пехотной дивизии. В тот момент на данном участке фронта было относительно спокойно, так как Красная Армия готовилась к генеральному наступлению, которое началось 13 января 1945 года.

Между тем 6 декабря 1944 года командование 3-й танковой армии сообщало в Верховное командование сухопутных сил о применении 550-го батальона: «С 3 ноября 1944 года батальон является подчиненным армии, но до сих пор не было ни одного удобного случая успешно использовать его на передовой. При значительной силе в батальоне ощущается недостаток офицеров и младших командиров, равно как оружия и боеприпасов». Тут же в батальон было направлено: 5 офицеров, 59 младших командиров, 10 пулеметов, 4 средних и 1 легкий миномет, 80 штурмовых винтовок и 20 «панцершреков».[28]

Когда командующий 3-й танковой армией 21 декабря 1944 года посещал с проверкой 9-й армейский корпус, то батальон произвел на него весьма благоприятное впечатление. «Солдаты 550-го испытательного пехотного батальона выглядят аккуратными. Якобы после роспуска одного из полков должно прибыть подкрепление в виде 300 человек. Для батальона это уж слишком много. Здесь недостаток уставного персонала».

Подобной перекройки не произошло, но тем не менее командующий 3-й танковой армией все равно отдал приказ найти в подчиненном ему армейском корпусе необходимое количество офицеров и младших командиров, и направить их в 550-й батальон, который на тот момент насчитывал уже 1000 человек. Несколько позже в батальоне были созданы 5-я и 6-я роты.

13 января 1945 года началось давно уже ожидаемое генеральное наступление Красной Армии. Уже 1 декабря 1944 года в журнале боевых действий 3-й танковой армии отмечалось: «Враг подтягивает подкрепления в район Эбенрода и Шлоссберга, что, пожалуй, соответствует его первоначальным планам. Большие эшелоны с арестантами и активизация авиации — все это указывает на то, что наступление будет осуществляться на этом участке». Использование советских штрафбатов, которые должны были пробить бреши в обороне Вермахта, считалось явным признаком крупного наступления. Получалась во многом странная ситуация: советские штрафники должны были воевать против своих немецких товарищей по несчастью. Их разделяло буквально несколько километров. Но эта символическая «встреча» так и не произошла. Советские штрафники стали прорывать фронт на участке выше Эбенрода, который удерживался силами 1-й пехотной дивизии, а 550-й батальон удерживал участок несколько севернее, ближе к Шлоссбергу. В середине февраля 1945 года в советской листовке были напечатаны имена различных офицеров, которые сдались в плен в восточно-прусском котле. В их числе находился командир 550-го батальона — капитан Альфонс Кляйнман. В другой листовке говорилось: «Многие из плененных офицеров — это старые опытные фронтовики. Взять, к примеру, капитана Кляйнмана, который 8 лет служит в Вермахте, и с первого дня войны находился на Восточном фронте. Он награжден множеством наград: Рыцарским крестом, Железным крестом 1 — го и 2-го класса, медалью «За зимнюю кампанию на Востоке», знаками «За атаку», «За ближний бой», «За танковый бой», «За ранение».

Такие офицеры сдаются, так как они являются опытными экспертами в военных делах. Они лучше, чем кто-либо другой, понимают, что Германия проиграла войну, что сопротивление в Восточно-прусском котле ничего не изменит. Они знают, что из котла не удастся ускользнуть. Можно только погибнуть и толкнуть солдат на бессмысленную смерть, либо прекратить сопротивление, сдаться в плен и тем самым спасти людей от неминуемой гибели».

Поскольку имена «плененных офицеров» были опубликованы в советской листовке с их одобрения, то невольно возникает вопрос — кому же этот пропагандистский материал смог

спасти жизнь. Хотя бои в Восточной Пруссии продолжались до 25 апреля 1945 года, новое командование батальона «недосчиталось» около 115 человек. Есть некая вероятность, что большая часть из них добровольно сдалась в плен. Но эта цифра была значительно ниже, чем в Витебском котле в июне 1944 года. Тогда «пропало» 165 из 441 человека.

Первая из «испытательных частей» 500-й пехотный батальон с октября 1944 года по февраль 1945 года находился в Восточной Словакии на границе с Венгрией. В этот период он в буквальном смысле слова переходил из рук в руки. За несколько месяцев батальон успел побывать в составе 100-й, 101-й егерских дивизий, а также 254-й и 75-й пехотных дивизий. Эти формирования вели бои против советских частей 2-го Украинского фронта, которые собирались освободить Словакию. Однако основные потери батальон нес в ходе стычек со словацкими партизанами. В конце февраля батальон был передислоцирован в Верхнюю Силезию на Одерский фронт. Там из него был сформирован 500-й гренадерский полк, который состоял из четырех батальонов, которые соответственно возглавляли Шмидтманн, Фишер, Бергер и Каупе. Тем не менее эти батальоны управлялись не единым штабом полка, а штабами различных дивизий, между которыми был поделен 500-й полк. В те дни ему приходилось удерживать участок фронта шириной в 25 километров между Крапицем и Козелем. В те дни в документах царила редкостная неразбериха, так как каждый из батальонов обозначался как 500-й. По этой причине очень сложно установить путь того или иного «испытательного формирования». Чтобы не запутаться, попробуем разобрать боевой путь каждого из 500-х батальонов.

С начала февраля 1945 года на Одерском фронте совершались отдельные, во многом случайные наступательные операции, что позволяло Вермахту и Ваффен-СС удерживать указанный участок фронта фактически до марта 1945 года. Поскольку не была предпринята своевременная эвакуация немецкого населения, СС удалось привлечь для создания системы обороны 10 тысяч заключенных из лагеря Освенцим, который с 8000 выживших был освобожден Красной Армией 27 января 1945 года. Вывезенные заключенные совершили печально известный «смертельный марш» в Нижнюю Силезию в концентрационный лагерь Гросс-Розен. Оттуда арестанты в период с 5 по 10 февраля 1945 года угонялись в другие лагеря, лежавшие дальше на запад. Если им повезло выжить во время марша смерти, то их ждала новая опасность. После того как провалились переговоры

Гиммлера с западными союзниками, рейхсфюрер СС 14 апреля отдал категоричный приказ: «Ни один заключенный не должен попасть живьем в руки неприятеля».

Удерживать фронт в районе Козеля — Крапица удавалось до 15 марта 1945 года, после чего части Красной Армии начали наступление, в ходе которого планировалось захватить западную часть Верхней Силезии. Но этому наступлению предшествовало последнее крупное контрнаступление немецких войск, которое 8 марта 1945 года было предпринято силами 9-го армейского корпуса. В этой операции принимали участие различные 500-е батальоны. В ходе этой авантюры большинство из 500-х батальонов попало в котел под Рассельвицем. Те немногие «испытуемые солдаты», которые все-таки вырвались из котла, оказались в Йоханнестале, где 20 марта 1945 года они были сведены в один батальон. Хорст Х., который был ранен и оказался с другими 20 «испытуемыми» в лазарете, писал: «Весь батальон состоял из обоза и потрепанной роты. Это были обломки пяти созданных в Козелле батальонов».

Штефан Хэрдер был в числе тех, кто в те дни попал в советский плен. Будучи солдатом Вермахта, Штефан Хэрдер дезертировал летом 1942 года после того, как стал очевидцем массовых убийств советских и польских евреев. «Ничто меня больше не связывало с миллионами озверевших немецких солдат», — писал он позже. После того как вынесенный ему смертный приговор был заменен 15-летним заключением в тюрьме, он был направлен в Эмсовские лагеря. Оттуда «болотного солдата» направили в форт Торгау. Затем был призыв в 500-й батальон, пребывание и Ольмютце и Брюнне. И лишь после этого Хэрдер оказался в Козеле. Он вспоминал о тех днях: «Из Торгау на эшелоне мы прибыли в 500-й батальон с целью

последующего использования на фронте. Наш транспорт застрял в Дрездене как раз в тот день, когда там совершалась ужасная бомбардировка[29] Я случайно попал в бомбоубежище — подвал пивоварни — и смог пережить этот налет. Тогда я настолько очерствел, что, избежав смерти, глядел на кучи ужасных трупов, но вспоминал тела тысяч убитых евреев и думал: вчера они еще все, начиная от школьника, заканчивая старушкой, голосили: «Бомбы, бомбы на Англию!» — сегодня их постигла участь, которую они пожелали другим. И во мне не было никакого сочувствия.

Наконец, я прибыл в Козель для участия в боях на Одерском фронте. Там во время безуспешной контратаки я был ранен и попал в русский плен. Но уже в июне 1945 года сбежал из лагеря для военнопленных, так как больше не мог молча выслушивать причитания моих соплеменников. Никто из них не знал больше меня о наших же зверствах, которые мы чинили в отношении «большевистских недочеловеков». Им было рискованно напоминать об этом, так как дело могло закончиться самосудом».

Предположение, что подобный печальный личный опыт определял душевное и психическое состояние солдат 500-х батальонов, а стало быть, приводил в конце войны к ярко выраженному протесту против военного принуждения, является в корне ошибочным. Хотя, как указывалось выше, в последние полгода войны в батальонах стали отчетливо проявляться «признаки разложения», источники во всей их совокупности говорят, что солдаты (даже под принуждением) продолжали рассматривать службу как свой военный долг. Георг Понтер писал, ссылаясь на приказ одного из офицеров 334-й пехотной дивизии: «Капитан запаса Фог сообщает о ночной атаке 500-го батальона на советские позиции в Крапице, приблизительно в 25 километрах к югу от Оппельна. В итоге плацдарм вплоть до моста по течению Одера вновь перешел в наши руки». Опираясь на тот же самый источник, можно отметить, что Крапиц «был самым беспокойным участком на фронте, который удерживался 334-й пехотной дивизией». Но до конца марта 1945 года этот район удерживался именно 500-м батальоном.

Пауль В. сообщал о другой успешной операции на отрезке Крапиц — Козель: «В феврале 1945 года я был назначен в разведку. Мы получили приказ уничтожить три противотанковых орудия за русской линией фронта. Во время вылазки мне прострелили бедро, а еще я был ранен осколком фанаты в голову. После успешного уничтожения советских орудий я был представлен к званию обер-ефрейтора, награжден Железным крестом первого класса и бронзовым знаком «За ранение». Позитивные отзывы — с точки зрения Вермахта — давал офицер Хорст X. из второго батальона (Фишер), в свою бытность разжалованный за «высказывания, подрывающие боеспособность». Он писал: «Мы получали хорошую и абсолютно новую униформу и амуницию, но нам не выдали никакого оружия… Эшелон шел 13 дней. Проехав через Братиславу, мы прибыли на плацдарм в Козеле (Нойкирх — Верхняя Силезия). Уже на вокзале Нойкирха мы попали под обстрел. Тогда мы устремились в канцелярию Доросселыилага, где разжились ручными фанатами, саперными лопатками, а каждый третий обзавелся винтовкой и боеприпасами. В ночь с 6-го на 7-е мы вышли на позиции… Кто-то спросил о бывших званиях. Когда никто не ответил, я произнес, что был командиром взвода. Мы продолжали лежать на позициях трое суток. Днем нельзя было двигаться, а ночью русские попытались атаковать. Затем дважды они пытались выбить нас с позиций днем, но все их атаки были отбиты. Продовольственное снабжение было сносным.

Количество потерь не очень высокое. Наша группа в те дни сделала очень многое. Дисциплина и товарищеские отношения были на должном уровне».

Читаем дальше: «На этом участке фронта мы никогда не строили укреплений. Как только советское давление ослабевало, нас тут же перебрасывали в другое место. Один марш навсегда останется в моей памяти. Люди были смертельно уставшими. Как только мы делали привал, то все разбегались по окрестным домам. Когда надо было продолжать путь, приходилось бегать по окрестностям и собирать их как разбредшихся баранов. Но относительно немного людей воспользовалось этой возможностью, чтобы сбежать. Тот, кто не

хотел сражаться, уже давно дезертировал. Неопытных солдат убили или ранили, поэтому в батальоне оставались только бывалые вояки, которые умудрились пройти через «болотные лагеря» и штрафные батальоны.[30]

Как видим, на Восточном фронте «испытуемые солдаты» проявляли большую готовность сражаться. Также здесь было меньше дезертиров, нежели на Западном фронте. Столь существенная разница может объясняться тем, что в плену у союзников немецкие солдаты имели больше шансов на выживание. По сообщениям разыскной службы Немецкого Красного Креста, в октябре 1944 года в 291-м и 292-м гренадерских батальонах без вести пропало 52 человека. По состоянию на апрель 1945 года эта цифра составляла около 900 человек.

Но какие причины заставляли сражаться солдат, которые, пройдя ФГА и лагеря, прекрасно понимали, что война была давно проиграна? Здесь перемешивались воедино различные обстоятельства, поэтому в большинстве случаев лучше было бы рассматривать пример конкретного солдата. Во-первых, надо указать на судебный террор, который имел наиболее яркое проявление именно на этом участке фронта. Дело в том, что это было непосредственно связано с назначением командующим группы армий «Центр», генерала Фердинанда Шёрнера. В армии о нем шла дурная молва. Военные за глаза называли его не иначе, как Фердинанд Кровавый. В частях ходила печальная присказка: «Тот, кто потерял свое подразделение, одной ногой уже стоял у кучи песка». Поясню. Кучи песка использовались как пулеуловители во время расстрелов на фронте. Насколько данный контроль был строг, Фернанд Конан узнал, пробыв всего несколько дней в одном из 500-х батальонов. Этот житель Люксембурга был призван в Вермахт в октябре 1942 года, после оккупации его страны Германией. Осенью 1943 года он использовал свой первый отпуск, чтобы сбегать с Восточного фронта. Он намеревался перейти к бельгийским партизанам. Однако его планам не было суждено сбыться. Он побывал и в Эмсовских лагерях, и в форте Торгау. Лишь только в конце 1944 года он оказался в 500-м батальоне. Один интересный факт о быте «болотных лагерей» и тюрем Вермахта. По прибытии в один из Эмсовских лагерей он весил 68 килограммов. Во время взвешивания в форте Торгау, весы показали 44 килограмма. Но вернемся на фронт. В феврале 1945 года Конан оказался в окрестностях Крапица. Он вспоминал: «Ежедневно я стоял на посту по 20 часов. Свое здоровье я подорвал еще в лагерях. Кстати, продовольственное снабжение здесь было такое же отвратительное, как и там. Я фактически не отдыхал. Моя нервная система была настолько истощена, что ночью во время сна я бредил. Не знаю, что я там наговорил, когда мой разум был помрачен, но фанатичный командир отделения, который спал в том же самом блиндаже, что и я, рассказал об этом командиру роты. Утверждалось, что я намеревался сбежать и весьма неуважительно отзывался о Вермахте. На самом деле я при первом же удобном случае перешел бы на сторону русских. Меня вырвали из сна и привели к подполковнику, который обозвал меня трусом и вредителем. Принимая во внимание мое поведение и мои судимости, меня должны были расстрелять. Однако я набрался сил и ответил, что я бредил, а на деле даже не помышляя об этих поступках». Поскольку это объяснение оказалось убедительным, то Фернанду Конану сохранили жизнь — его лишь перевели в другую роту.

Тем не менее волю многих 500-х парализовал не только угрожавший в настоящем и будущем террор военно-полевых судов, но и террор прошлого, когда им пришлось испытать на себе ужасы пребывания в тюрьмах и лагерях. Рейнхард Шульце перешел на советскую сторону, так как его смогли убедить в бессмысленности войны. Оглядываясь назад на 1945 год, он признавался, что воспоминания о времени пребывания в заключении сами по себе отгоняли любые мысли о дезертирстве: «Когда перед глазами представал эмсовский лагерь Эстервеген, то я говорил себе, что больше никогда не дезертирую. Я хотел промотать вперед это ужасное, неполноценное и беспомощное существование, мало походившее на бытие человека. Если бы вы были знакомы с адом болотных лагерей, то любые неприятности показались бы пустяками. Я бы с удовольствием оказался на передовой, нежели продолжал пребывать в Эстервеге-не. Этот лагерь был самым ужасным местом, какое только могло существовать на земле. С нами

обращались хуже, чем с животными. Когда я снова стал солдатом, то жизнь мне показалась раем».

Из этого высказывания становится понятным, как воздействовало на жертв нацистской армейской юстиции заключение в болотах. У некоторых «болотных солдат» после лагерей настолько усилилась ненависть к Вермахту и всему национал-социалистическому, что не могло быть и речи о заявленном «воспитании». Но с другой стороны, ужасные воспоминания сковывали волю к сопротивлению, а потому солдат казался во многом безупречным. При этом важную роль играл тот факт, что любая попытка покинуть Вермахт могла оказаться последней. 500-е сталкивались с этим на многочисленных примерах своих сослуживцев. Для многих попытка спасти свою жизнь заканчивалась казнью. Фактически никто ранее не учитывал, что после освобождения из «болотных лагерей» у солдат мог происходить психологический перелом. В лагере с ними обращались хуже, чем с животными, но в батальоне он вновь становился человеком. Насколько глубоко подобные изменения травмировали, можно узнать из слов бывшего «болотного солдата» Вольфганга Дитриха. Он описывал чувства, когда узнал о своем «помиловании» и зачислении летом 1944 года в «испытательный батальон»: «Было такое чувство, что я заново родился, что мне дали новую жизнь».

Аналогичные описания мы можем найти у Хорста Цитлова, которого за дезертирство и «подрыв боеспособности» приговорили к пяти годам лагерей. В ноябре 1944 года он перебрался из болот в Брюнн: «Мы прибыли из концентрационного лагеря. Многие из нас попрощались с жизнью. В Брюнне мы радовались каждой мелочи. Во время увольнительных мы ходили в кафе. Обращение с нами было нормальным, по крайней мере, не в пример лучшим, чем в Великой Германии. Это не была изнурительная муштра». Этот человек находил изменение в своей жизненной ситуации положительным. Это было неким усыпляющим наркозом, который притуплял у солдат чувство самосохранения. Общее чувство эйфории мешало понять, что Вермахт приносил страдания народам Европы. Солдат во многом оказывался просто неспособным разделить эту ответственность.

В этой связи можно сделать интересные наблюдения из области социальной психологии. На вопрос: как могло случиться, что количество дезертиров по сравнению с общей ситуацей в Вермахте было достаточно небольшим? Рейнхард Шульце ответил: «При этом надо учитывать менталитет фронтовых солдат: если не буду стрелять я, то будут стрелять в меня. Нередко унтер-офицеры шли за нашими спинами с пистолетом в руках. Думаете, кто-то горел желанием сражаться? Но испытательный батальон на то и был испытательным батальоном. А что было делать? У нас не было альтернативы. И к тому же мы полагали, что защищали немецкий народ. Мы полагали, что это благородное задание. Мы говорили себе: мы защищаем немцев, чтобы они не попали в руки русских».

Сделанный в конце этого воспоминания пассаж указывает на то, что даже солдаты, которые однажды дезертировали из Вермахта или были осуждены за «подрыв боеспособности», не имели в большинстве своем иммунитета от нацистской пропаганды. Внутренне противостоять ей могли только единицы. Пропаганда вдалбливала в головы 500-х, что их долгом является защита родины. Одновременно с этим смаковались картины возмездия, которое творила Красная Армия в Верхней Силезии и Судетской области. Хорст Х. сообщал об этом: «В батальоне оказалось несколько 16-летних мальчишек, которые служили связными. Эти дети были свидетелями занятия их города русскими. Им пришлось пережить все, что обычно было связано с этим: грабежи, насилие, пожары, расстрелы. Некоторые из них видели, как погибли их близкие. Им удалось ускользнуть в немецкие позиции, и теперь они горели желанием отомстить русским». Даже этот солдат, который в общих чертах знал об ужасах немецкой оккупации, о тысячах уничтоженных советских деревень и городов, о массовых расстрелах в Бабьем Яре, о лагерях смерти, не смог соотнести причину и следствие. В итоге он все равно воспринимал лишь страдания немецкого гражданского населения. В конце концов, спорным является тот факт, что истории, которыми потчевали 500-х, были правдивыми. Так,

например, Рейнхард Шульце упоминал, что сведения о зверствах русских в Козеле стали появляться еще до того, как 500-й батальон покинул этот участок фронта.

Между тем мы упомянули отнюдь не все факторы, которые способствовали тому, что многие 500-е пытались выполнить свой воинский долг. Наряду с банальной неспособностью принимать самостоятельные решения немалую роль играла вера в прохождение пресловутого «испытания». Хорст Х. так описывал ситуацию в конце войны: «Если в ходе боев часть лишалась своей канцелярии вместе с документами испытуемых солдат, то те теряли последнюю надежду на улучшение своего положения. Если погибал офицер, то солдаты теряли свидетеля, который мог подтвердить, что они действительно проходили «испытание». Только батальон был гарантией того, что еще имелся шанс вернуться из Богемии в Германию».

Кроме этого, некоторые из членов Национального комитета «Свободная Германия», действовавшие на том участке фронта, установили, что очень многие 500-е прониклись верой в «чудо-оружие фюрера». В протоколе рабочего совещания, которое состоялось 7 марта 1945 года, говорилось: «Кэммляйн вынес на обсуждение высказывание двух пленников из 500-го штрафного батальона: «Мы бы сами никогда добровольно не сдались в плен. У Германии определенно есть тайное оружие!».

Это был типичный прием, который заставлял и обыкновенных солдат Вермахта держаться до последнего. Общий обзор этих негативных явлений можно было прочитать в письме Национального комитета «Свободная Германия», которое еще 9 января 1944 года было направлено в штаб 4-го Украинского фронта. В бумаге, которая была посвящена организации пропаганды, говорилось:

«Из опыта установлены следующие предубеждения и сомнения, с которыми надо справиться:
Солдат узнал, что война не будет продолжаться долго.
Если сдаться в плен, то значит отложить свое возвращение домой.
Общая апатия…
Страх перед расстрелом в плену.
Надежда на столкновение союзников.
Надежда на гений Гитлера (чудо-оружие, тайное оружие)…
Очень сильный страх перед наказанием за совершенные преступления и разрушения на оккупированной территории.
Немецкий народ сжег за собой все мосты.
Страх перед гестапо».

Как видим, 500-х вынуждали оставаться под знаменами Вермахта множественные причины: собственная апатия, иллюзорные мечты, ужасы, нарисованные нацистской пропагандой, страх перед русским пленом, страх перед военно-полевыми судами и эсэсовскими заградительными отрядами. Наверное, протестный потенциал в 500-х батальонах был гораздо выше, чем в прочих частях Вермахта. Однако здесь явно не хватало политически грамотных солдат, которые смогли бы организовать подпольную работу, которые бы смогли вылить латентное недовольство и неявную оппозицию в открытое сопротивление. Те силы, которые могли бы это организовать или уже давным-давно сгинули в концентрационных лагерях, или же были изолированы в 999-х батальонах.

Как уже говорилось ранее, весной 1945 года военное руководство рейха направило «политически неблагонадежных» 999-х в состав 500-х батальонов. В частности, это касалось Ольмютца. Однако в последний месяц войны ситуация на фронтах оказалась для Вермахта настолько катастрофической, что было решено использовать все силы. В начале апреля 1945 года в Брюнн и Ольмютц были направлены эшелоны, которые должны были вывезти состоявшие по большей части из 999-х 500-е батальоны из пограничной области между Силезией и Словакией. В 20-х числах апреля эти «маршевые роты», равно как и остаток 500-го полка — батальон Фишера, должны были удерживать пространство, ограниченное

Цигенхальсом, Йоханнесталем, Цикмантелем. На эшелонах было увезено огромное количество 999-х, что (как уже говорилось выше) стало причиной ослабления подпольной организации. Фактически срывалось запланированное вооруженное восстание. Если говорить о военном положении батальона Фишера, то оно было описано в своих воспоминаниях Хорстом Х.: «Мы заняли позицию у подножия так называемой Епископской горы. Наше положение было отличным, а у русских отвратительным. Русские располагались в болотистой низине и возведение каких-либо укреплений было затруднительным. К тому же у нас была артиллерия, которая обладала достаточным боезапасом, чтобы вести заградительный огонь. К тому же русские пехотные части были никудышными. Они постоянно сменялись. После каждой смены на фронте опять следовало наступление. После того как русские поняли, что им сложно продвинуться вперед, на несколько дней наступило затишье. Время от времени нас призывали добровольно сдаваться в плен. Нам обещали много хорошего, но когда никто не перешел на их сторону, на нас обрушили мощный минометный огонь».

В указанном районе 500-й батальон Фишера входил в состав 1-й лыжно-егерской дивизии. Спокойная обстановка здесь длилась до 7 мая 1945 года. За день до этого гросс-адмирал Дёниц стал преемником Гитлера на посту рейхспрезидента Германии и главнокомандующего Вермахтом. В тот день он записал в дневнике: «Сообщение о восстании в Праге. С этой минуты части на Восточном фронте получают приказ по возможности спасти как можно больше немецких солдат и продвигаться на Запад». Этот приказ достиг и 1-й лыжно-егерской дивизии, которая тут же стала отступать в направлении Фрайвальдау и Ландскрона. О том, как происходило отступление в батальоне Фишера, описано в воспоминаниях Хорста Х.: «6 мая мы узнали, что на Восточном фронте война проиграна, и в ночь с 7-го на 8-е мая мы планомерно стали отходить в направлении Дюрра и Кунцедорфа». Но некоторое время до этого состоялся один драматический инцидент.

«Незадолго до отступления в одном из взводов вспыхнула паника. Нам сообщили, что рота должна прикрывать отход дивизии, а стало быть, надо пожертвовать взводом, который занимал центральные позиции. В то время взводы уже покинули левый и правый фланги. Один из новых командиров отделения ночью со своими людьми отошел назад. Люди, которые уже почти полмесяца жили в мокрых окопах, зашли в покинутую жителями деревню, дабы умыться, поесть и выспаться. Здесь они были схвачены. Все они предстали перед военно-полевым судом. Их приговорили к повешению. Казнь должна была быть осуществлена перед общим построением батальона. Я видел, как на глазах командира батальона выступили слезы». Эта казнь была абсолютно бессмысленной.

Хорст Х., в прошлом офицер, разжалованный за свои политические взгляды, каким-то неимоверным способом смог узнать о настроениях в других взводах 500-го батальона. «Так как осужденные ставили под угрозу общее отступление, то многие в батальоне считали этот приговор оправданным. Командир батальона позволил себе одну вольность — он расстрелял осужденных, а затем их тела повесил на обочине дороги. Вечером их трупы были похоронены отрядом фольксштурма».

В дополнение надо добавить, что это была отнюдь не единственная массовая казнь. Эти драматические события были непосредственно связаны с отзывом из Ольмютца группы «политических» 999-х. Один из них говорил, что в мае 1945 года вновь стали возникать подпольные группы, которые должны были объединиться и добровольно перейти на сторону Красной Армии. Что касается конкретных подробностей, то Отто Радам писал в мемуарах: «20 апреля наша часть оказалась в Силезии поблизости от Цигенхальса. У нас не было винтовок, так как нас по ночам заставляли рыть окопы. Только в конце апреля каждому второму из нас выдали винтовку. С несколькими приятелями мы заняли что-то вроде резервных позиций. 2 мая фельдфебель сообщил нам, что фюрер с окружением погиб в Берлине. Рано утром 4 мая меня и других 999-х собрали перед командным пунктом нашей роты. Там уже находился командир батальона капитан Фишер. В нашем присутствии девятнадцать наших товарищей

приговорили к смерти. Несколько солдат, вооруженных автоматами, погнали их в лес. Четверых из них потом повесили на деревьях». Автор говорит о двух группах казненных. Четверых расстрелянных, а затем повешенных, и других 15 солдатах. В дневнике Оскара Мейера есть запись: «4 мая. 15 человек расстреляли за самовольное оставление позиций».

В те дни очень многие из состава 500-го батальона задумывались над бессмысленностью кровопролития. Уже знакомый нам Фернанд Конан воспользовался суматохой, чтобы осуществить давно разрабатываемый план побега: «По поведению наших командиров и той нервозности, которая буквально носилась в воздухе, я понял, что-то произошло. Я уже давно принял решение. При первом же удобном случае я решился на побег. Ночью я стоял на карауле у еловой чащи, в которой обитали партизаны. В ночь с 4-го на 5-е мая 1945 года я выбросил винтовку и помчался в ельник. В меня кто-то выстрелил сзади, возможно, это был один из моих фанатичных конвоиров. Я добежал по лесу до первой же деревни, где спрятался в амбаре с сеном. Это была судетская деревушка Лангенбрюке. Я пытался перевязать рану моим носовым платком. Пуля слегка задела левую голень. Два дня я провел без еды и питья. А затем русский вал обрушился на немецкие позиции. Было слишком рано перебегать на другую сторону. За русскими в деревню вошли чешские партизаны. Только тогда я осмелился покинуть свое убежище».

Выдвинутый нами тезис о том, что волнения в батальоне Фишера были вызваны прикомандированными 999-ми, получает подтверждение в действиях, предпринятых командиром батальона. В своем письме чешским коммунистам О. Мейер писал, что «12 товарищей из батальона внезапно были разоружены и переданы в руки полевой жандармерии». В его дневнике говорилось: «6 мая. Внезапно разоружены 12 «политических» из числа 999-х. Переданы в жандармерию 1-й лыжно-егерской дивизии. 7 мая. Полевые жандармы отвели их в перелесок у Фрайвальдау».

Нечто подобное описывал Отто Радам. Но до сих пор непонятно, был ли это один и то же случай или все-таки разные. «6 мая. Я и еще 12 приятелей приговорены к смерти. Мы переданы в руки жандармерии для приведения приговора в исполнение. Я обязан ротному командиру жандармов, что он не стал убивать нас в тот же день. Видимо, он намеренно затягивал этот процесс. Он понимал, что война проиграна. Но так как мы были коммунистами, то гитлеровские палачи хотели нам отомстить. Но ночью началось спешное отступление. К нам приставили четырех ефрейторов и обер-ефрейторов, которые были вооружены пистолетами-пулеметами. Но и они сами были заинтересованы в том, чтобы вернуться домой к семьям. В итоге нам удалось удрать, когда конвоиры отвлеклись». В то время как Отто Радам вместе с берлинцем Вернером Мюллером-Гриммом оказались в советском плену, Оскар Мейер вместе с двумя коммунистами (Гансом Ленертом и Генрихом Кроне) укрылись в безопасном месте. О судьбе других антифашистов ничего не известно.

Даже если от нас укрылись некоторые подробности последних дней существования батальона Фишера, то все равно можно прийти к выводу, что 999-е дестабилизировали (насколько могли) обстановку в нем. Впрочем, даже в последний день войны батальон продолжал «функционировать». Хост Х. писал: «Рано утром 8 мая 1945 года наша артиллерия выпустила последние снаряды. Русские, видимо, полагали, что мы предпримем вылазку, а потому отошли со своих позиций. Это позволило нам перейти на новые позиции. Как только мы их заняли, то прибыл командир и сообщил, что ко вторнику мы должны были оказаться в Кёнигсграце за Эльбой. Смертельно усталые люди должны были преодолеть около 100 километров! Мы не понимали, что происходит. Говорили, что русские обошли нас, и мы рисковали попасть в окружение. Мы выкинули все, что могло помешать нашему марш-броску. Оставили только личное оружие и небольшой боезапас да пару гранат. Мы представляли, что из котла был выход, у которого стоял офицер и указывал дорогу домой!»

Однако на колонну напали чешские партизаны, и она была рассеяна по всем окрестностям. В Германию солдаты пробивались поодиночке или мелкими группами.

Некоторым из оставшихся в живых 500-х это удалось. Но большая часть попала в плен к партизанам или Красной Армии.

Глава 4

Запланированная гибель в Курляндском котле

Как уже говорилось ранее, 30 ноября 1944 года при группе армий «Север» из находящихся в распоряжении арестантов и осужденных был сформирован 491-й пехотный батальон особого назначения. Несколько позже группа армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия». На момент своего переименования, то есть к 25 января 1945 года, она оказалась отрезана от всех сухопутных путей. Ее снабжение могло осуществляться лишь через порты Лиепая (Либау) и Вентспилс (Виндау). К началу 1945 года линия фронта составляла приблизительно 250 километров. Она проходила от Рижского залива к Тукумсу (Туккум), через Салдус (Фрауенбург), Скрунуду (Шруден), Прикуле (Преекульн), вплоть до побережья Балтийского моря в 30 километрах от Либау. Об использовании 491-го пехотного батальона на Курляндском фронте известно достаточно немного. После своего создания 491-й батальон был направлен в окрестности Пампали, где он был подчинен командованию 132-й пехотной дивизии. К январю 1945 года он был передан 225-й пехотной дивизии, на позиции которой ожидалось самое сильное наступление Красной Армии. Это наступление началось 24 января 1945 года. В Вермахте его окрестили «Четвертой битвой за Курляндию». 26 января 1945 года командование 2-го армейского корпуса сообщало о ходе боев: «На левом фланге 11-й пехотной дивизии и 225-й пехотной дивизии отражено 23 атаки, которые предпринимались силами одного полка. На четвертый день 4-го сражения за Курляндию врагу не удалось достигнуть никакого успеха». Но все же в ночь с 27 на 28 января 1945 года Красная Армия прорвала фронт на участке, который как раз удерживался 491-м батальоном. В ходе этой операции батальон понес потери в количестве 300 человек.

Если этот пехотный батальон до сих пор рассматривался как некая разновидность «500-й испытательной части», а стало быть, бросался в самое пекло сражения, то постепенно его место занял 1-й армейский корпус. Само же командование корпуса получило приказ, который звучал совершенно по-иному. 5 февраля 1945 года командование корпуса получило указание «отвести батальон особого назначения с правого фланга корпуса, дабы предотвратить его попадание на острие советской атаки». Наверняка боевая ценность батальона была настолько низка, что немцы не хотели рисковать этим участком фронта — прорыв на нем означал крах всей немецкой группировки в Курляндии. Нечто подобное повторилось 14 февраля 1945 года: «Не признавать батальон особого назначения ударной частью и отвести его в резерв».

Как видим, в последние дни войны поспешно созданный 491-й батальон (впрочем, как и 291-й и 292-й гренадерские батальоны) не мог достичь тех результатов, которые приходились на боевую биографию собственно 500-х батальонов. Командование было вынуждено признать, что эксперимент оказался неудачным. Попытки привести в порядок воинскую дисциплину посредством вынесения массовых смертных приговоров вряд ли что-то могли изменить. В первую очередь это имело отношение к 491-му батальону.

Но наряду с 491-м батальоном в группе армий «Курляндия» продолжали воевать «старые» 500-е батальоны. В данной ситуации это были 540-й и 561-й пехотные батальоны. Обе формации по-прежнему оказывались в самом пекле атак, которые пыталась отбить 18-я армия. Это указывает на то, что 500-е, несмотря ни на что, сохранили свою боеспособность и рассматривались командованием армии как вполне надежные части. Указанное пекло творилось в районе Преекульна (35 км на юго-восток от Либау), где Красная Армия намеревалась нанести мощный удар вдоль железнодорожной линии Преекульн — Либау, заняв тем самым важнейший стратегический порт. Второй очаг битвы был у Пампали (75 км юго-восточнее Либау и в 25 км на юго-запад от Фрауенбурга), где советская атака должна была перерезать железную дорогу, заблокировав тем самым 16-ю и 18-ю немецкие армии.

После того как в сентябре 1944 года от 561-го батальона осталось 15 человек, он был заново пополнен и передан под командование майора Йонишкайте. Первый бой в новом составе он принял у Пампали. О боях в ноябре 1944 года рассказывалось в документах разыскной службы Немецкого Красного Креста: «Советские войска непрерывно атакуют в окрестностях Фрауенбурга, где проходит граница между 16-й и 18-й армиями. Противник неоднократно пытался расколоть воинскую группировку и достичь Либау. 561-й гренадерский батальон с прошлой недели оказался в районе Пампали, в 25 километрах на юго-запад от Фрауенбурга. После обусловленного плохой погодой перерыва между боями противник 17 ноября продолжал наносить удары в этом направлении. При поддержке танковых и летных частей пехота пытается с юга перерезать трассу и железную дорогу из Фрауенбурга в Либау. В окрестностях Пампали дошло до кровопролитных боев, в ходе которых обороняющиеся вынуждены отступить на север на 5 километров от Лотки в направлении Стедени. По сообщениям возвратившихся в тыл, 20 ноября боевая группа батальона предприняла наступление близ Бринини, которое несмотря на успех советского наступления продолжало обороняться. Боевая группа была вынуждена перейти к круговой обороне и, когда после высоких потерь давление противника усилилось, оставила захваченную территорию. 24 ноября небольшими группами батальон перешел на прежние позиции. После этого боя 561-й гренадерский батальон недосчитался множества солдат».

После того как длительные дожди временно прервали бои, 21 декабря 1944 года было начато очередное наступление превосходящих советских сил («Третья битва за Курляндию»). О ней также упомянуто в документах разыскной службы: «После ожесточенных боев солдаты 561-го гренадерского батальона были вынуждены оставить Пампали и отойти на север к Стедени, Лигуте и Перкени. Эти местечки неоднократно переходили из рук в руки. И лишь к ночи 22 декабря неприятель овладел ими. Лишившись связи, остатки батальона продолжили отступление на север. Лишь немногим удалось вырваться».

После этих боев, связанных с огромными потерями, батальоны долгое время не пополнялись. Лишь 8 января 1945 года в 540-й и 561-й батальоны были направлены свежие силы в количестве 493 человек. На тот момент оба батальона оказались о районе Преекульна. Они были направлены в резерв и некоторое время пребывали в относительном спокойствии. Однако 23 января 1945 года 561-й батальон был вновь направлен на передовую. Вечером того же дня специально присланный из 10-го армейского корпуса генерал Томашки сообщал: «561-й батальон все уладит. У Аксели хорошее продвижение». А вот сообщение от 26 января 1945 года: «Батальон подвергается сильным атакам с южного направления. Удалось предотвратить прорыв фронта у Толи и восточнее Саулиши». Дальнейший ход боев описан Немецким Красным Крестом: «Предпринятая здесь 27 и 28 января контратака силами 561 — го гренадерского батальона оказалась безуспешной. После тяжелых боев пришлось уступить близлежащие деревни Райни, Тольки и Калети. Остатки ударной группы воссоединились частью, после чего начали отступление на исходные позиции». Далее сообщалось о больших потерях.

После этой провалившейся операции 561-й батальон был в очередной раз обескровлен. Его пришлось отозвать с передовой. Когда в феврале 1945 года началась «Пятая битва за Курляндию» (20 февраля — 11 марта 1945 года) он стал использоваться в качестве резерва для 540-го батальона, который оказался у Преекульна. Об использовании этого батальона, командиром которого являлся Гуддак, еще в конце 1944 года внесенный в «Почетный список немецкой армии», сообщал опять же Немецкий Красный Крест: «Между 15 и 19 февраля эта часть была подготовлена к боевым действиям. 20 февраля ей пришлось столкнуться с мощным советским наступлением, которое началось с сильного артиллерийского обстрела Преекульна, а также железной дороги, ведущей в Либау. Вскоре после этого последовал мощный пехотно-танковый удар, в то время как вражеская авиация засыпала сотнями бомб немецкие укрепления на передовой. 540-й гренадерский батальон, который обеспечивал на разных участках фронта прикрытие железной дороги, тут же вступил в ожесточенную борьбу. Он сразу

же понес огромные потери. 22 февраля противник занял Преекульн. Отступающие немецкие части, среди которых были роты 540-го батальона, приняли бой на следующий день в 7 километрах западнее около деревни Йаусени у железнодорожного полотна. Почти все они погибли. Самые большие потери понес 540-й батальон». Прежде чем 540-й батальон был окружен, он успел принять участие в уничтожении 8-й гвардейской дивизии Красной Армии, которое было допущено в марте 1945 года.

Хотя о 540-м и 561-м батальонах сохранилось не очень много документов, которые освещают их боевые действия с ноября 1944 года по весну 1945 года, но даже этих скудных сведений достаточно, чтобы сделать следующие выводы. Во-первых, один из командиров батальона был внесен в «Почетный список немецкой армии». Во-вторых, батальоны использовались на самых опасных участках фронта. В-третьих, ни в одном из документов нет отрицательных отзывов в адрес батальонов. Все позволяет говорить о том, что они не уступали регулярным частям Вермахта ни по боеспособности, ни по надежности. И это в то время, когда 5-й литовский батальон был обезоружен, так как «возникли подозрения, что литовцы намеревались дезертировать в Швецию». Войну они продолжили в роли «испытуемых солдат» 563-й народно-гренадерской дивизии. Впрочем, в данной ситуации проводить параллели с 500-ми батальонами было бы поспешно.

Чтобы хоть как-то компенсировать высокие потери в 491-м, 540-м и 561-м батальонах, в апреле 1945 года в Курляндский котел из Брюнна и Ольмютца был направлен транспорт. Хотя несколько подразделений было вывезено из котла, но полное освобождение Курляндии не значилось в планах военного руководства Германии. Курляндский котел был с самого начал обречен на гибель. С военной точки зрения он был бессмысленной затеей. Тысячи солдат стали заложниками политических игр нацистских бонз. Верхушка рейха в ходе своих переговоров с западными союзниками надеялась использовать Курляндию как бастион для распространения антисоветских настроений по Восточной Европе. 7 апреля 1945 года транспорт по морю вывез в Курляндию 350 человек из состава батальонов, которые базировались в Брюнне в «казармах Адольфа Гитлера». На этом транспорте ехал осужденный за «подрыв боеспособности» Генрих Ф., в прошлом «болотный солдат» и заключенный форта Торгау. Он сообщал о судьбе этого парохода: «Корабль был могучим сооружением. Он носил имя «Капитан Гвир». 13 апреля 1945 года около 19 часов он встал на якорь у острова Рюген. Там мы пробыли и 14 апреля. В воскресенье утром 15 апреля мы взяли курс на Либау. Нас сопровождали дозорный катер и тральщик. Была великолепная погода. Балтийское море было гладким, как зеркало. Пассажирами в основном были латышские эсэсовцы, вояки да мы, «испытуемые солдаты». Я думаю, ехало всего 1200 человек. Внезапно зазвучала корабельная сирена. Воздушная тревога! Появилось восемь вражеских истребителей. Между ними и зенитчиками завязалась безумная перестрелка. Кругом рвались бомбы. Наш корабль получил пробоину в борту. Раздался ужасный треск. Кругом кутерьма. Вокруг какие-то ящики, доски, кровати. В нас попали три раза. Два раза бомбами. Один раз торпедой. У меня застряла нога, и я оказался на краю смерти. Огонь! Чад! Кто-то бегал мимо меня, кто-то валялся рядом убитый. Я же из последних сил пытался высвободить ногу, застрявшую между досок. Тогда я взмолился: Дева Мария, помоги мне! Тут я почувствовал, что доски ослабли. Мне удалось высвободиться. В тот же момент я взлетел на верхнюю палубу, схватил спасательный жилет и прыгнул в воду. Я сразу же попытался уплыть подальше от тонущего корабля. Минут через 10 я достиг дозорного катера. Вода была настолько холодной, что я еле-еле вцепился в брошенный мне канат. Оглянувшись назад, я увидел картину, которую обычно видел только в военных киножурналах. Корабль тонул, одна половина его возвышалась над водой, другая уже была под ней. На выдающейся над водой корме я видел людей, которые кричали и метались из стороны в сторону. Некоторые их них сигали в воду, некоторые ждали, пока корабль уйдет под воду. Но и тех и других воронки утягивали на глубину».

Во время налета советская авиация уничтожила 774 человека. До Курляндии не добралось и половины ехавших на корабле. По этой причине из Ольмютца был направлен новый транспорт. Новое пополнение было погружено на корабль и 17 апреля 1945 года прибыло в Либау. Как можно догадаться, на этом судне оказался «коктейль» из собственно 500-х и множества 999-х. Пауль Беринг, некогда политический заключенный, позже 999-й, вспоминал в 1946 году: «Во время пасхальной недели 1945 года из присутствовавших внезапно выбрали около 200 человек. На следующий день мы узнали, что должны быть направлены в Курляндию. Во время пути мы выяснили, что из 200 человек приблизительно 80 было 500-ми, а 120–999-ми. 21 апреля 1945 года мы прибыли в Либау и там уже все стали 500-ми».

Собственно 500-е были направлены в 540-й и 561-й батальоны. Командование не решилось повторять опыт с созданием «смешанных рот». По этой причине большинство 999-х было направлено в 491-й батальон, который не зарекомендовал себя с «лучшей стороны». Об их последующей судьбе Пауль Беринг сообщал: «В тот же день нас направили на близлежащий южный участок фронта. Нас и там считали ненадежными солдатами. Нас бесконечно сортировали, пока не осталось 28 человек. Всех остальных также разделили на роты и направили на передовую. Двое из них сразу же перешли на сторону Красной Армии… Когда мы осмотрелись, то обнаружили, что все были коммунистами или социал-демократами, которые прошли через концентрационные лагеря. Среди нас даже оказался бывший депутат рейхстага Вилли Агац. Все мы оказались в штрафной роте. Если я не ошибаюсь, то нас приписали к 420-му батальону[31] Мы держались особняком. Не могу сказать, что с нами обращались плохо. Скорее всего, отношение можно было бы назвать настороженным. Но это не было истинным отношением. Мы чувствовали это, но так и не могли понять, что было уготовано для нас. Мы получили винтовки без боеприпасов и стали привлекаться к различным трудовым заданиям. Как-то мы целый день маршировали по направлению к передовой, где стали валить деревья и распиливать их. Это была тяжелая работа, но мы выдержали».

Как показывают документы, сортировка «политических» 999-х происходила после допроса, который осуществлялся офицером 491-го батальона. 8 мая 1945 года, в день безусловной капитуляции гитлеровского Вермахта, было отобрано трое 999-х, в том числе Вильгельм Агац. Их должны были ликвидировать в последний момент без какого-либо суда и следствия. Как следовало из показаний командира 5-й роты 491-го батальона лейтенанта Юблера, он смог сначала задержать на несколько часов, а затем и вовсе предотвратить «ликвидацию». Он заявил в советском плену, что «считал запланированный расстрел преступлением, в котором он не хотел принимать участия».

Конец этой истории лучше рассказать устами Пауля Беринга: «Между тем приближалось 8 мая 1945 года, день капитуляции Германии. Но об этом мы узнали несколько попозже. Здесь же война, кажется, была непрерывной. В этот майский день мы увидели нескольких офицеров фашистского Вермахта. У них не было оружия, но были стальные каски и белые повязки. Они шли по направлению к фронту. Что случилось? Ответ мы получили очень быстро. Наши командиры прощались с нами. Протягивали нам руки. Некоторые внезапно стали называть нас «товарищами». Это слово мы услышали впервые с тех времен, как нас, «недостойных несения службы», призвали в Вермахт. Было видно, что крысы собирались бежать с корабля. Мы 999-е — 25 коммунистов — вооружались и стали отбирать оружие у всех офицеров, которые нам попадались навстречу. Нашей следующей целью стал штаб роты, в котором мы намеревались узнать о судьбах наших товарищей Вилли Агаца и Вальтера Зарова. К счастью, мы нашли их живыми. Их должны были расстрелять рядом с дорогой, которая вела к карьеру. Унтер-офицер должен был выступить в роли палача и действовать без приговора военного суда. Но тем не менее одному из офицеров показалось, что в сложившейся обстановке было бы целесообразнее отложить казнь. Теперь мы стали совершенно независимыми. Остальные солдаты просились идти вместе с нами, но мы поручили им распределение продуктов, которые были найдены в штабе.

Во второй половине дня в нашу область стали проникать первые группы красноармейцев. Однако у советских солдат не было времени позаботиться о нас. Они спешили в Лиепаю, откуда немецкие офицеры и штаб окруженной группы армий пытались скрыться на заранее подготовленных судах. Между тем мы собрали всех солдат у бывшей линии фронта и стали их агитировать. Вилли Агац говорил им о конце войны и о том, что у них начнется новая жизнь. Это было первое легальное антифашистское выступление, начиная с 1933 года. Внезапно случился перерыв. Причиной этого стал приближавшийся советский конный эскадрон. К нам подъехало приблизительно 10 всадников. Они не стали спешиваться, а только пересчитали нас. Мы приветствовали наших освободителей громкими ликующими криками «ура!». Затем мы стали петь «Интернационал». Русские всадники стали подпевать нам. Затем они отсалютовали и направились обратно. Они даже оставили нам оружие. Мы построились в порядок и с пролетарскими песнями направились в советский плен».

Заключение

Летом 2007 года Министерство обороны Соединенных Штатов Америки выразило озабоченность тем, что в ряды вооруженных сил стали все чаще просачиваться уголовные элементы, которые после окончания службы использовали полученные навыки отнюдь не в законных целях. Все это говорит о том, что в США ощущается явный недостаток в потенциальных военных кадрах. По этой причине американским воякам приходится закрывать глаза на прошлое солдат. Нечто подобное использовалось и используется во французском Иностранном легионе. Но в данной ситуации речь идет об особом формировании, которое применяется в исключительных случаях. Нечто подобное можно сказать и о канувших в Лету «штрафных батальонах Вермахта». Начав свое существование исключительно с «воспитательными» целями, они превратились в некое подобие ударных частей, которыми пытались закрыть бреши, появившиеся на фронте. Однако штрафные батальоны не спасли Третий рейх от военного поражения. В равной степени было бы ошибочным считать, что Великая Отечественная война была выиграна исключительно силами советских «штрафбатов». Обе стороны в критический момент пытались избавиться от «ненужных» обществу элементов, посылая их в военное пекло. Главное отличие заключалось в том, что советское руководство не создавало сложную систему штрафных подразделений, ограничившись штрафными батальонами и ротами. В Вермахте с присущей немцам педантичностью эта система выкристаллизовывалась долгое время, пока (по мнению нацистского руководства) не было найдено оптимальное решение. Данная книга отнюдь не исчерпывает тематики, вынесенной в ее заглавие. За бортом фактически остались 500-й парашютно-десантный батальон СС и бригада Дирлевангера. Впрочем, полагаю, что автору все-таки удалось пролить свет на более чем запутанный вопрос о штрафных батальонах Вермахта.

Список использованной литературы

Absolon, Rudolf. Die Sondereinheiten in der frьheren deutschen Wehrmacht (Straf-, Bewдhrungs-und Erziehungseinrichtungen). Kornelimьnster. 1952

Bьhrmann, Frank-Peters. Ziviler Strafvollzug fьr die Wehrmacht. Militдrgerichtlich Verurteilte in den Emslandlagern. 1939–1945. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades Universitдt zu Osnabrьck. 2002

Burkhardt, Hans. Die mit dem blauen Schein. bber den antifaschistischen Widerstand in den 999er Formationen der faschistischen deutschen Wehrmacht (1942 bis 1945). Militдrverlag der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin. 1962 Klausch, Hans-Peter. Die 999er. Von der Brigade «Z» zur Afrika-Division 999. Die Bewдhrungsbataillone und ihr Anteil am antifaschistischen Widerstand. Frankfurt am Main: Rцderberg. 1986 Klausch, Hans-Peter. Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Hдftlinge, Zuchthaus— und Wehrmachtstrafgefangenen in der SS-Sonderformation Dir-lewanger(DIZSchriften, Bd. 6) Bremen: Edition Temme. 1993 Klausch, Hans-Peter. Weitgehend unerforscht: Die Konzentrationslager der Wehrmacht. In: Beitrдge zur Geschichteder Arbeiterbewegung, Bd. 35 (1993), H. 4, S. 31–42

Klausch, Hans-Peter. Die Bewдhrungstruppe 500. Stellung und Funktion der Bewдhrungstruppe 500 im System von NS-Wehrrecht, NS-Militдijustiz und WehrmachtstrafVollzug (DIZ-Schriften, Bd. 8) Bremen: Edition Temmen. 1995

LьerЯen, Dirk. «Wir sind die Moorsoldaten». Die Insassen der frьhen Konzentrationslager im Emsland 1933 bis 1936. Biographische Untersuchungen zum Zusammenhang zwischen kategorialer Zuordnung der Verhafteten, deren jeweiligen Verhaltensformen im Lager und den Auswirkungen der Haft auf die weitere Lebensgeschichte. Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Wirtschafts— und Sozialwissenschaften (Dr. rer. pol.) am Fachbereich Sozialwissenschaften der Universitдt Osnabrьck vorgelegt am 25. Mai 2001

Seidler, Franz W. Die Militдrgerichtsbarkeit der Deutschen Wehrmacht 1939–1945. Rechtsprechung und Strafvollzug, Mьnchen, Berlin. 1991

Seidler, Franz W. Fahnenflucht. Der Soldat zwischen Eid und Gewissen, Mьnchen, Berlin. 1993

Voigt, Horst. Das geheimnisvolle «Strafbataillon». Klarstellung ьber die Sondervertnde der Wehrmacht//AK, 1970 (18.), H. 7/8, S. 49f.

Voigt, Horst. Die «verlorenen Haufen». Sondertruppen zur Frontbewдhrung im 2. Weltkrieg. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte, Teil I–XII // Deutsches Soldatenjahrbuch (DSJb), 1980 (28.) -1991/92 (39./40.)

Weih, Ruth. Alltag fьr Soldaten? Kriegserinnerungen und soldatischer Alltag in der Varangerregion. 1940–44. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der philosophischen Fakultдt der Christian-Albrechts-Universitдt zu Kiel. 2005

Примечания

1

Первой мировой

2

Традиционно перевод этой формулировки звучит как «непригоден к военной службе». Однако он является не совсем точным и не передает полностью всех аспектов (в том числе идеологических), которые связаны с его использованием.

3

«Служба по исследованию пригодности». — А.В.

4

свидетели Иеговы. — А.В.

5

тюрьма Вермахта. — А.В.

6

ФГА. — А.В.

7

нацистский вариант «врага народа». — А.В.

8

Подразумеваются прежде всего антифашистские партии: коммунистическая, социал-демократическая и т. д.

9

НСДАП. — А.В.

10

испытательной части 500. — А.В.

11

Напола — Национально-политические воспитательные заведения — элитарные учебные заведения Третьего рейха, где упор делался на практическую подготовку к несению военной и партийной службы.

12

в Германию. — А.В.

13

секрета. — А.В.

14

командир 500-го батальона. — А.В.

15

командир 550-го батальона. — А.В.

16

третья рота 550-го батальона. — А.В.

17

немецкое название Бяла-Подляска. — А.В.

18

560-й батальон. — А.В.

19

100-й егерской. — А.В.

20

немцев. — А.В.

21

на сторону СССР. —А.В.

22

в данный момент Штефан Э. смог перебраться в Австрию. — А.В.

23

можно было сформировать отдельный батальон. — А.В.

24

Макс Фельш до 20 сентября 1939 года уже был заключенным лагеря Бухенвальд. — А.В.

25

Франкриеры — «вольные стрелки», так назывались французские партизаны, которые совершали вылазки против пруссаков во время франко-прусской войны. В годы Второй мировой войны — общее название для местного населения, которое оказывало вооруженное сопротивление.

26

документ был датирован 26 октября 1944 года. — А.В.

27

«Немецкий народный список» — организация, которая служила инструментом учета немцев и фольксдойче в Западной Польше. Позже подобная практика стала применяться также на других оккупированных территориях.

28

Панцершрек (с нем. «танковый ужас») — разновидность гранатомета, отличавшаяся от панцерфауста возможностью многократного использования.

29

12–14 февраля 1945 года. — А.В.

30

видимо, подразумевались полевые арестантские подразделения — А.В.

31

ошибся с номером, 491-й батальон. — А.В.
